

СОЦИС

Журнал основан
в июне 1974 года

К 100-летию И. ГОФМАНА

- 3 КРАВЧЕНКО Е.И. Стертые метафоры И. Гофмана
16 СОКОЛОВ М.М. И. Гофман, каким мы его помним

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА. СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА

- 23 АНДРЕЕНКОВА А.В. Вера в справедливый мир в европейской культуре
36 ЦЫГАНОВ А.А. Пенсионные ожидания жителей России
43 ЩЕКОТУРОВ А.В. Имидж Калининградской области в нарративах мигрантов
55 МИТИНА Э.А., ЯРОШ О.Б., РЕУТОВА Э.В. Релевантность современности
муниципальной геральдики городов Республики Крым

СОЦИОЛОГИЯ ПРОФЕССИЙ

- 66 ТОЩЕНКО Ж.Т. К классификации профессий: социотехнологическое измерение
(опыт методологического анализа)

СОЦИОЛОГИЯ СЕЛА

- 77 ЛУШНИКОВА О.Л. Этнические особенности ведения хозяйства,
или У кого больше скота?
88 ДЬЯЧКОВ В.Л., КАНИЩЕВ В.В., ОКАТОВ А.В. Социологические и исторические
аспекты миграционных процессов в русской деревне XX – начала XXI в.
(на материалах Тамбовской области)

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

- 101 ОБРАЗЦОВ И.В., ПОЛОВНЕВ А.В. Вовлеченность школьников в дополнительное
образование и занятия иностранным языком

КАФЕДРА. КОНСУЛЬТАЦИИ

- 114 РАДАЕВ В.В. Кризис в современном преподавании: что именно пошло не так?

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

- 125 ПОДВОЙСКИЙ Д.Г., СПИРКИНА А.К. В тишине..., меж людей...:
молчание как предмет социологического изучения
-

ФАКТЫ. КОММЕНТАРИИ. ЗАМЕТКИ

- 136 ЛИТВИНОВА Т.Н., ЦЭЦЭНБИЛЭГ Ц., ЖЕЛЕЗНЯКОВ А.С. Перспективы российско-монгольского сотрудничества глазами граждан двух стран
- 143 ЧЕВТАЕВА Н.Г. Патримониализм в служебных отношениях российского чиновничества (по материалам дореволюционных эмпирических исследований)

ЮБИЛЕИ

- 148 Бороноеву А.О. – 85 лет!
- 150 Ключареву Г.А. – 65 лет!

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД НОВОЙ КНИГОЙ

- 152 КЛЮЧАРЕВ Г.А. Об университетской автономии в институциональном исполнении
- 158 **КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ** (рецензируются книги: *Hanafi S., Yi C. C. (eds) Sociologies in dialogue. SAGE: SAGE Studies in International Sociology, 2020.*
Рец. П.С. Сорокин; Общество будущего: духовный опыт концептуального поиска России и Китая / Науч. ред. *М.Ю. Захаров, И.Е. Старовойтова. М.: ГУУ, 2022. Рец. Р.В. Леньков*)

- 164 **КОРОТКО О КНИГАХ**

- 166 **ЖУРНАЛЬНЫЙ ГИД**

IN MEMORIAM

- 174 Памяти Л.Я. Рубиной

- 175 **CONTENTS**

НОВЫЕ КНИГИ ПО СОЦИАЛЬНЫМ НАУКАМ (2-я стр. обл.)

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ (4-я стр. обл.)

При подготовке направляемых в журнал статей просим руководствоваться правилами, указанными на сайте журнала (<http://www.socis.isras.ru/>; <http://www.isras.ru/socis.ru>) или на обложке журнала в № 1 и № 7. Статьи присылать по электронной почте (socis@isras.ru) в формате *.doc. Авторы **несут ответственность** за подбор и достоверность приведенных данных.

Решение о публикации принимается в течение **2-х месяцев** со дня регистрации рукописи. Принятие решения о соответствии/несоответствии поступивших статей профилю, концепции и тематике журнала является прерогативой редколлегии и редакции журнала. На основе рецензирования редакция принимает окончательное решение о публикации (или отклонении) статей.

Полная или частичная перепечатка материалов допускается только после разрешения редакции. Ссылка на источник обязательна. Публикуемые материалы могут не отражать точку зрения учредителей, редколлегии и редакции.

Полнотекстовые версии статей выставляются в свободном доступе на <http://www.socis.isras.ru/>, <http://www.isras.ru/socis.html> через три месяца после выхода печатной версии.

Сообщаем, что для быстрой и удобной подачи статей в журналы РАН можно воспользоваться редакционно-издательским порталом ras.jes.su. См. подробнее: <https://ras.jes.su/submit-paper-ru.html>

По возникающим вопросам обращаться по телефону редакции: +7 (499) 128-84-39 или писать на электронный адрес редакции: socis@isras.ru

К 100-летию И. ГОФМАНА

© 2022 г.

Е.И. КРАВЧЕНКО

СТЕРТЫЕ МЕТАФОРЫ И. ГОФМАНА

КРАВЧЕНКО Елена Ивановна – доктор социологических наук, профессор Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (elena.mslu@mail.ru).

Аннотация. Представлен вариант современного прочтения текстов известного американского социолога И. Гофмана¹ (11 июня 1922 – 19 ноября 1982). Исходным посылом автора статьи является следующее утверждение: судьба драматургического подхода напрямую зависит от жизнеспособности его когнитивных метафор, затрагивающих вечные, экзистенциальные вопросы жизни человека. Предложен нестандартный взгляд на хорошо известные тропы ученого, для чего выделены три опорные метафорические цепочки: (1) взгляд – рамка – дверь; (2) мир – театр – сон; (3) человек – лицедей – тень. В основу анализа положен постулированный Лакоффом принцип субкатегоризации. Кратко освещена коллизия понятийного и метафорического мышления в истории науки. Акцентирована необходимость «метафорического расширения» научного знания. Отмечено сходство исследовательских приемов Гофмана с техникой магического сюрреализма бельгийского художника Рене Магритта. В финале статьи звучит предупреждение о все более очевидной опасности превращения метафор Гофмана в пророчество.

Ключевые слова: И. Гофман • драматургическая перспектива • живая метафора • метафора как пророчество • рамка – дверь • театр – сон • актер – тень

DOI: 10.31857/S013216250020831-7

Вечное всегда носит одежду времени, и одежда эта так срывается с людьми, что порой под историческим мы не узнаем сегодняшнего, нашего, то есть в каком-то смысле мы не узнаем и не понимаем самих себя.

Лотман Ю. «Беседы о русской культуре»

Возвращение к автору, о котором писала четверть века тому назад, всегда чревато банальным парафразом однажды сказанного или, по меньшей мере, синопсисом. Соблазн немалый, но, по счастью, он не столь велик, как препятствия к нему, наиболее значительное из которых – мир, радикально изменившийся за последние несколько лет. Говорить о Гофмане и преподавать его социологическую теорию сегодня можно, только услышав ее живое дыхание.

Идея этой статьи навеяна работами нашего современника, самобытного философа Александра Филоненко, в частности циклом его лекций о роли метафоры в научном познании, благо отправной точкой теории Гофмана оказывается троп театра. Трудность лишь в том, что метафоры имеют свойство со временем тускнеть, теряя изначальную

---

¹ В другой (авторской) транслитерации – Эрвин Гоффман.

энергетику. Авторский замысел – засвидетельствовать, что жизнеспособность предложенной Гофманом драматургической перспективы всецело зависит от пробуждения ее метафор, их пылкости и глубинной витальной силы. Мы пройдем сквозь привычные слуху иносказания в надежде отыскать их предельные, а потому вневременные, основания. Читателю будет предложена версия прочтения гофмановских текстов в свете последних мировых событий, так или иначе затронувших каждого из нас.

Метафора как язык науки. Понятийное мышление (наука) и метафорика (искусство) – история их противостояния насчитывает не одно столетие. Периодически возникающие всплески интереса к законам развития науки, а значит и ее языка, затихли сравнительно недавно, в 1960–1980-е гг. Переломным моментом на пути к этому «перемирию» становится *magnum opus* Т. Куна «Структура научных революций». Он гласит: наука развивается не последовательным приращением знания и переходом количества в новое качество, а сменой гештальта. Меняется фокус – меняется научная картина, и в этом понятийное познание сродни метафорическому. И если поначалу Кун лишь намечает [Кун, 1977: 240] допустимость, а нередко предпочтительность, аналогий и метафор, то впоследствии методично настаивает на этом. Роль метафоры в развитии диалога между языком науки и миром трудно переоценить, утверждает он. «Выдвинутый новый закон или теорию почти никогда нельзя прямо соотнести с реальностью. ...Открытость и нечеткость метафоры имеет важную (мне кажется, точную) аналогию с процессом, посредством которого вводятся и используются научные термины» [Кун, 2014]. Поэтому наука испытывает острую необходимость в «метафорических расширениях».

Однако в полноте поправленное достоинство метафоры как инструмента научного познания восстанавливается трудами Х. Блюменберга [Blumenberg, 2010 (1960)], М. Блэка [Black, 1962], Дж. Лакоффа и М. Джонсона [2004 (1980)] и др. Так, в рамках совместной с И. Риттером работы по концептуальной истории Блюменберг выстраивает иерархию когнитивных метафор, особо выделяя т.н. абсолютные, или порождающие [Blumenberg, 2010: 62–69]. По его мнению, они лежат в основе познавательного процесса, давая жизнь научным концепциям. Они «имеют дело с такими феноменами, как мир, истина, жизнь или само мышление, которым не соответствует конкретное созерцание, и поэтому они не могут быть выражены понятийно. Но мы не можем о них не думать. Более того, мы думаем, исходя из абсолютных метафор»².

Абсолютным метафорам Блюменберга близки т.н. онтологические метафоры Лакоффа: они «настолько естественны и так пронизывают наше мышление, что воспринимаются как самоочевидные, прямые описания мыслительных процессов» [Лакофф, Джонсон, 2004: 54]. Это не единственный тип метафор, упомянутых Лакоффом, но, как все остальные (ориентационные, метафоры канала связи и др.), он определяет и структурирует концептуальную систему человека, создавая возможности «изменения взгляда на мир и новой категоризации опыта». По сути, метафора – это «феномен воображаемой рациональности. ...Новые метафоры могут создавать новое понимание и, тем самым, новые реалии» [Лакофф, Джонсон, 2004: 251].

Закономерен вопрос: а где же здесь реальность как таковая? Вопрос отчасти риторический, так как Кун отвергает формулировку «ученый изучает мир» как некорректную в принципе, настаивая на более точной – «ученый изучает мир в ключе такой-то парадигмы». У нас нет прямого доступа к реальности. Реальность «просачивается» к нам через зазор между ней самой и образом, посредством которого мы ее воспринимаем. Из этого явствует, что научное мышление может быть не только «схватыванием», но и «раной». Предложенное Филоненко сравнение безупречно: мышление как ответ на трудноуловимое, но «ранящее и поразительное», как «уязвимость» [Филоненко, 2010: 52]. И поскольку коснуться дна расселины между образом реальности и ей самой посредством

² Филоненко А. Красота и возвращение реальности: новые возможности теозэстетики. 2016. URL: <https://artos.org/projects/almanac/krasota-i-vozhraashhenie-realnosti-filonenko/> (дата обращения: 01.03.2022).

парадигмальной логики нам не дано, метафора и лишь она может стать порталом в ускользающую реальность, но при условии: если усилием сблизить далекое, нам действительно удастся вызвать к жизни принципиально *новое* понимание происходящего. Только в этом случае метафоры далеки от украшательства. В отличие от угасшей, живая метафора всегда способна сказать что-то очень важное и нужное о нас и нашей жизни. Вот и мы возвращаемся к наследию Гофмана, предельно внимательно вчитываясь в знакомые тексты, чтобы «оживить» ставшие хрестоматийными образы новыми интонациями. Располагает к этому особенность авторского почерка ученого.

Цепь умозаключений американского социолога образна, изобилует деталями, рассыпанными по страницам книг и статей. Среди них затеряны неприметные «*слова – ключи*», позволяющие преодолеть своего рода семантический эллипсис его письма. Поначалу они кажутся малозначимыми, проходными образами, не имеющими ничего общего с кодами доступа к сути теоретических выкладок ученого. Однако впоследствии оказывается, что именно эти, промельком блеснувшие в глубинах текста ключи-метафоры дешифруют работы Гофмана в гораздо большей степени, чем его пространные рассуждения.

Воспользовавшись предложенным Лакоффом принципом субкатегоризации – «фактически мы можем увидеть что-то за метафорой только с помощью другой метафоры» [Лакофф, Джонсон, 2004: 253], – мы погрузимся в метафорику Гофмана, его же собственными подсказками восполняя невольно утраченные смыслы. Сам текст, словами П. Рикера, должен высвободить выращенный в толще образов метафорический смысл, подсказывающий «новую семантическую правильность» [Рикер, 1990 (1975): 452–453].

В силу этого в предложенной статье речь пойдет (1) не столько о рамочном анализе, или фреймах, сколько о лабиринте мнимых выходов за их пределы; (2) не столько о театральном подмостках и даже не о закулистье, а о жизни, делающей эти инсценировки неотвратимыми; (3) не столько о масках и самопрезентациях, сколько о самонадеянных личинах и потерянных лицах. Иными словами, мы будем идти от противного, пытаясь понять, что именно оптика Гофмана позволяет нам увидеть в разломах своей социологической конструкции сегодня.

Взгляд (perspective) – рамка (frame) – дверь (door). В сентябре 1982 г. Гофман обращается к члену Американской социологической ассоциации с ежегодным президентским посланием, в котором подводит итоги своей научной работы, а спустя чуть более двух месяцев уходит из жизни, превращая послание в завещание. Случайность? Совпадение? Мистика? Пожалуй, что сам Гофман, пряча лукавую улыбку, уверил бы нас в обратном: «Ключ к разгадке этой тайны в том, что на самом деле никакой тайны нет и в помине; скрыть это от публики – вот что является настоящей проблемой» [Goffman, 1959: 70]. Как бы то ни было, «Порядок взаимодействия» – последний доклад социолога, в котором он, по обыкновению, не упускает возможности поиронизировать и над дарованной ему привилегией, и над достижениями академических социологов. «Нам, – вещает Гофман, – так и не удалось взрастить в своих студентах такую же высокопрофессиональную некомпетентность (выделено мною. – Прим. авт.), которой добились психологи от собственных, хотя, видит Бог, мы по-прежнему не покладем рук» [Goffman, 1982: 2].

Утверждая порядок взаимодействия в качестве самодостаточной и автономной предметной области микроанализа, социолог многократно и настойчиво подчеркивает отличие объективно данных от ситуативных, т.е. возникающих в процессе взаимодействия лицом-к-лицу здесь и сейчас обстоятельств взаимодействия. В понимании Гофмана порядок взаимодействия – это не столько правила, тем более нормы, сколько общие смыслы и взаимные соглашения понимать и воспринимать происходящее определенным образом. Иными словами, порядок взаимодействия – это скорее не про что, а про как.

Порядок предстает как некое единство обусловленных ситуацией элементов, связи между которыми очевидно теснее и интенсивнее, чем связи с элементами вне этого единства. Целостность упорядоченного пространства гарантирована существованием общей рамки восприятия – опорного концепта Гофмана. «Трудно представить себе опыт,

не организованный в терминах рамки» [Goffman, 1986: 122]. Понятие взаимодействия универсально, а потому мало что может объяснить по сути. Только рамка дает нам ответ на вопрос: «Что именно здесь творится?» [Goffman, 1986: 25].

Гофман описывает ее следующим образом.

(1) *Определение рамки.* При всем обилии формулировок – «мастерство понимания, подход, перспектива», «схема интерпретации», «способ описания событий», «определение ситуации, выстроенное в соответствии с организационными принципами, управляющими событиями», «план бытия» [Goffman, 1986: 20, 24, 10, 127] – мы без труда можем выделить ее смысловую доминанту: контекст, или семантическое поле, знание которого необходимо для извлечения смысла из происходящего. Как следствие, рамка отделяет нашу деятельность от «потока окружающих событий особым набором пограничных знаков... Вкратце, это – временные и пространственные скобки» [Goffman, 1986: 251].

(2) *Виды рамок.* Рамки восприятия различаются степенью безусловности, очевидности, для тех, кто их применяет (выделено мною. – Прим. авт.). Так, существуют (а) «первичные рамки», «не зависящее от некоторой предшествующей или “исходной” интерпретации» и придающие смысл тому, «что в противном случае было бы вообще бессмысленным» [Goffman, 1986: 21], и (б) их последующие многочисленные модификации. Обратим внимание: именно действующее лицо определяет, что для него первично, а что производно и вторично, хотя сама по себе «первичная реальность» – не более, чем вариант интерпретации происходящего [Goffman, 1986: 39].

Первичные рамки бывают природными и социальными. Первые работают с процессами неодушевленными, детерминированными, т.е. «чисто физическими» (например, сводка погоды), а потому неуправляемыми; вторые – с мотивированными, предполагающими волевое усилие и сознательное целеполагание, т.е. «одушевленными», а значит управляемыми посредством внешней социальной оценки действий человека (например, выпуск новостей с прогнозом погоды). Мера их внутренней организации может быть разной: от формализованных постулатов до интуитивных ориентаций. Очевидно, что Гофману интересны, в первую очередь, рамки социальные. О них и пойдет речь в дальнейшем.

(3) *Модификации рамки.* Выделенный и организованный с помощью рамки объем действий подвержен двум основным типам дальнейшего преобразования (читай, тиражирования): настройкам и фабрикациям. То, что воспринимается нами как «действительно, или фактически, или буквально происходящее» [Goffman, 1986: 47], живет в границах первичной рамки; то, что мы получаем в результате его преобразования как другое, отличное от него, представляет собой настройку. Так, шутивная пикировка может перерасти в серьезный конфликт, а нарастающие разногласия обращены в забаву. В свою очередь фабрикация, или фальсификация – это «сознательное усилие одного или нескольких индивидов управлять деятельностью так, чтобы у других людей возникло ложное представление о том, что именно происходит» [Goffman, 1986: 83]. Примером тому служат интриги или вероломные разговоры. К слову, одно из значений глагола *to frame* – подтасовывать факты.

(4) *Структура рамки.* Поскольку вереница преобразований может быть нескончаемой, ибо сами настройки подвержены дальнейшим трансформациям, то каждая новая настройка умножает напластования или, что, по Гофману, то же самое, еще более раскладывает процессы, схваченные прежней рамкой. В довершение всего, «подобно тому, как настраиваемы фабрикация, могут быть сфабрикованы и настройки» [Goffman, 1986: 158]. В итоге рамка обретает двуединую структуру: ее внутренняя часть всецело поглощает участников происходящего, в то время как ее внешний абрис становится ободком, уведомляющим нас о «статусе нашей деятельности в реальном мире» [Goffman, 1986: 82]. Однако, принимая во внимание предшествующие рассуждения Гофмана, словосочетание «в реальном мире» следовало бы скорректировать: в мире, который действующие в данной ситуации люди считают реальным. Не случайно социолог уточняет, что «в терминах первичных рамок можно отождествить ободок с лежащим глубоко внутри ядром» – для тех, кто их применяет, они сливаются в несомненном и само собой разумеющемся.

(5) *Взаимоотношения с мезо- и макроструктурами.* С одной стороны, для члена любой социальной группы первичной рамкой всегда будет «система групповых убеждений, ее “космология”» [Goffman, 1986: 27]. С другой – даже незначительные ритуалы, которыми насыщена наша повседневность, «не являются выражением системно-структурных расстановок в прямом смысле этого слова; в лучшем случае они выражают отношение к этим расстановкам (как к ресурсу)» [Goffman, 1982: 11].

Внутрирамочный мир – сфера спонтанно возникающих в ходе взаимодействия лицом-к-лицу импровизаций. Здесь царят своя логика и свои законы, хотя рождением ограниченного рамкой событийного пространства он изначально обязан миру «внешнему». Рамка, пишет Гофман, «по всей видимости, не является ни содержательной частью деятельности как таковой, ни частью мира за пределами этой деятельности, а скорее всего тем и другим одновременно, парадоксом» [Goffman, 1986: 252].

За рамкой Гофмана легче всего видеть метафору *каркаса или сосуда*, в котором особым образом плещется жизнь – плещется, пребывая одновременно и в макромире социальных структур, и вне его. В помощь такому видению – философское эссе Х. Ортега-и-Гассета «Две великие метафоры». Испанский философ полагает, что историю человеческой мысли можно условно разделить на два периода: один – начиная с древнейших времен и кончая Средневековьем; другой – от Возрождения сквозь Новое время к XX веку. Их различие коренится в том, *как именно мы познаем мир*. Античность сосредоточена на *восприятии*; «посредством его предмет... как бы приходит к субъекту со стороны и оставляет на нем отпечаток», отпечатываясь как на воощенной дощечке. Новое время *пестует воображение*. «Место печати и воощенной дощечки заступает новая метафора – сосуда и содержимого... С помощью воображения мы творим и рушим предметы, делим и перетасовываем их. А потому содержание мысли не может войти в нас извне, мы должны извлечь его из собственных глубин» [Ортега-и-Гассет, 1990: 80].

Близко ли сказанное Гофману? В известной мере. Его контекстуальная рамка каждый раз иссекает фрагмент мира, создавая внутри себя собственный, неповторимый и на удивление непохожий на голограмму внеположенного ему мира институциональных нормативов. Однако интереснее иная акцентировка рамочного анализа, навеянная уподоблением аналитической рамки раме картины. И та и другая неизбежны, как неизбежны границы нашего восприятия. Избранная нами перспектива, взгляд – это поступок, а «каждый поступок – неотменимый выбор, исключающий все прочие. ... Искусство [мы бы уточнили: любой вид творчества. – Прим. авт.] – это ограничение, суть любой картины выявляется рамой», – подмечает английский философ и писатель Г. Честертон. Ограничения определяют вещь, которую мы творим³.

Обе рамки задают своего рода канон, исходные параметры и требования тому, кто с ними или в них работает. В логике этих канонических ограничений и выстраивается особое пространство, судьба которого двояка: если следовать рамке неукоснительно, то она будет сковывать, жестко обрамляя; если же прислушаться к тому, что самопроизвольно рождается в ее границах, она постепенно разожмет свои тиски. Подлинное творчество – это второй путь. Призванная сфокусировать наше внимание и облегчить проникновение внутрь картины, рамка обречена на «исчезновение», ибо нас поглощает созданная ею реальность. При этом погружение во внутреннее пространство картины поразительным образом не сворачивает, а расширяет наше восприятие внешнего мира, придавая ему новые краски и смыслы. Людям искусства хорошо знакома эта метаморфоза рамки. Знает о ней и Гофман, уподобляя свою рамку «строительным лесам, которые следует возводить глазом для того, чтобы впоследствии разрушить» [Goffman, 1959: 224]. Но что именно обнаруживает поисковая рамка Гофмана?

Дверь, или дверной проем. Это сравнение появляется в рассуждениях автора о т.н. «производстве негативного опыта», ситуациях нарушения или разлома первоначально

³ С. 57–58. Честертон Г. Ортодоксия. Эссе / Пер. с англ. М.: ПСТГУ, 2003.

установленной рамки взаимодействия. «Сказать, что разламывание рамки может осуществляться снизу в виде незначительных нарушений происходящего, значит распахнуть одну дверь; однако, без сомнения, как и во всем, что касается рамочного анализа (выделено мною. – Прим. авт.), эта дверь лишь приведет нас к еще одной» [Goffman, 1986: 424].

На языке символов дверной проем – это всегда самая накаленная точка пространства на границе знакомого и неизведанного, устоявшегося и непредсказуемого, камерного и масштабного. «Вероломство образов» в стиле магического сюрреализма бельгийского художника Рене Магритта: сквозь очерченное контуром, прозрачное тело птицы мы видим небо и облака, сквозь стоящий на мольберте холст – гладь моря, сквозь закрытую дверь – дерево и дом. Всегда на вдохе и никогда наоборот.

У Гофмана все иначе. Создание, а затем деформация старой и появление новой рамки открывает нам нескончаемую анфиладу дверей, за каждой из которых оказывается еще одна – новая дверь, вовлекающая нас в изнуряющую бесконечность превращений. Контур действительно становится входом в другую реальность, но реальность эта – лабиринты замка Кафки. Ободок рамки оплотняется до содержимого, а содержимое сворачивается в ободок – калейдоскоп рамок-мизансцен, которые множатся, перетекая одна в другую. Сама природа рамочного анализа как бесконечной череды перевоплощений влечет нас к театральным подмосткам.

Мир (world) – театр (theatre / as if) – сон (sleep). Социальная жизнь как царство Мельпомены – одна из первых ассоциаций, возникающих при упоминании имени И. Гофмана. «Мир в целом не сводим к театральным подмосткам, определенно не весь он – театр», – начинает Гофман свой «Рамочный анализ» [Goffman, 1986: 1]. Однако по прошествии трех глав, вторя шекспировскому королю Макбету, он неожиданно восклицает: «Мир – словно театральные подмостки, лишь краткий час мы жалко пыжимся на них, и это все, что нам отпущено» [Goffman, 1986: 124]. Неразрешимая коллизия? Скорее, антитеза. По замыслу Гофмана, природа рамки антиномична и эта антиномия пульсирует штрих-пунктиром во всех социологических построениях ученого, проявляясь то в одной, то в другой форме. Примеров тому множество.

Мы помним, что реальное является для нас таковым только в силу своей «очевидности» и «беспредпосылочности», хотя совершенно ясно, что все это – не более чем наше внутреннее убеждение, сформированное жизненным (социальным) опытом. Что служит основой для преобразования, а что является его результатом, зачастую трудноразлично. «Кроме того, сами настройки подвержены настройкам, превращению превращений» [Goffman, 1986: 155].

Другая иллюстрация. Рамка в функции ограничителя изымает фрагмент социального мира, препарировав его в соответствии с определенной перспективой, но она же становится залогом тождества происходящего воспринимаемому, события и суждения о нем, так как предполагает проживание этого события в конкретной ситуации, а значит неизбежную отладку нашей точки зрения на него. «Рамки – это не только вопрос разума, в определенном смысле они аналогичны тому, как организована та или иная сторона нашей деятельности... Исходя из своего понимания происходящего индивиды подгоняют свои действия под это понимание и, как правило, обнаруживают, что непрерывно длящийся мир содействует этой подгонке» [Goffman, 1986: 246].

Еще один пример. Настройка наших действий, помещенных в первичную рамку и тем самым признанных исходно и несомненно реальными, «открывает нам нечто, что не является буквальным, реальным или действительно происходящим. Тем не менее можно говорить о том, что сама инсценировка этих действий была реальной, или действительно происходящей» [Goffman, 1986: 47]. Скажем, «характер, воспроизведенный на театральном подмостке, в определенном смысле не является реальным... Однако успешное воплощение любого из этих поддельных персонажей требует применения реальной техники, т.е. таких технических приемов, с помощью которых обычные люди подтверждают свое толкование реальных жизненных ситуаций» [Goffman, 1959: 254–255].

Как следствие, рожденное в лоне рамочного анализа уподобление социальной жизни сценическому действию невольно наследует эту исходную парадоксальность исследовательского приема Гофмана. Аналитическая рамка (будь то сценическая, техническая, политическая, структурная, культурная) не снимает, но всегда удерживает это напряжение между «да» и «нет», «действительно реальным» и «иллюзорно-реальным» благодаря своей пластичности и подвижности. Удерживает, не давая угаснуть, ибо метафора жизни как театральной мистификации известна с незапамятных времен.

Этимологически греческое слово θέατρον связывают не только с глаголом θέαομαι, означающим «смотрю» и «созерцаю», но и со словом Τεός (Бог). Изначально сценическое пространство было предназначено для совершения ритуалов, а значит сакрализовано. Сцена была естественным и органичным образом творимого свыше и целостного в своей первозданности мира. Однако последующая нюансировка этой объяснительной модели Вселенной удивительно напоминает ту, которую претерпевает театральная аналогия Гофмана в рамках всего лишь одной, впрочем, культовой его книги «Представление себя окружающим в повседневной жизни».

Поясним нашу мысль. Еще не стерта память о театре как вселенском ритуальном священнодействии, но из века в век становится все более ощутимой ее оценочная составляющая: от противопоставления сакрального профанному, священного мирскому до гротеска и буффонады, обличающих фальшь лицедейства как жизненного уклада и способа существования. Творчество Гофмана созвучно такому развитию проблематики театра. А кульминацией его рассуждений на эту тему становится едва ли не сентенция: «В качестве исполнителей, люди будут заниматься тем, чтобы поддерживать впечатление, будто их деятельность соответствует многочисленным стандартам, по которым оцениваются и они сами, и результаты их труда... Индивиды обеспокоены не моральной стороной этих стандартов, а аморальным вопросом производства убедительного впечатления, что эти стандарты на самом деле соблюдаются. Наша деятельность, таким образом, по большей части обусловлена моральными соображениями, но как исполнители мы не тревожимся об их нравственной подоплеке. Как исполнители, мы – торговцы моралью» [Goffman, 1959: 251].

А чуть менее двух десятилетий спустя Гофман подмечает еще один нюанс уподобления жизни театру – сон [Goffman, 1986: 14]. Заметим: именно сон (sleep), а не дремота (slumber), задумчивость (reverie) или грезы наяву (daydream). Сон движущихся по сцене, разговаривающих и жестикулирующих актеров театра жизни настолько глубок, пишет социолог, что отчетливо слышен их храп [Goffman, 1986: 14].

В логике Гофмана появление метафоры сна – естественное, хотя и неожиданное, решение излюбленной темы театра. Создание впечатлений и желание управлять ими, увлеченность постановочными эффектами, ролевая униформа взамен человеческой кожи [Goffman, 1986: 575], «замещающий опыт» как эрзац риска и восторга реальных действий в реальном времени и с реальными людьми [Goffman, 1982: 262–263] – все это неминуемо погружает людей в состояние, сходное с трансом, окутывая сонным мороком иллюзорной сопричастности подлинной жизни. «Когда вы смотрите на картину, можете задаться вопросом, что воображаемо, а что реально, – словно поддерживая Гофмана, продолжает Рене Магритт. – Речь [идет] о реальности явлений или о явлении реальности? Что действительно внутри, а что снаружи? Что у нас тут: реальность или сон?»⁴.

Однако если Гофман еще пытается различить сон и явь, то сегодня, в эпоху мультимедийных технологий, это различение становится поводом для упреков в обскурантизме. Пламенная речь интернет-магната Марка Цукерберга о ребрендинге Facebook и создании виртуальной вселенной под названием «Metaverse» с VR и AR-технологиями тому подтверждение: «Наша миссия остается прежней – соединять людей», – вещает он, де-факто

---

⁴ Маслов В. Говорит и показывает: цитаты Рене Магритта о воображаемом и реальном, трубке и тайнах // Архив. URL: https://artchive.ru/publications/3651~Govorit_i_pokazyvaet_tsitaty_Rene_Magritta_o_voobrazhaemom_i_real'nom_trubke_i_tajnah (дата обращения: 01.03.2022).

разрывая способными к телепортации интернет-телами живые связи людей друг с другом и миром⁵. Определенная «редактура» человека и вот уже мы в «новом дивном мире» беспредельных возможностей и такого же беспредельного надзора, ибо все наши контакты теперь опосредованы, а значит управляемы. Бесследно исчезает общение-событие как общение-событие, в котором равноположено все, вплоть до прикосновений и дыхания другого человека. Тает на глазах «чистая сфера Мы»: ведь мысль другого, писал А. Шюц, мы схватываем лишь «пока... мы разделяем с ним одно живое настоящее – одним словом: мы вместе стареем» [Шюц, 2004: 204]. Все остальное не живо, оно всегда «только что» и никогда «сейчас». Оно – тлен, сон. Только вот сон всегда снится, а «снится» – глагол, имеющий лишь возвратную форму, т.е. активную по отношению к тому, кто этот сон видит пассивно. Недаром Хорхе Луис Борхес в эссе «Метафора» не без сарказма выделяет пять пар вечных (читай, банальных) сравнений, одна из которых «сон и смерть» [Борхес, 1997: 1952]. Мы не владем сном и не вольны его контролировать. Тогда кто же мы у Гофмана, эти спящие наяву?

Человек (man) – лицедей (actor) – тень (shadow). Концептуальная модель человека-лицедея появляется у Гофмана одновременно с драматургической перспективой. В докторской диссертации «Коммуникативное поведение в общине острова Шетланд» (1953) социолог намечает, а в «Представлении» (1956) окончательно прорисовывает образ социального актера. Образ двояк и точно отзеркаливает двуединство рамки: *исполнитель*, «измотанный производитель впечатлений, вовлеченный в общечеловеческую задачу по постановке спектакля», и *характер*, он же персонаж, «фигура как правило превосходящая, чей дух, сила и другие полноценные качества призваны пробудить спектакль» [Goffman, 1959: 252]. Исполнитель – надо полагать, внутренняя составляющая, психобиологическая основа человека, характер – внешне явленный образ, как правило, делающий честь его владельцу, «часть общественно доступного институционального комплекса» [Goffman, 1961: 127].

При всей очевидности этого деления не стоит обольщаться его кажущейся простотой. Начнем с исполнителя, или игрока. Во-первых, ему подлежит не до конца проясненное Гофманом наше всечеловеческое естество (*all-too-human nature*), лишь единожды упомянутое в «Представлении». Оно и данность, и проект, реализуемый нами в опыте социального взаимодействия.

Во-вторых, само добровольно-принудительное исполнение ролей неизбежно невротизирует человека, и эта невротизация в конечном счете объясняется несколько отличным от классического неопрейдизма образом. Согласно Хорни невротик – «это человек, испытывавший обусловленные культурой трудности в особенно резкой форме... и впоследствии не сумевший разрешить эти трудности, или разрешивший их ценой слишком больших потерь для своей личности» [Хорни, 2016: 186]. Иными словами, среда всегда агрессивна, поэтому отличие нормального, с точки зрения общества, человека от невротика «количественное»: кто-то справляется, кто-то нет. У Гофмана, напротив, невротические реакции следует рассматривать не как отклонение травматика от нормальных стандартов поведения [там же: 11], обусловленных «специфическими культурными условиями, в которых мы живём» [там же: 4], а как результат успешного (*Sic!*) следования им. Невротик у него – не «пасынок нашей культуры», а благопристойный сын.

Примечательно, что с течением времени эта точка зрения обретает своих приверженцев. Спустя почти 30 лет после выхода книги «Представление» голландский социолог З. Линденберг описывает модель актера-невротика двумя меткими акронимами: **SRSM** (*socialized, role-playing, sanctioned man* / социализированный, действующий, исходя из ситуационных ролевых ожиданий, и подвергающийся санкциям человек) в духе структурного функционализма и **OSAM** (*opinionated, sensitive, acting man* / выносящий суждения,

⁵ Zuckerberg M. (2021) Founder's Letter. *Meta*. URL: <https://about.fb.com/news/2021/10/founders-letter> (accessed 01.03.2022).

подверженный влиянию других и действующий, напрямую исходя из собственного мнения человек) прикладных социологических исследований [Lindenberg, 1985]. Проблема первой модели – недостаток инициативы и находчивости в силу безраздельной приверженности санкциям и четким ролевым ожиданиям в уверенности, что другие им тоже следуют. Проблема второй – нехватка как изобретательности, так и осознанных ограничений; индивид становится слишком чувствительным к мнению окружающих, а потому возможности его выбора и эффективность принятого решения также невелики. Как следствие, обе модели уместны, пожалуй, только при описании стабильных, например, традиционных обществ.

Наконец, в-третьих, как бы ни разнились взгляды исследователей на происхождение невротической личности, в вопросе ее участи они единодушны. «Повинуется ли невротик другому человеку или судьбе..., удовлетворение, которое он ищет, – это, по-видимому, ослабление и угашение своего личного “Я”. Тем самым он перестает быть активным действующим лицом, а становится предметом, без собственной воли» [Хорни, 2016: 176]. Тот самый случай, о котором упоминает и Гофман: «Универсальная человеческая природа – не такая уж человеческая вещь. Обретая ее, личность превращается в своего рода конструкт, основанием которого становятся не ее внутренние психические предрасположенности, а моральные правила, внушаемые ей извне» [Goffman, 1982: 45]. Так рождается характер. И здесь нас снова поджидает неожиданность. Очерк 1967 г. «Где же действие?» Гофман предваряет словами легендарного циркача-канатоходца К. Валенды: «Балансировать на канате – это жизнь; все остальное подождет», – в тон ему отвечая на вынесенный в заглавие вопрос. Как действие, так и характер высвечиваются «на обочине социального мира», там, где наше Я, покидая твердую почву институциональных норм, решается испытать судьбу даже ценой «очевидных кратковременных конвульсий» [Goffman, 1982: 270].

Итак, с одной стороны, характер – это свойство, благоприобретенное в процессе полноценной социализации; с другой – в полноте заявляющее о себе только на периферии социума. Как это часто бывает у Гофмана, и да, и нет одновременно. Риск эквилибриста, принимающего вызов системы. К такого рода суждению можно прийти, лишь повторно расцепив понятийную рамку, что и делает автор. Он различает в характере (1) сущностное, т.е. неизменное, и (2) разрушаемое, но вновь рождаемое в роковые моменты жизни. Судьбоносные моменты дают человеку шанс определить, что именно ему вменяется обществом и готов ли он принять и согласиться на это. «Поэтому каждый раз при наступлении такого момента причастные ему будут обнаруживать для себя еще один небольшой шанс показать, на что они способны. Таков парадокс. Характер одновременно и неизменен, и изменяем» [Goffman, 1982: 238].

Таким образом, в широком понимании характер – «это постоянство-несмотря-ни-на-что» [ibid: 234], вбирающее первичные качества человека (отвагу, хладнокровие, азарт и др.). Последние подлежат всем ситуационным проявлениям Я, нашей способности мобилизоваться в нужный момент. В свернутом варианте характер – это наличие или отсутствие навыка сохранять и поддерживать «правильное лицо» в непредвиденных случаях. Характер свидетельствует о способности к самоконтролю и самообладанию [ibid: 217]. В отличие от первичных качеств этот навык всегда оценивается с точки зрения общественной морали по шкале «успех – провал».

Однако и это далеко не все. В текстах американского социолога концепт характера в узком смысле этого слова крошится щедрой россыпью фантомов: «ситуационное Я»; «вымышленное Я в событийном контексте»; «проекция собственного Я как момент распознавания ситуации»; «характер, явленный в настоящий момент» и т.д. Единицей измерения характера становится его сиюминутное проявление в предложенных обстоятельствах. В этой связи соотношение понятий «характер», «роль» и «лицо» оказывается еще более неочевидным.

Для начала вспомним, что Гофман считает «прискорбным предубеждением» мнить роль исключительно социальным феноменом, а индивида, или личность, более подлинным и биологически реальным по сравнению с ней, ее двигателем. «Игрок и его игровой

потенциал, должны изначально рассматриваться как одинаково проблематичные и одинаково открытые для возможного социального анализа. ...Более того, то, что является индивидуумом, или личностью, в одном контексте, является ролью, или игровым потенциалом, в другом» [Goffman, 1986: 270]. Отсюда дальнейшая детализация. «Я буду использовать термин “роль”, – пишет он, – как эквивалент узкоспециальной способности, или функции, понимая, что она присутствует как за кулисами, в реальной жизни, так и в ее постановочной версии; термин “личность” (person) будет относиться к обладающему биографией субъекту; “ролевое участие” (part), или “характер”, – к постановочной версии соответственно» [ibid: 129].

Очевидно, что в понимании Гоффмана характер не тождественен роли, хотя и предполагает ее. Логика ученого довольно замысловата. С одной стороны, у каждой роли есть свой характер [Goffman, 1959: 32]; с другой – характер оказывается своего рода «облачным хранилищем», содержащим бесчисленный ряд ситуационных воплощений актера.

В свою очередь *лицо* определяется «как позитивная социальная ценность, на обладание которой претендует человек... Лицо – это образ себя, очерченный в терминах одобренных обществом качеств, – причем образ, который оказывается приемлемым и для других...» [Goffman, 1982: 5]. Лицо призвано транслировать окружающим желаемое впечатление человека о самом себе в классических традициях управления впечатлениями и, как всякий священный объект, требует поклонения. До известной степени лицо – это соответствующий приличиям характер, который актер-невротик без труда превращает в «священного идола, имидж, или божество» [Goffman, 1953: 104]. Так изначальная сакральность театра возвращается сакрализацией социальных амплуа человека, с которыми он начинает себя отождествлять. Надо думать, с этого момента и разворачивается интрига, исходом которой станет еще одна, глубинная метафора Гоффмана.

Жизнь как поклонение вожделенному образу добропорядочного гражданина требует порядка, а потому ритуализируется настолько основательно, что даже наши самопроизвольные и ненамеренные проявления превращаются в «естественные указатели», уведомляющие нас самих и окружающих друг о друге. Все объекты и живые, и неодушевленные, поясняет социолог, «моментально структурируют пространство вокруг себя; они отбрасывают тень, возгревают среду обитания, разбрасывают указатели, оставляют следы, ...информируя соответствующим образом любого, кто находится в нужном месте, умеет и склонен их воспринимать» [Goffman, 1976: 6].

В книге «Гендер в рекламе» вскользь упомянутые «отпечатки», или «тени», очень точно воспроизводят облик персонажей подобно тому, как внешняя характерность актера (грим, костюм, особенности движения и речи) раскрывает его амплуа на сцене. Красно-речивые детали-следы, запечатленные в фоторепортажах, не просто обнажают отношения господства и подчинения между полами, утверждает социолог. Они сами «конституируют эту иерархию; они – и тень, и материальная субстанция (выделено мной. – Прим. авт.)» [Goffman, 1988: 6]. И вот мы уже свидетели вкрадчивой, но явной подмены: в мире социальных снов тени становятся более рельефными, чем живые люди. Тень уже не вместе с человеком, а скорее вместо него: снам знакомы лишь призраки, а не люди, точнее люди, от которых остаются только тени. Примечательно, что одно из международных значений слова тень – зона радиолокационного молчания, провал безвременья.

Поистине, в социальном пространстве мы начинаем считывать информацию не с человека, у которого есть тень, а с тени, у которой предположительно был человек. Стало быть, царство Мельпомены готово превратиться в царство Аида? Жизнь истончается до пресловутого сна, замороженный системными сценариями и знакомыми мизансценами человек – до своей тени-слепок, а рассуждения Гоффмана – до уговоров тени поменяться местами со своим владельцем из бессмертной сказки-мифологемы Андерсена:

- *Стоит вам согласиться быть моей тенью – и вы поедете на всем готовом.*
- *Вы сумасшедший!* – сказал ученый.
- *Но ведь таков мир, – сказала тень. – Таким он и останется!*

Да, он действительно останется таковым, однако адаптивность не равна самоуничтожению. У нашего уникального субстанционального Я есть шанс не просто выжить, но жить, хотя и в состоянии самообороны. «Наше сознание собственной индивидуальности, – заверяет Гофман, – возникает из тех неприметных способов и средств, с помощью которых мы оказываем сопротивление насилию. Наш статус опирается на нерушимое здание этого мира, в то время как наше самоощущение скрывается в его щелях» [Goffman, 1961: 319–320]. А значит все-таки стоит попробовать открыть рамку-дверь не наружу, а внутрь, потому что, по словам Карла Юнга, сны видит лишь тот, кто смотрит вовне; смотрящий же внутрь, просыпается [Jung, 1973 (1916): 33].

От метафоры к пророчеству. Намерен ли Гофман нас разбудить? По его собственным заверениям, нет. Назидание – не его конек. Он никогда не заигрывает с читателем. «Я лишь хочу подкрасться и понаблюдать, как люди храпят», – доверительно сообщает он [Goffman, 1986: 14]. И тем не менее исследователь исподволь дает шанс желающим задуматься над привычным, общеизвестным, усыпляющим. Бережное отношение к нюансам повествования социолога позволяет увидеть прикровенные грани его метафоры, «рассекая мир иным образом», по выражению Т. Куна [Кун, 2014].

Метафоры пробуждаются, когда начинают пробуждать, оживают, когда начинают жить. В противном случае может случиться самое страшное – превращение человека «в спящего с открытыми глазами: смотреть и не видеть, видеть и не думать о том, что видишь, ...проходить спокойно мимо зла и неправды»⁶.

Тексты Гофмана – это провокация, которая при ближайшем рассмотрении неожиданно оказывается модуляцией с кадансовым завершением в совершенно другом смысловом регистре. Мы живем или жизнь случается с нами? Мы думаем или нам, а может быть и нами, думается? Сегодня. Сейчас. В год памяти И. Гофмана, в год войны и на третьем году «Великой перезагрузки» с ее всемирным электронным концлагерем, экономикой социального рейтинга и «служебными людьми».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Борхес Х.Л. Метафора // Борхес Х.Л. Собр. соч. в 3-х томах. Т. 1. М.: Полярис, 1997. С. 192–195.
- Кун Т. После «Структуры научных революций». М.: АСТ, 2014.
- Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977.
- Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / Пер. с англ. М.: Едиториал УРСС, 2004.
- Ортега-и-Гассет Х. Две главные метафоры // Теория метафоры: Сборник: Пер. / Общ. ред. Н.Д. Арутюновой, М.А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 68–81.
- Рикёр П. Живая метафора // Теория метафоры / Пер. с фр. А.А. Зализняка; вступ. ст., сост. Н.Д. Арутюновой; пер. под ред. Н.Д. Арутюновой, М.А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 435–455.
- Филоненко А. «Производство присутствия» и новая культурная чувствительность: «нескромное предложение» Гумбрехта и его академические расширения // Койнония. Вестник ХНУ им. В.Н. Каразина. 2010. № 904. С. 49–74.
- Хорни К. Невротическая личность нашего времени / Пер. англ. и примеч. А.И. Фета. Nyköping (Sweden): Philosophical arkiv, 2016.
- Шюц А. Теория интерсубъективности Шелера и всеобщий тезис альтер эго // Шюц А. Избранное. Мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004. С. 202–232.
- Black M. Models and Metaphors: Studies in Language and Philosophy. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1962.
- Blumenberg H. Paradigms for a Metaphorology / Trans. R. Savage. Ithaca, Cornell University Press, 2010.
- Goffman E. Asylums. Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates. Garden City, N.Y.: Doubleday Anchor Books, 1961.
- Goffman E. Frame Analysis. An Essay on the Organization of Experience. Boston: Northeastern University Press, 1986.
- Goffman E. Gender Advertisements. N. Y.: Harper & Row Publishers, 1988.

⁶ Сухомлинский В. Письмо 19 // Сухомлинский В. Письма к сыну. М.: Просвещение, 1979. URL: <https://azbyka.ru/deti/pis-ma-k-synu-suhomlinskij-v-a> (дата обращения: 01.03.2022).

- Goffman E. *Interaction Ritual. Essays on Face-to-Face Behavior*. N.Y.: Pantheon Books, 1982.
- Goffman E. *The Interaction Order* // *American Sociological Review*. 1983. Vol. 48. No. 1: 1–17.
- Goffman E. *The Presentation of Self in Everyday Life*. Garden City, N.Y.: Doubleday Anchor Books, 1959.
- Jung C.G. To Fanny Bowditch. 22 October, 1916 // *Jung C.G. Letters*. Vol. 1: 1906–1950. Princeton University Press, 1973.
- Lindenberg S. An Assessment of the New Political Economy: Its Potential for Social Sciences and for Sociology in Particular // *Sociological Theory*. Spring 1985. P. 99–113.

Статья поступила: 14.03.22. Принята к публикации: 07.05.22.

ERVING GOFFMAN'S TRITE METAPHORS

KRAVCHENKO E.I.

Lomonosov Moscow State University, Russia

Elena I. KRAVCHENKO, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (elena.mslu@mail.ru).

Abstract. The article reconsiders Goffman's legacy in the light of present-day realities. The author deems the revitalization of cognitive metaphors to be premise and necessary condition for viability of the dramaturgical perspective. Metaphors awaken when they begin to wake us up, come to life when they give us life. In view of this, an attempt has been made to reveal all-too-human and atemporal facets of the tropes we are all very familiar with – in other words, their primary existential foundations. However, as G. Lakoff and M. Johnson put it, relationships between metaphors are based on entailment, or on sub-categorization. Sharing P. Ricoeur's point of view that "metaphorical sense as such feeds on the density of the imagery released by the poem" – and actually, by any metaphorical text – the author makes clear meanings elusive and "deciphers" Goffman's writings using his (Goffman's) own "prompt messages" or low-key details to resolve some kind of semantic ellipsis. As a result, key metaphorical lines of reasoning under discussion include (1) perspective–frame–door; (2) world–theatre/as if–sleep; (3) man–actor–shadow. Our attention is drawn to the astounding similarity between frame analysis and brushwork of Belgian surrealist Rene Magritte who challenged preconditioned perceptions of familiar things giving them new contextual meanings. In the concluding section a cautionary note about the possible transformation of Goffmanesque metaphors to prophecy is sounded.

Keywords: E. Goffman, dramaturgical perspective, living metaphor, prophetic metaphor, frame-door, theatre-sleep, actor-shadow.

REFERENCES

- Black M. (1962) *Models and Metaphors: Studies in Language and Philosophy*. Ithaca, New York: Cornell University Press.
- Blumenberg H. (2010) *Paradigms for a Metaphorology*. Trans. R. Savage. Ithaca, Cornell University Press.
- Borkhes Kh.L. *Metafora*. In: Borkhes Kh.L. *Collected Works in Three Volumes*. Vol. 1. Moscow: Polaris, 1997: 192–195. (In Russ.)
- Filonenko A. (2010) "Production of Presence" and New Cultural Sensitivity: Gumbrecht's "Immodest Proposal" and its Academic Extensions. *Koynoniya. Vestnik KHNU im. V.N. Karazina* [KOINONIA. Bulletin of KhNU V.N. Karazin]. No. 904: 49–74. (In Russ.)
- Filonenko A. (2016) *Beauty and the Return of Reality: New Possibilities of Theoaesthetics*. URL: <https://artos.org/projects/almanac/krasota-i-vozvrashhenie-realnosti-filonenko/> (accessed 01.03.2022). (In Russ.)
- Goffman E. (1959) *The Presentation of Self in Everyday Life*. Garden City, New York: Doubleday Anchor Books.
- Goffman E. (1961) *Asylums. Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates*. Garden City, New York: Doubleday Anchor Books.
- Goffman E. (1982) *Interaction Ritual. Essays on Face-to-Face Behavior*. New York: Pantheon Books.
- Goffman E. (1983) *The Interaction Order*. *American Sociological Review*. Vol. 48. No. 1: 1–17.
- Goffman E. (1986) *Frame Analysis. An Essay on the Organization of Experience*. Boston: Northeastern University Press.

- Goffman E. (1988) *Gender Advertisements*. New York: Harper & Row Publishers.
- Horney K. (2016). *The Neurotic Personality of Our Time*. Nyköping (Sweden): Philosophical arkiv. (In Russ.)
- Jung C.G. (1973) To Fanny Bowditch. 22 October, 1916. In: Jung C.G. *Letters*. Vol. 1: 1906–1950. Princeton University Press.
- Kuhn Th. (1977) *The Structure of Scientific Revolutions*. Moscow: Progress. (In Russ.)
- Kuhn Th. (2014) *The Road since Structure*. Moscow: AST. (In Russ.)
- Lakoff G., Johnson M. (2004) *Metaphors We Live By*. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.)
- Lindenberg S. (1985) An Assessment of the New Political Economy: Its Potential for Social Sciences and for Sociology in Particular. *Sociological Theory*. Spring: 99–113.
- Ortega y Gasset J. (1990) Las dos grandes metaforas. In: *Theory of Metaphor*. Transl. from Spanish by N.D. Arutyunova; introduc. art., comp. by N.D. Arutyunova; transl. ed. N.D. Arutyunova, M.A. Zhurinskaya. Moscow: Progress. (In Russ.)
- Ricoeur P. (1990) La metaphore vive. In: *Theory of Metaphor*. Transl. from Fr. by A.A. Zaliznyak; introduc. art., comp. by N.D. Arutyunova; transl. ed. N.D. Arutyunova, M.A. Zhurinskaya. Moscow: Progress: 435–455. (In Russ.)
- Schutz A. (2004) *Scheler's Theory of Intersubjectivity and the General Thesis of the Alter Ego*. In: Schutz A. *Selected Works*. World glowing with meaning. Moscow: ROSSPEN. P. 202–232. (In Russ.)

Received: 14.03.22. Accepted: 07.05.22.

М.М. СОКОЛОВ

И. ГОФМАН, КАКИМ МЫ ЕГО ПОМНИМ

СОКОЛОВ Михаил Михайлович – кандидат социологических наук, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия (msokolov@eu.spb.ru).

Аннотация. Оказал ли Гофман влияние на развитие социологии? С одной стороны, по формальным признакам он остается одним из самых читаемых и почитаемых социологов второй половины XX в. С другой – дисциплинарные «мемы» («драматургическая перспектива» и т.п.), с которыми он ассоциируется, являются в лучшем случае упрощенным пересказом, в худшем – полным искажением (популярное понимание «фрейма») содержания его работ. Непосредственные продолжения его исследований сегодня можно обнаружить в социолингвистике, но не в социологии. Странный статус Гофмана определен рядом обстоятельств, самое важное из которых, вероятно, – изменение в имплицитном понимании социологами своей миссии, все последствия которого, однако, они не готовы принять.

Ключевые слова: Ирвинг Гофман (Erving Goffman) • история социологии • социология социологии • признание • академическая память

DOI: 10.31857/5013216250020832-8

Повлиял ли Гофман на современную социологию? На самый поверхностный взгляд положительный ответ здесь очевиден. Во время опроса социологов всего мира, проведенного Международной социологической ассоциацией в 1998 г., «Представление себя другим» заняло десятое место среди сильнее всего повлиявших на членов ассоциации книг¹. Google Scholar сообщает, что его работы цитируются примерно 20 000 раз в год – больше, чем многие знаменитости могут надеяться собрать за жизнь. Его тексты – обязательный элемент курсов социологической теории, читаемых по всему миру.

Место в социологическом пантеоне не обязательно означает, однако, влияние на умы потомков. Классиков могут помнить за идеи, которые не имеют к ним никакого отношения. Наследие знаменитых социологов сохраняется в виде того, что сегодня называют «мемами» – ключевых слов или образов, транслируемых в учебных программах, заучиваемых студентами перед экзаменами и цитируемых в научных статьях, чтобы обозначить кругозор автора. Эти мемы могут быть ближе или дальше к тому/от того, что сами знаменитости признали бы своим наследием. В этом смысле классиков можно делить на счастливых и удачливых – прославляемых за то, что они на самом деле сказали, и за мысли, приписанные им по ошибке. Вебер предстает перед нами, в целом, счастливым классиком: со всеми оговорками, стандартное изложение «Протестантской этики» как книги, доказывающей, что религиозные идеи могут стоять за экономической эволюцией, отражает ее содержание. Гарфинкеля можно считать удачливым: изложения «Исследований по этнометодологии», дошедшие до учебников, редко имеют хоть какое-то отношение к тому, что сам Гарфинкель считал, в ней написано (много ли читавших учебники смогут объяснить, что Гарфинкель считал этнометодологию развитием идей Дюркгейма? [Garfinkel, 2002])².

---

¹ URL: <https://www.isa-sociology.org/en/about-isa/history-of-isa/books-of-the-xx-century> (дата обращения: 15.05.2022).

² Разумеется, помимо тех, кто знает классиков на уровне мемов, есть обычно некоторое число тех, кто изучал их более основательно. Удивительным образом, среди последних обычно гораздо меньше согласия по поводу того, что на самом деле эти классики хотели сказать, чем среди первых. Мою собственную версию того, что хотел сказать Гофман, если она кого-то заинтересует, можно найти здесь [Соколов, 2017].

Гофмана можно считать умеренно счастливым. Большинство социологов представляют себе содержание самой известной его книги «Представления себя другим в повседневной жизни» по ее названию. И в книге действительно идет речь о представлении себя другим, хотя за этим кроется значительно больше, чем часто предполагают. Гофман видел социальное взаимодействие как обмен потоками личной информации. Обычное понимание его модели делает акцент на одной составляющей этого процесса – контроле над информацией, получаемой другими людьми, или управлении их впечатлениями. Фактически, однако, этот контроль – часть куда более обширного поведенческого комплекса, включающего в себя, например, активные усилия окружающих получить или (чаще) не получить компрометирующую других информацию и, если уж они ее получили, не допустить утечки информации о том, что та информация получена («тактичность»). В свою очередь, те, к кому компрометирующая информация относится, стремятся снизить для окружающих издержки тактичности (тактичность в отношении тактичности), и т.д. и т.п. «Театральная метафора», к которой наследие Гофмана часто сводят, не охватывает эти уровни взаимодействия, тем более не отражает дюркгеймианских идей Гофмана о квазирелигиозной природе ритуалов вежливости. Характерно, что сам Гофман лишь однажды использовал театральный словарь за пределами своей первой книги. Единственным позднейшим обращением к нему является глава «Театральный фрейм» в «Анализе фреймов» [Goffman, 1974: 123–156], в которой Гофман откровенно иронизирует над собственной репутацией, показывая, почему повседневное социальное взаимодействие *НЕ* похоже на театральное представление.

Второй из тройки его самых известных книг – «Стигма» – также, в целом, повезло. С гофмановской помощью «стигма» превратилась в распространенный элемент обществоведческого и политического словаря западных обществ; хотя ее обыденное понимание отличается от оригинального³, но в большинстве случаев различием можно пренебречь. Хуже пришлось третьей книге – «Анализу фреймов». Хотя само слово «фрейм» вошло в социологический словарь, его значение претерпело необратимую трансформацию, превратившись в синоним «перспективы», «схемы интерпретации» или просто «точки зрения». Во многом своими цитированиями «Анализ фреймов» обязан статье Сноу и коллег 1986 г. [Snow et al., 1986; Benford, Snow, 2000]. В ней «фрейм» используется, чтобы сказать простую вещь: разные политические силы предлагают разные интерпретации одних и тех же событий – что для одних превентивная спецоперация, для других агрессивная война – и политическая борьба во многом состоит в том, чтобы доказать, что твоя интерпретация максимально конгруэнтна миропониманию как можно более широких кругов потенциальных сторонников. Хотя нет никаких сомнений, что эти процессы важны и заслуживают изучения, в необходимости ссылаться на Гофмана в этом контексте есть некоторые сомнения. Во-первых, можно заметить, что подобная символическая борьба является классической темой риторики со времен Аристотеля и потребность в новом слове для описания уже многократно описанных явлений неясна.

Во-вторых, риторика – это совсем не то, о чем говорится в книге Гофмана. «Фрейм-анализ» представляет собой эксцентричную попытку разобраться в том, как устроена небуквальность в социальной жизни, – не в том, как возможны разные интерпретации одних и тех же событий, а в том, как одно и то же событие может одновременно значить и не значить одну и ту же вещь. Возвращаясь к исходному определению фрейма в «Теории игры и фантазии» Бейтсона [Bateson, 2006], которую Гофман цитирует как источник этого понятия, мы можем объяснить, что это такое, взяв для примера игривый укус молодых животных. Игривый укус – это действие, которое одновременно имитирует реальный укус (иначе непонятно,

³ «Стигма» превратилась в любой нежелательный социальный атрибут; различие с гофмановским определением в том, что у Гофмана стигма – атрибут, который делает индивидов хуже, чем те были бы без него, диссоцируясь с их остальными характеристиками [Goffman, 1963: 3]. Контраст проявляется, например, в том, что, в соответствии с гофмановским определением, обитатели социального дна не могут быть стигматизированы, потому что любой атрибут, дискредитирующий других, в их случае будет органическим дополнением их неприглядного статуса.

во что играют), но, с другой стороны, содержит собственное отрицание, сообщение – «это укус, который в действительности не укус» (иначе дальше последует драка, а не игра). «Игривость» в этом понимании – это и есть фрейм наравне с другими, например «театральностью», благодаря которой зрители способны отличить происходящее на сцене с героями пьесы и происходящее с исполняющими их роли актерами (ребенок, пытающийся предупредить актрису, играющую Белоснежку, об отравленном яблоке, показывает, что будет, если попасть в театр, не овладев соответствующим фреймом). «Фрейм-анализ» демонстрирует, что подобные интерактивные кавычки, придающие заключенному в них особый статус, гораздо распространеннее в нашей жизни, чем может казаться на первый взгляд (так, его последняя глава посвящена лингвистическому фрейму не прямой речи, позволяющей собеседнику безошибочно распознать, что слова «Уходи, я тебя ненавижу» не значат то, что они значат сами по себе, если являются частью фразы «А она мне и говорит: “Уходи, я тебя ненавижу”»).

Это то, чему посвящено 700 страниц гофмановской книги. Однако лишь малое число социологов, пишущих о фреймах, употребляют данный термин в исходном значении, и исчезающе малое число – осуществляют какие-то исследования, которые можно было бы назвать развитием гофмановских. Действительно, даже правильно понятый, или счастливый, автор не обязательно оказывает влияние на потомков. Влияние подразумевает убеждение следовать за собой; его индикатором является, например, разрастание концептуального аппарата той или иной теории⁴. Если автору этой статьи позволена метафора (Гофман бы не возражал), есть классики – верстовые столбы и классики – дорожные знаки. Первые из них служат напоминанием о пути, пройденном дисциплиной, но никак не определяют направления дальнейшего движения, вторые – определяют направление движения, хотя воспоминания о них могут быть куда менее отчетливыми, а масштаб их персонального культа – куда более скромным. Конт является типичным верстовым столбом: вводные курсы по социологии повсеместно начинаются с рассказа о нем, но вряд ли есть живой социолог, считающий себя его последователем. Примером второго является Отис Дадли Данкан. Большинство социологов, за исключением занятых социальной стратификацией, скорее всего довольно смутно помнят его имя, хотя Данкан, вероятно, сильнее всего повлиял на методический облик дисциплины (достаточно сказать, что их совместная с П.М. Блау книга [Blau, Duncan, 1967] была первой, широко использующей многомерные регрессии – самый ходовой статистический метод в последующие полвека).

Может показаться, что Гофман был типичным верстовым столбом. Написано бесконечное число студенческих и нестуденческих работ, использующих его словарь в описании того или иного явления – от представления себя в «Тиндере» до стигмы женщин-программисток. Однако лишь очень немногие – учитывая масштабы его известности – предлагали какое-то развитие его идей или хотя бы пополнение терминологии. При этом, как ни странно, те, кто фактически следовал по его стопам, часто не вспоминали его имени, а те, кто громче других поминал его имя, использовали это имя для обозначения идей, в отношении которых авторство Гофмана весьма спорно⁵. В последнем случае ссылки на Гофмана использовались так, как вообще чаще всего используются ссылки на признанных классиков – чтобы легитимировать тот или иной ходы мысли [Hargens, 2000], доказав, что еще великий интеллектуальный предок считал какую-то проблему достойной социологов. Здесь можно упомянуть двух гофмановских студентов – Рэндалла Коллинза и Арли Хокшильд. Коллинз воспользовался понятием

⁴ Возможно, вероятно, чисто отрицательное влияние – Х повлиял на потомков тем, что никто не захотел следовать его дурному примеру. С ходу придумать подходящий пример, однако, не удается.

⁵ Гофман сам во многом несет ответственность за это положение вещей. Он никогда не стремился создать школу и не поощрял своих учеников развивать его идеи или использовать его терминологический аппарат. Те, кто писал диссертации под его научным руководством, вспоминали, что он призывал их делать атеоретичную этнографию (из которой можно было бы взять иллюстрации для его статей) и в целом проявлял себя не слишком заботливым научным руководителем (см., например, воспоминания Эвиатара Зерубавеля, заботливо задокументированные Дмитрием Шалиным. URL: http://cdclv.unlv.edu/archives/interactionism/goffman/zerubavel_08.html (дата обращения: 15.05.2022)).

«интерактивного ритуала» для обозначения любой ситуации, в которой сопresentствующие устремляют внимание на один объект, предположительно генерируя при этом эмоциональную энергию [Collins, 2014]. Полезное или нет, это понятие вряд ли имеет отношение к Гофману, у которого «интерактивный ритуал» соответствует обмену информацией между сопresentствующими. Хокшильд [1983] обращается к Гофману, объясняя, что эмоции становятся сигналами, выдающими окружающим информацию о том, как индивид определяет ситуацию (выказывать гнев на свое начальство не рекомендуется, поскольку гнев сигнализирует о нашей внутренней уверенности, что с нами обошлись несправедливо, – а начальство неблагоразумно ставить в известность о том, что, по нашему мнению, оно поступает нехорошо), – идея, которую Гофман, вполне возможно, признал бы своей, но которую он, кажется, не высказывал⁶.

Отдельная группа работ представляла собой попытки синтезировать теорию Гофмана с тем или иным направлением в социологии, таким образом увеличив легитимность обеих за счет демонстрации того, что все великие умы прошлого думали одинаково – и примерно в том же направлении, что и авторы текста. Так, Дмитрий Шалин [Shalin, 2007] пытался добавить Гофману телесности, а Тревор Пинч [Pinch, 2010] и Виктор Вахштайн [2011] – материальности. Такие попытки, однако, далеко не всегда выходят за пределы простого обозначения потенциальных точек соприкосновения (я назвал бы анализ фреймов городского пространства Вахштайном и попытку Томаса Шеффа [Scheff, 2005] объединить фрейм-анализ с эпистемическими играми как примеры синтезаторской работы, намечающей при этом новые исследовательские горизонты)⁷.

Среди тех, кто фактически двигался в том же направлении, что и Гофман (не всегда называя его по имени), мы найдем преимущественно несоциологов. Самая важная группа работ здесь принадлежит антропологам и лингвистам, исследующим этикет, прежде всего «Теория вежливости» Браун и Левинсона [Brown and Levinson, 1987]. Те напрямую заимствовали у Гофмана (ссылаясь на него) понятие «лица» как концепции индивида, возникающей во взаимодействии с другими, и понимание вежливости как свода правил, регулирующих обращение с этой концепцией. Развитием этой линии можно считать анализ Стивенном Пинкером [Pinker, 2007] ситуаций, при которых люди говорят нечто отличное по смыслу от буквального содержания их сообщения, например, когда романтическое приглашение слабо завуалировано неубедительным предложением зайти выпить кофе посреди ночи. Смысл этой завуалированности, говорит Пинкер (не ссылаясь на Гофмана), в том, что отказ может выглядеть отказом от кофе, а не от романтического партнерства, и хотя обе стороны понимают, что в действительности имелось в виду⁸, факт того, что обидные слова не сказаны, позволяет сторонам сохранить лицо (предложение кофе в этом контексте как раз является примером тактичности в отношении тактичности – предлагающая сторона предусмотрительно формулирует предложение так, чтобы его можно было отклонить, не обидев другую сторону).

⁶ Возведение интеллектуальной родословной своих идей к той или иной великой фигуре имеет светлую и темную стороны: оно увеличивает вероятность их восприятия коллегами, создавая опасность того, что именно первоначально будут приписаны все заслуги ссылающегося. Хокшильд вышла из положения, заявив, что Гофман был слеп к человеческой эмоциональности и видел в выражении чувств только произвольные сигналы, не понимая их субъективного значения. По ее словам, гофмановские герои лишены внутренней жизни, а их чувства – лишь театральные представления, разграниченные для публики [Hochschild, 1983: 216–217]. Упрек выглядит не слишком справедливым в свете того, что Гофман написал специальные тексты об азарте и смущении и явно не говорил в них, что те являются лишь театральными представлениями [Goffman, 1956; 1961].

⁷ Автору строк принадлежит попытка объединить схемы Гофмана и Бурдьё, что, впрочем, может считаться тривиальной задачей, учитывая, что самая ранняя работа Гофмана «Символы классового статуса» (1951) может быть прочитана как конспект «Различия», опубликованный, правда, за без малого 20 лет до появления конспектируемого издания.

⁸ Для того, чтобы эта интерактивная хореография была возможна, необходимо, чтобы намек был достаточно прозрачным – иначе, к обоюдному неудовольствию, принято или не принято может быть не то предложение, которое реально сделано.

Еще одной линией исследований, по отношению к которой работы Гофмана выглядят прологом, является изучение помещенной в ситуацию (situated) коммуникации в этнометодологии и смежных областях лингвистики [Goodwin, 2000; Mondada, 2016]. Понимание интеллектуальных отношений Гофмана с этнометодологией во многом затрудняется историей его личных отношений с этнометодологами. Некоторые из самых талантливых учеников Гарфинкеля, в первую очередь Сакс и Щеглофф, перебежали к нему от Гофмана и принялись открыто атаковать методы последнего как безнадежно устаревшие. Изучению интеракции с опорой на житейские наблюдения и цитаты из беллетристики они противопоставили исследования, опирающиеся на последнее слово техники – магнитофонные записи и их транскрипции по Джефферсон. Гофман обрушился на беглецов в своих последних социолингвистических работах, утверждая, что они, мягко говоря, заблуждаются, думая, что магнитофон позволяет им полностью фиксировать интеракцию [Goffman, 1979]. Люди взаимодействуют, говорил Гофман, еще и взглядами и позами, и в их интеракции играет роль вещественное окружение. Действительно, уже в 2000-х гг. выросшая из этнометодологии ветвь лингвистики приходит к выводу, что аудиозаписей критически не хватает для анализа речевого взаимодействия, и обращается к видеозаписям и обменам невербальными сигналами. Гофман мог бы считать, что посмертно взял верх над своими неверными учениками⁹.

То, что гофмановские идеи получили развитие скорее в лингвистике, чем в социологии, закономерно. Социология изменилась с гофмановской эпохи. Сегодня ни одна из его статей, вероятно, не нашла бы дороги на страницы уважающего себя журнала – и по соображениям формы, и по соображениям содержания. В смысле формы гофмановские тексты обычно далеко превосходят самые щедрые объемы, допускаемые журналами, – и это при том, что в большинстве из них нет ничего, что сегодня сошло бы за обзор литературы. Он писал что-то вроде социологических повестей – слишком большие, чтобы сойти за рассказы, но слишком маленькие, чтобы выйти под самостоятельной обложкой как романы. При этом Гофман формировался как автор в интеллектуальной среде, в которой считалось, что академический текст должен быть написан так, чтобы его можно было читать ради удовольствия от процесса чтения (и в этом смысле он был типичным представителем Чикагской школы с ее беллетристическими амбициями), – позиция, которая обычно не встречается сегодня понимания у редакторов и рецензентов, ожидающих от авторов большего аскетизма в обращении с языком.

Гофман, однако, анахроничен и в плане содержания. Он смотрит на социальный мир с позиций незаинтересованного натуралиста, стоящего над тревогами и проблемами объектов своего созерцания. В своем президентском послании к членам Американской социологической ассоциации – которое, он знал, будет прочтено после его смерти в ноябре 1982 г. – он призывал социологов уподобиться примеру естественных наук и изучать социальный порядок «потому, что он есть»¹⁰. Подобная отстраненность перестала привлекать социологов после 1960-х гг. Большинство из нас верит (по крайней мере, думает, что остальные ожидают от нас, что мы будем притворяться, что верим), что наши исследования должны служить решению социальных проблем. Изучение того, как люди понимают

⁹ Еще одной линией развития гофмановской работы, по отношению к которой он сам, вероятно, был бы очень двойственно настроен, могут считаться исследования управления впечатлениями в психологии, рассматривающие склонность к ним как личностную черту и/или реакцию на специфические характеристики ситуации (см. обзор в: [Leary, Kowalski, 1990]).

¹⁰ Для многих уподобление примеру естественных наук ассоциируется с цифрами, которые в работах Гофмана полностью отсутствуют. Гофман (и, надо отметить, значительная часть микросоциологов его поколения) видел основным признаком научности не использование математики, а натуралистическую беспристрастность этнологов. Можно спорить о том, в какой мере эта отстраненность была лишь маской/позой со стороны Гофмана – учитывая, что некоторые из его текстов были живо восприняты в социально-политических дебатах («Тотальные институты» стали классикой антипсихиатрического движения, «Гендерная реклама» – феминистского, «Стигма» – движений за все формы социальной справедливости одновременно), и тем более о том, в какой мере социальная озабоченность на самом деле мотивирует современных социологов. Но так или иначе, как Гофман напоминает нам, смена публичной маски сама по себе часто более существенна, чем большее или меньшее соответствие этих масок лицу под ними.

или не понимают, что подразумевает приглашение выпить кофе посреди ночи, не вполне оправдывает это ожидание. Неудивительно, что лингвисты, считающие, что можно изучать предлоги, «потому, что они есть», и не задумываясь, как это изучение поможет в борьбе с социальным неравенством и глобальными потеплением, оказались для Гоффмана гораздо более благодарной аудиторией, чем его бывшие коллеги.

И все же, отказавшись идти по пути, предложенному Гоффманом, социологи не забыли о нем вовсе. Его книги остаются дорожными указателями, но указывающими на путь, не выбранный дисциплиной. Пока мы помним о них, мы знаем, что могли бы повернуть в направлении, отличном от того, в котором мы бредем сегодня.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Вахштайн В.С. Социология повседневности и теория фреймов. СПб.: Изд-во Европейского ун-та, 2011. [Vakhshayn V. (2011) *The Sociology of Everyday Life and the Theory of Frames*. St. Petersburg: European University at St. Petersburg Press. (In Russ.)]
- Соколов М.М. Предисловие научного редактора. В Гоффман Э. Поведение в публичных местах. Эссе о социальной организации сборищ. М.: Элементарные формы, 2017. С. 9–52. [Sokolov M. (2017) Academic editor's introduction. In: Goffman E. (2017) *Behavior in Public Places. Notes on the Social Organization of Gatherings*. Moscow: Elementary Forms. P. 9–52. (In Russ.)]
- Bateson G. (2006) A theory of play and fantasy. In: K. Salen, E. Zimmerman. *The Game Design Reader. A Rules of Play Anthology*. Cambridge, Mass: MIT Press: 314–328.
- Benford R.D., Snow D.A. (2000) Framing processes and social movements: An overview and assessment. *Annual review of sociology*. Vol. 26. No. 1: 611–639.
- Blau P.M., Duncan O.D. (1967) *The American Occupational Structure*. N.Y.: Free Press.
- Brown P., Levinson S.C. (1987) *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Collins R. (2014) *Interaction Ritual Chains*. Princeton university press.
- Garfinkel H. (2002) *Ethnomethodology's Program: Working out Durkheim's Aphorism*. Rowman & Littlefield Publishers.
- Goffman E. (1951) Symbols of class status. *British Journal of Sociology*. Vol. 11. No. 2: 294–304.
- Goffman E. (1956) Embarrassment and social organization. *American Journal of Sociology*. Vol. 62. No. 1: 264–271.
- Goffman E. (1959) *The Presentation of Self in Everyday Life*. New York: Doubleday Anchor.
- Goffman E. (1961) Fun in Games. In: E. Goffman *Encounters: Two Studies in the Sociology of Interaction*. Indianapolis: Bobbs-Merrill: 1–84.
- Goffman E. (1963) *Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity*. Harmondsworth; Penguin.
- Goffman E. (1974) *Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience*. New York: Harper and Row.
- Goffman E. (1979) Footing. *Semiotica*. No. 25. Vol. 1–2: 1–30.
- Goffman E. (1983) The interaction order. *American Sociological Review*. Vol. 48. No. 1: 1–17.
- Goodwin C. (2000) Action and embodiment within situated human interaction. *Journal of Pragmatics*. Vol. 32. No. 10: 1489–1522.
- Hargens L.L. (2000) Using the literature: Reference networks, reference contexts, and the social structure of scholarship. *American Sociological Review*. Vol. 65. No. 3: 846–865.
- Hochschild A. (1983) *The Managed Heart: Commercialization of Human Feeling*. Berkley, Los Angeles, London: University of California Press.
- Leary M.R., Kowalski R.M. (1990) Impression management: A literature review and two-component model. *Psychological Bulletin*. Vol. 107. No. 1: 34–56.
- Mondada L. (2016) Challenges of multimodality: Language and the body in social interaction. *Journal of Sociolinguistics*. Vol. 20. No. 3: 336–366.
- Pinch T. (2010) The invisible technologies of Goffman's sociology from the merry-go-round to the internet. *Technology and Culture*. Vol. 51. No. 2: 409–424.
- Pinker S. (2007) *The Stuff of Thought: Language as a Window into Human Nature*. Penguin.
- Scheff T.J. (2005) The structure of context: Deciphering frame analysis. *Sociological Theory*. Vol. 23. No. 4: 368–385.
- Shalin D.N. (2007) Signing in the flesh: Notes on pragmatist hermeneutics. *Sociological Theory*. Vol. 25. No. 3: 193–224.
- Snow D.A., Rochford Jr.E.B., Worden S.K., Benford R.D. (1986) Frame alignment processes, micromobilization, and movement participation. *American Sociological Review*. Vol. 51. No. 2: 464–481.

E. GOFFMAN AS WE REMEMBER

Mikhail M. SOKOLOV, Cand. Sci. (Sociol.), Prof., European University at St. Petersburg, St. Petersburg, Russia (msokolov@eu.spb.ru).

Abstract. Has Goffman influenced the development of contemporary sociology? On the one hand, he remains a most widely read and the most candidly worshiped figure in the XX century social science. On the other hand, the disciplinary “memes” associated with him, are at best utterly simplified (“the dramaturgical perspective”), and at worst completely misleading (widespread understanding of “frame” as synonymous with a definition of a situation). The most immediate continuation of his work can be found in sociolinguistics, not in sociology. Goffman’s strange status of a milestone, which is remembered, but not followed, can be explained by the changing sociologists’ implicit understanding of their discipline mission, which they, however, are not ready to embrace completely.

Keywords: Erving Goffman, history of sociology, sociology of sociology, recognition, academic memory.

Received: 12.05.22. Accepted: 23.05.22.

Социальная политика. Социальная структура

© 2022 г.

А.В. АНДРЕЕНКОВА

ВЕРА В СПРАВЕДЛИВЫЙ МИР В ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ

АНДРЕЕНКОВА Анна Владимировна – доктор социологических наук, заместитель директора Института сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ), Москва, Россия (anna.andreenkova@cessi.ru).

Аннотация. *Мировоззренческая установка на возможность справедливости, убеждение, что мир устроен упорядоченно и правильно, а каждый человек получает в конечном итоге то, что заслуживает, описанная в концепции М. Лернера как «вера в справедливый мир» (ВСМ), помогает людям оправдать существующие неравенства, справляться со случаями несправедливости в жизни, сохранять оптимистический настрой, но служит препятствием для активного включения в изменение несправедливых социальных отношений. Исследование на основе данных девятой волны Российского социального исследования и Европейского социального исследования в 30 странах Европы показало, что в России и Европе доминирует рационально-скептическое отношение к возможности конечной или всеобщей справедливости, уровень ВСМ довольно низок. Для проверки надежности таких выводов проведена эмпирическая оценка межстрановой эквивалентности и внутристрановой валидности ВСМ в России методом когнитивных интервью. Оценка показала интерпретационную и мотивационную многозначность в понимании концепции ВСМ в общественном сознании, но в целом соответствие эмпирического и теоретического поля, приемлемость таких показателей для проведения сравнительного анализа. Факторы, влияющие на формирование ВСМ, имеют двухуровневую структуру. Ценностно-культурные факторы являются объединяющими для стран Европы, они определяют высокую мировоззренческую схожесть в отношении ВСМ в России и в Европе. Конкретно-исторические и личностные факторы, играющие важную роль на индивидуальном уровне, являются дифференцирующими и ведут к различиям между странами. Установка на ВСМ служит ценностной основой для формирования конкретных социально-политических установок и оценок. ВСМ ведет к более позитивному отношению к действующим политическим институтам и общественным отношениям. Гипотеза о связи ВСМ с правой политической идеологией и антилиберальными социальными установками не нашла подтверждения.*

Ключевые слова: *мировоззрение • социальные установки • справедливость в общественном сознании • вера в справедливый мир • сравнительные межстрановые исследования • Европейское социальное исследование • эквивалентность межстрановых сравнений • валидация субъективных показателей • когнитивные интервью*

DOI: 10.31857/5013216250018745-2

Проблемы справедливости занимают центральное место в ценностной системе европейских стран, политическом и научном дискурсе, являются важной частью европейской культуры. Исследования показали понятийную неопределенность концепции «справедливости» в общественном сознании, низкую консолидированность критериев справедливости и большие расхождения между идеальным и реальным в отношении справедливости

[Лапин, 2020; Римский, 2013; Андреевкова, 2017]. Вместе с тем справедливое общество является фундаментальной мотивационной ценностью в жизни людей [Горшков, 2012; Урнов, 2012; Данилова, 2016]. Вера в справедливость играет важную роль в регуляции человеческих отношений, распределении жизненных благ и обязанностей, разрешении конфликтов в обществе [Benabou, 2006; Мареева, 2013]. Вера в возможность справедливости дает человеку ощущение стабильности, надежности, комфортности жизни в социальной среде [Nartova-Bochaver, 2019]. Мировоззрение, в рамках которого мир представляется управляемым и предсказуемым, является значимым мотивационным стимулом целенаправленной деятельности на индивидуальном и на социальном уровнях.

В 1960-х гг. американский социальный психолог М. Лернер предложил концепцию «веры в справедливый мир» (ВСМ) как мировоззренческую установку на возможность справедливости [Lerner, 1980]. По определению Лернера, ВСМ представляет собой убеждение, что мир устроен упорядоченно и правильно, что каждый человек в конечном итоге получает то, что заслуживает. Такая установка отвечает базовой потребности человека объяснить и принять ситуацию социального неравенства, различий в успешности и благополучности людей, найти обоснование и оправдание несчастьям и ударам судьбы, имманентной потребности человека жить в безопасном, предсказуемом и управляемом мире.

Результаты эмпирических исследований показали значительно более сложную роль ВСМ в регуляции поведения и оценок людей, чем предполагалось теорией. ВСМ позитивно влияет на общее ощущение благополучия человека: люди с высоким уровнем ВСМ реже находятся в состоянии депрессии, чувствуют одиночество, более оптимистично смотрят на жизнь и на будущее [Нартова-Бочавер, 2014]. ВСМ также связана с позитивным поведением: дружелюбностью, способностью умерять свой гнев и раздражение, испытывать благодарность за помощь и участие, социальной активностью [Dalbert, 2002; Oppenheimer, 2006]. Положительная корреляция была обнаружена между ВСМ и религиозностью как верой в «справедливого бога», межличностным доверием и высоким внутренним локусом контроля [Rubin, 1975]. Однако в социальных аспектах ВСМ ведет к противоречивым реакциям. Люди с высоким уровнем ВСМ чаще проявляют неприязнь к стигматизированным и социально уязвимым группам, склонны возлагать вину за их уязвимое положение на них самих. Вынося суждения о причинах и виновниках жизненных проблем, трудностей, совершенных преступлений, такие люди склонны возлагать вину за происшедшее на саму жертву [Harper, 1990; Lipkus, 1993]. В политическом плане была показана позитивная связь ВСМ с авторитаризмом, поддержкой государственной монополии на насилие и принуждение, политической консервативностью, склонностью искать примирения и оправдания несправедливостям в общественных отношениях [Furnham, 1984; Wagstaff, 1983].

Методология исследования. До недавнего времени изучение связи ВСМ с политическими и социальными установками проводилась на основе экспериментальных и лабораторных социально-психологических исследований, что ограничивало возможности для экстраполяции выводов на все население отдельных стран, проверки полученных результатов в разных социально-политических и культурных контекстах. Вопросы об установке на ВСМ среди населения разных стран, влиянии на ее интернализацию социально-демографических, политических и социокультурных факторов, связь с другими социальными установками и поведением оставались открытыми, так как для решения их требуется проведение анализа сравнительных межстрановых данных. Такие данные были получены в рамках девятой волны Европейского социального исследования (ESS) в 30 странах «большой Европы» в 2018–2019 гг. В каждой стране опрошено от 1000 до 3000 человек. В России данные были собраны ЦЕССИ в Российском социальном исследовании (РСИ) по случайной вероятностной выборке населения 15 лет и старше методом личных интервью

на дому у респондентов, $N=2416$ ¹. Дополнительно была проведена валидация шкалы ВСМ в рамках методического проекта ЦЕССИ «Оценка качества показателей для измерения установок и ценностей» методом когнитивных интервью.

Перед исследованием стояли задачи проверки гипотез об основаниях и причинах формирования представлений о справедливом мире в общественном сознании, выделение факторов, влияющих на распространенность таких представлений внутри отдельных стран, на примере России, анализ последствий такой мировоззренческой картины для других социальных и политических установок и поведения.

Для определения причин и источников формирования отношения людей к возможности справедливости, веры в справедливый мир были выдвинуты и проверены две гипотезы. В **гипотезе о культурной детерминированности ВСМ** предполагается, что ВСМ входит в ядро базовых мировоззренческих установок европейцев, ценностную структуру личности, лишь в небольшой степени зависит от конкретных социально-исторических условий или личного опыта. Если эта гипотеза верна, то структура поддержки ВСМ среди населения разных стран должна быть схожа. Вторая гипотеза говорит о **конкретно-исторической детерминированности** взглядов на справедливый мир. В этом случае предполагается, что ВСМ формируется под влиянием конкретных обстоятельств, социально-политических и экономических условий, состояния общественных отношений и исторического опыта. В таком случае можно ожидать довольно серьезных различий в уровне поддержки ВСМ в разных обществах. В странах, которые сталкивались с большей несправедливостью или с более частыми случаями несправедливости, где механизмы восстановления справедливости малоэффективны, ВСМ слабее, чем в странах, у которых исторический и текущий опыт решения проблем справедливости более позитивный.

Вера в справедливый мир в странах Европы. В РСИ-ESS установка на веру в справедливый мир измерялась с помощью трех вопросов-утверждений (категории ответов по 5-балльной вербализированной шкале от 1 до 5 «полностью согласен-совершенно не согласен»): а) «Я считаю, что в общем и целом люди получают то, чего заслуживают» (Получение по заслугам), б) «Я уверен(а), что справедливость всегда торжествует» (Торжество справедливости), в) «Я убежден(а), что любая несправедливость в отношении человека в конечном счете как-то компенсируется» (Вера в компенсаторность). На основе ответов на три вопроса о вере в справедливый мир был построен Индекс ВСМ методом суммирования ответов на три утверждения каждого из респондентов и последующего преобразования полученной суммы в 5-балльную шкалу.

Данные исследования показывают, что во всех европейских странах большинство населения либо не верит в возможность справедливого мира, либо сомневается в нем (рис.). Распределение Индекса ВСМ сдвинуто в сторону недоверия – среднее значение Индекса по Европе составляет 2.92 по шкале от 1 до 5. В большинстве европейских стран доля респондентов с положительным значением ВСМ не превышает 30%. К группе стран с уровнем ВСМ выше среднего входят Австрия, Польша, Россия, Литва, Латвия, Италия, Черногория. Для этих стран Индекс ВСМ статистически значимо отличается от общеевропейского среднего значения. В группе стран с уровнем ВСМ ниже среднего находятся Чехия, Испания, Норвегия, Португалия, Швеция и Франция, но отличие от общей средней для этих стран статистически незначимо.

Скептическое отношение к возможности конечной справедливости, относительно низкий уровень ВСМ являются общей мировоззренческой чертой современной европейской культуры. Сходство стран по этому параметру говорит о том, что гипотеза о конкретно-исторической детерминированности ВСМ маловероятна. Уровень ВСМ в странах, переживших в последние десятилетия сильную социальную травму, и в странах, для которых

¹ О методологии ESS см.: [Андреевков, 2009]. Данные исследования размещены в открытом доступе с полной документацией о методологии и процедурах исследования (www.europeansocialsurvey.org и www.ess-ru.ru).

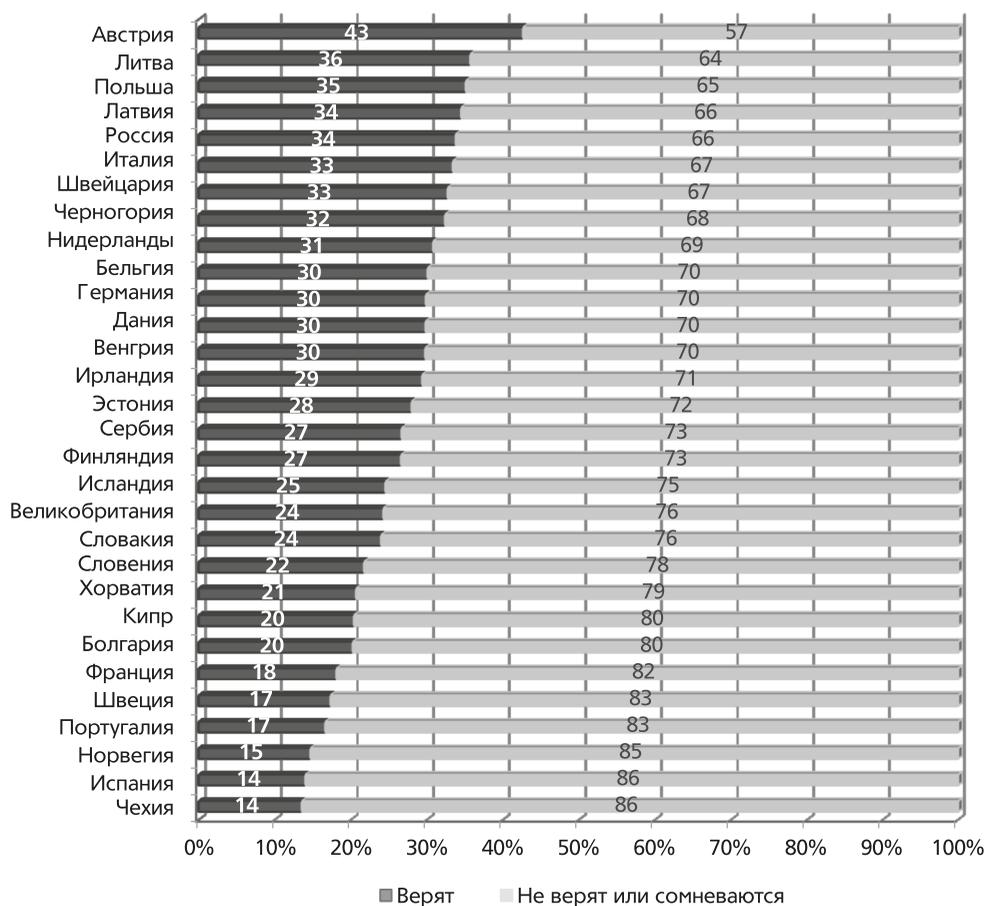

Рис. Вера в справедливый мир в странах Европы

Примечание. Индекс ВСМ, % «верят» (значения 4–5 по шкале от 1 до 5, где 1 – самый низкий уровень ВСМ). Данные РСИ-ESS9 после применения дизайн-веса (dweight).

последние десятилетия были довольно стабильными и благополучными, сходный. Взаимосвязь уровня ВСМ и социально-экономического благополучия стран (ВВП на душу населения, Индекс неравенства Джинни), развитости системы социальной поддержки и уровня развития демократии является низкой. Например, одни из наиболее экономически благополучных стран Европы Швейцария и Австрия находятся в верхней части списка европейских стран по уровню ВСМ, а Норвегия и Швеция – в самой нижней его части.

Однако надежный вывод о сходстве или различиях в уровне ВСМ в европейских странах можно сделать лишь в том случае, если измеряемые показатели являются методически эквивалентными и обладают сходным уровнем валидности. Для ценностных и мировоззренческих показателей, измерение которых связано с лингвистическими, культурными и другими особенностями, их эквивалентность всегда остается под вопросом и требует эмпирической проверки.

Оценка межстрановой эквивалентности и внутренней валидности Индекса ВСМ. Доказательство межстрановой эквивалентности субъективного показателя представляет собой довольно сложную процедуру, включающую использование разных аналитических

и эмпирических методов. На первом этапе было проведено сравнение корреляционной структуры Индекса в разных странах, которая показалась сходной, хотя и не идентичной, между странами. Корреляция между всеми тремя вопросами статистически значима, но далека от 1, то есть вопросы меряют разные стороны ВСМ. Наиболее близки взгляды людей на «торжество справедливости» и «веру в компенсаторность» (коэффициент корреляции по Европе 0,605). Близкое к среднему корреляционное значение получено во всех частях Европы – Западной, Северной, Южной, Восточной, и в России. В меньшей степени связаны «получение по заслугам» и «торжество справедливости» (коэффициент корреляции 0,443) и «получение по заслугам» и «вера в компенсаторность» (0,410). В России структура взаимосвязи этих переменных сходна со среднеевропейской. На втором этапе использовался факторный анализ, который показал однофакторное решение с довольно тесной связью всех трех показателей с латентной переменной во всех странах. Наиболее тесно с латентным фактором ВСМ связаны «вера в торжество справедливости» (факторная нагрузка 0,854) и «компенсация несправедливости» (0,838), в меньшей степени – «вера в получение по заслугам» (факторная нагрузка 0,739).

Оценка влияния качества показателя ВСМ на внутреннюю валидность методом когнитивных интервью включала проведение 100 повторных интервью в апреле 2020 г. среди респондентов РСИ по протоколу «когнитивного» опроса, включавшему основной вопрос и обсуждение его понимания, а также рефлексивные суждения о процессе формирования ответа. При построении выборки была произведена стратификация респондентов по уровню ВСМ, затем случайный отбор внутри каждой страты – с высоким, средним и низким уровнем ВСМ. Для анализа когнитивных данных были выделены параметры: соответствие эмпирического и теоретического смыслового пространства индикатора, частота неверного понимания, мотивационная и причинная многомерность в понимании и ответах, причины суждений, симметричность шкалы, взаимосвязь с другими установками, понятиями, общее качество индикатора.

Уровень понимания вопроса-утверждения «Я считаю, что в общем и целом люди получают то, чего заслуживают» оказался довольно высок: 80 из 100 респондентов объяснили смысл этого вопроса правильно, их ответы находились в рамках теоретически определенного смыслового пространства. Полностью неверного понимания вопроса, далеко выходящего за рамки теоретически определенного значения, не выявлено. Особенностью этого вопроса является несимметричность реферативного поля при ответах. Положительные ответы (получают то, что заслуживают) обосновываются отнесением к положениям религии, религиозной вере либо морали – личной ответственности за свою жизнь, связи вклада и вознаграждения. Отрицательные ответы проистекают из негативного социального или личного опыта – примеров, когда мало получают те, кто много работал, несправедливых наказаний, короткой жизни. В результате возникает двойственность оснований для суждения – его поддерживают из нормативных соображений, а отвергают из-за несоответствия реальности ожиданиям. Интерпретация вопроса включает три основных аспекта, и все они относятся к семантическому пространству справедливости. Первый из них – воздаяние, расплата моральная, нравственная («рано или поздно придется держать ответ», «воздастся каждому по делам его»), экономическая («кто как работает, тот так и получает», «что заработал, то и получил», «как поработаешь, такое вознаграждение и получишь»), социальная («как ты поступаешь с людьми, то и получаешь», «все равноценно, во всем баланс», «ты обидел человека, бумерангом тебе возвращается») либо божья («Бог как судья», «за дела твои воздастся»). Второй вариант интерпретации – внутренний локус контроля, оправдание справедливости и несправедливости личной ответственностью («мы своими руками делаем то, что происходит в нашей стране», «у каждого всё в своих руках, как ты построил жизнь», «мы сами кузнецы своей жизни», «человек сам решает свою судьбу. Если что-то не получилось, значит, человек слабый», «большинство проблем мы создаем сами себе»). Третий вариант – фатализм, вера в судьбу и предначертанность («Бог расписал нашу жизнь от начала до конца и все идет по Его плану», «что Бог даст, то

и будет»). Многозначность и несимметричность восприятия этого вопроса в России согласуется с выводами исследований из других стран [Kaliuzhna, 2019].

Глубина и качество понимания этого вопроса определяются включением как абстрактных общих суждений, так и конкретных примеров, ситуаций. «Не получить по заслугам» описывалось через примеры маленьких пенсий, не соответствующих длительности трудового стажа и тяжести работы, болезней и ранних смертей, в том числе детских, преследующих людей, несоразмерности наказаний за преступления и проступки. Несмотря на мотивационную и причинную многомерность, характерную для большинства ценностных, мировоззренческих или моральных суждений, в целом вопрос показал высокое соответствие измеряемой концепции.

Уровень понимания утверждения «Я уверен(а), что справедливость всегда торжествует» был высок, практически все объяснения респондентов соответствовали теоретически определенному смысловому пространству измеряемой концепции. Однако рефлексивные возможности объяснения своего понимания и выбора были значительно ниже, чем при обсуждении вопроса о «получении по заслугам». Объяснение смысла вопроса сводилось к общему отношению к справедливости («веришь ли в справедливость»), вере в ее реальность, в справедливого Бога, а также к взглядам на противоборство добра и зла («добро всегда побеждает зло»). Схожесть и общая направленность первого и второго вопросов была очевидна респондентам. Но понимание неидентичности двух вопросов также было довольно высоким. Вопрос воспринимался как относящийся к общему мировоззренческому пласту представлений о мире, вере, а не рациональности и анализу («просто верю в это»). Особенностью этого вопроса является временная дистанция и отсутствие субъекта – торжествуют принцип, идея, не связанные напрямую с конкретной человеческой жизнью. Вероятно, это утверждение связано с психологическими характеристиками личности, такими как оптимизм/пессимизм.

Утверждение «Любая несправедливость в отношении человека в конечном счете как-то компенсируется» полностью находится в теоретически определенном семантическом поле. Он воспринимается близко к вопросу о «получении по заслугам» как отнесение к балансу. Несмотря на слова «в конечном счете» утверждение воспринимается как краткосрочный, непосредственный ответ на несправедливость, в отличие от двух первых утверждений. Вопрос рассматривается в плоскости межличностных отношений и морали – добрых и злых поступков, в отличие от первого утверждения, где подчеркивался социально-экономический аспект. В семантическом поле этого утверждения находятся представления о награде и восстановлении утраченного баланса («в жизни достаются испытания не просто так, они когда-то окупаются», «в жизни происходят хорошие моменты, хоть немного, но любая несправедливость компенсируется», «если человек сказал неправду, то когда правда раскроется, совравшему будет стыдно, а пострадавший получит удовлетворение»).

Анализ когнитивного пространства трех вопросов-утверждений говорит о том, что они тесным образом связаны с ВСМ и дополняют друг друга. Вместе они раскрывают отношение людей к справедливости в трех основных аспектах: временные перспективы восстановления баланса (короткая, средняя и длинная дистанция), характер аргументации и мотивации – рациональный (подсчет, соотношение, баланс) или эмоционально-психологический («просто верю», «так правильно», «не может быть иначе») и сферы применения – межличностные отношения, экономические отношения и социальное положение, духовная и нравственная сфера. В контексте русского языка и российских научных традиций Индекс более точно было бы назвать «Вера в справедливость» (ВС) или «Вера в справедливость в мире», что подчеркивает его всеобъемлющий, а не конкретно-исторический характер. Однако в целях поддержания преемственности и кумулятивности научных результатов мы будем в этой работе использовать термин «вера в справедливый мир».

Социально-демографические факторы, влияющие на веру в справедливый мир. В рамках теории об общекультурных основаниях ВСМ ведущую роль в формировании ВСМ играют культурные и ценностно-формирующие факторы. Религиозность и религиозное

Таблица 1

Индекс Веры в справедливый мир и социально-структурные факторы

Факторы	Россия	Европа в целом	Западная Европа	Северная Европа	Южная Европа	Восточная Европа
Пол	.060 (.042)**	-.035 (.009)***	-.06 (.015)***	-.117 (.021)***	-.051 (.024)***	.000 (0.015)
Возраст	-.022 (.001)	-.066 (.000)***	-.081 (.000)***	-.110 (.001)***	-.040 (.001)**	-.048 (.000)***
Образование	-.043 (.011)*	-.066 (.003)***	-.121 (.004)***	-.167 (.006)***	-.064 (.007)***	.004 (.005)
Религиозность	.012 (.007)	.121 (.001)***	.124 (.002)***	.139 (.004)***	.163 (.004)***	.119 (.002)***
Доход	.056 (.009)**	.021 (.002)***	.025 (.003)**	.039 (.004)**	.011 (.006)	.003 (.003)
Constant, stand error, t-value	3.010 (.011) t-value 27.155	3.132 (.023) t-value 133.81	3.416 (.040) t-value 84.877	3.550 (.054) t-value 66.029	2.939 (.066) t-value 44.700	2.812 (.041) t-value 67.956
R Square	.007	.021	.034	.063	.030	.015

Примечание. Результат регрессионного анализа: в таблице показан b-коэфф., стандартная ошибка в скобках и значимость влияния фактора * на уровне 0.05, ** на уровне 0.01 и *** на уровне 0.001. Факторы: пол (дихотомическая переменная), возраст (годы), образование (низкое, среднее, высокое), религиозность («насколько религиозным человеком вы себя считаете – по шкале от 0 совсем не религиозным до 10 – очень религиозным»), доход семьи (абсолютные значения в 10 категориях на основе децильного распределения в каждой стране).

воспитание – вера в упорядоченность, предсказуемость мира, Бога как источника справедливости, общая значимость и регулирующая роль групповых норм и взглядов в мировоззрении в целом влияют на интернализацию мировоззренческих ценностей, связанных с верой в справедливый мир. Другим фактором из этой группы является образование, которое находит отражение в разных аспектах мировоззрения, в частности развивает критическое мышление, знания о более широком спектре поведенческих и ценностных моделей в разных культурах, роли личных усилий и активной жизненной позиции в достижении поставленных целей. Следствием теории о конкретно-исторической и опытно-ситуативной обусловленности ВСМ являются предположения о существенных различиях в ВСМ между поколениями, имеющими разный опыт и социальный контекст социализации, социально-экономические условия жизни и перспективы. В этом случае значимую роль также могут играть факторы индивидуального благополучия – доход, социальное положение.

Для проверки этих предположений был проведен регрессионный анализ, где независимыми объясняющими переменными выступали пол, возраст, доход, образование, религиозность (табл. 1). Ценностно-формирующие факторы – религиозность и образование оказались наиболее значимыми для ВСМ во всех частях Европы. Уровень ВСМ выше среди религиозных людей и людей с низким уровнем образования как независимо, так и при учете взаимовлияния этих двух факторов. В Северной и Западной Европе религиозность и образование очень близки по значимости, в Южной и Восточной Европе значимость религиозности выше, чем образования. Россия представляет собой особый случай, где влияние религиозности на ВСМ статистически незначимо. Несколько выше Индекс ВСМ лишь в группе с очень высоким уровнем религиозности (значение больше 8 по шкале от 0 до 10): среднее значение Индекса ВСМ 3,27 по сравнению со средней по стране в 3,18 по 5-балльной шкале. Можно предположить, что такие различия связаны с особенностями религиозности в России – низкой значимостью религиозного воспитания в социализации поколений, рассогласованностью религиозных представлений, моральных норм

и реального поведения. Влияние образования на ВСМ в России также слабее, чем в большинстве других частей Европы, но сходно с уровнем восточноевропейских стран.

Значимым фактором для ВСМ во всех частях Европы является возраст. Россия опять остается исключением – россияне разных поколений показывают очень сходный уровень ВСМ. В других частях Европы более молодые поколения верят в справедливый мир больше, чем старшие, даже при учете влияния других факторов – образования и религиозности.

В странах Северной Европы и в части стран Западной и Южной Европы обнаружены значимые гендерные различия в уровне ВСМ, при этом мужчины показывают более высокий уровень ВСМ, чем женщины. В России ситуация иная – гендерные различия также являются значимыми, но более высокий уровень ВСМ показывают женщины. В других странах Восточной Европы гендерные различия вообще незначимы. Уровень экономического благосостояния – один из наиболее значимых факторов для России, а также Западной и Северной Европы, но не Южной и Восточной. В целом в России влияние всех социально-структурных факторов на ВСМ слабее, чем в других частях Европы.

К чему ведет ВСМ: влияние на социально-политические установки и мнения. Теоретические представления о ВСМ и эмпирические результаты, полученные в ранних исследованиях, дают основания предположить, что ВСМ влияет на политические и социальные установки – доверие институтам, уровень толерантности к уязвимым и нетрадиционным группам, политический консерватизм. Для проверки этих предположений использован регрессионный анализ (ordinal regression). В качестве независимых в анализ были включены три группы факторов. *Группа 1.* Одобрение и оценка государственных и общественных институтов и отношений. В качестве индикаторов использовались вопросы о доверии государственным институтам – Госдуме, полиции, судебно-правовой системе; удовлетворенность работой правительства; межличностное доверие («большинству людей можно доверять или же даже излишняя осторожность не мешает»). *Группа 2.* Политическая идеология и политический либерализм-консерватизм: саморасположение на шкале левые-правые; антииммигрантские настроения («следует ли позволить людям, которые по национальности или расовой принадлежности отличаются от большинства населения России, переезжать жить в нашу страну?»); отношение к правам сексуальных меньшинств («Насколько вы согласны или не согласны с утверждением, что геи и лесбиянки должны иметь право вести тот образ жизни, который соответствует их взглядам»). *Группа 3.* Оценка справедливости общественных отношений и распределения социальных благ. Эти факторы разделялись на оценку справедливости на социальном и на индивидуальном уровне. Социальный уровень измерялся вопросами о справедливости компенсации труда людей определенных профессий («насколько справедлива сумма, которую зарабатывают люди в России, работающие по той же профессии, что и Вы?»); справедливости в распределении доступа к образовательным ресурсам и справедливости на рынке труда («В какой степени сегодня у каждого человека в России есть справедливый шанс получить тот уровень образования/ту работу, к которому он стремится»), оценка экономического неравенства в стране («Как вы оцениваете разницу в уровне материального благосостояния людей в России – она несправедливо мала, справедлива или несправедливо велика?»). Индивидуальная оценка включала вопросы о справедливости личных доходов («насколько справедлива сумма, которую вы зарабатываете/ваша пенсия/сумма социального пособия»); справедливости в шансах на получение образования и на рынке труда для самого респондента («По сравнению с другими людьми в России у меня был справедливый шанс получить тот уровень образования/ту работу, к которой я стремился»).

Влияние ВСМ на отношение людей к государственным и политическим институтам, восприятие легитимности существующей системы (табл. 2) статистически значимо в России и в Европе в целом. Особенно большую роль она играет при оценке эффективности работы властей – чем выше ВСМ, тем выше политическая лояльность. Взаимосвязь ВСМ с межличностным доверием статистически значима, но значительно слабее.

Таблица 2

Влияние ВСМ на социально-политические установки и взгляды

Индикаторы	Россия	Европа в целом
Одобрение и оценка общественных институтов и отношений		
Доверие парламенту	.164 (.027)***	.148 (.006)***
Доверие полиции	.145 (.028)***	.145 (.006)***
Доверие судебно-правовой системе	.191 (.028)***	.164 (.006)***
Оценка эффективности работы властей	0.202 (.026)***	.188 (.006)***
Межличностное доверие	0.061 (.028)**	.082 (.006)***
Политическая идеология, либерализм-консерватизм		
Идеология левые-правые	.059 (.020)**	.073 (.005)***
Антииммигрантские настроения	.018 (.028)	.003 (.006)
Отношение к правам сексуальных меньшинств	.005 (.042)	-.02 (.006)***
Оценка справедливости общественных отношений и распределения благ		
Доходы на социальном уровне	.117 (.028)***	.132 (.006)***
Доступ к образованию на социальном уровне	.211 (.027)***	.169 (.006)***
Справедливость на рынке труда на социальном уровне	.198 (.026)***	.211 (.006)***
Справедливость уровня экономического неравенства в обществе	.159 (.024)***	.181 (.006)***
Доходы на индивидуальном уровне	.118 (.030)***	.123 (.006)***
Доступ к образованию на индивидуальном уровне	-.004 (.127)	.007 (.030)
Справедливость на рынке труда на индивидуальном уровне	.151 (.026)***	.103 (.006)***

Примечание. b-коэфф. порядкового регрессионного анализа (ordinal regression analysis), стандартная ошибка в скобках. Значимость влияния фактора ** на уровне 0.01 и *** на уровне 0.001.

На все факторы второй группы ВСМ оказывает значительно меньшее влияние. Взаимосвязь ВСМ с саморасположением на шкале «левые-правые» хотя и согласуется с теоретически обоснованным направлением – более высокий уровень ВСМ связан с «правыми» политическими взглядами, в целом довольно слабая в России и в среднем в Европе. Влияние ВСМ на конкретные установки, связанные с консервативной политической идеологией – антииммигрантскими настроениями, отрицательным отношением к правам сексуальных меньшинств, оказалось статистически незначимым.

Взаимосвязь ВСМ и восприятия справедливости общественных отношений и распределения социальных благ статистически значима и довольно велика в России и в Европе в целом – чем выше ВСМ, тем более позитивно оцениваются сложившиеся в обществе отношения. Влияние ВСМ проявляется в наибольшей степени в оценке справедливости в доступе к образованию и отношениям на рынке труда, несколько меньше в отношении справедливости существующего в обществе неравенства и в последнюю очередь в отношении распределения доходов. На индивидуальном уровне ВСМ связана с оценкой справедливости личного положения на рынке труда, несколько меньше с оценкой справедливости личного дохода и практически не связана с оценкой личного доступа к образованию.

Как мировоззренческая основа формирования конкретных политических взглядов и установок, ВСМ представляет собой универсальную шкалу, независимую от особенностей социально-политического и культурного контекста. Структура взаимосвязи ВСМ со всеми индикаторами политических взглядов в России и в среднем по Европе очень схожа.

Дополнительно был проведен подобный анализ на примере стран из разных частей Европы – Италии, Германии, Великобритании, Франции, Болгарии и Эстонии. Во всех странах взаимосвязь ВСМ с политическими индикаторами оказалась схожа. Влияние ВСМ на лояльность и доверие политическим институтам практически одинаково велико везде, за исключением Болгарии. Взаимосвязь ВСМ и поддержки консервативной и правой идеологии довольно сильна лишь в Великобритании.

Обсуждение и выводы. В европейских странах и в России превалирует скептически-рациональное отношение к конечной или общей справедливости. Различия в культурно-историческом опыте, травмирующих исторических событиях или более благополучном течении жизни последних поколений мало сказываются на мировоззренческой установке в отношении ВСМ в странах Европы. Уровень ВСМ почти одинаков в странах с турбулентной социальной историей последнего столетия и в странах с более благополучной историей, в странах со слабой социальной поддержкой и в странах «социального благополучия». По содержанию вера в справедливый мир в общественном сознании европейцев и россиян включает представления об упорядоченности мира, существовании определенных правил в когнитивном аспекте, общий оптимизм, веру в конечный позитивный результат в эмоциональном. Такая установка основана на вере в существование высшего внешнего источника справедливости – Бога, судьбы, государства или общей гармонии человеческих отношений. При этом низкий уровень ВСМ не означает низкого приоритета, ценности справедливости в общей картине мира, а говорит лишь об отсутствии веры в автоматический характер восстановления баланса или справедливости, в компенсаторность нарушения справедливости.

Если общий уровень ВСМ во всех странах Европы и в России схож, то факторы, на основе которых она формируется, неодинаковы, то есть внутренние процессы, влияющие на общественное сознание, в этом отношении довольно различны. В большинстве стран на ВСМ влияет религиозность; вера говорит людям о том, что мир упорядочен, поддерживается баланс заслуг и воздаяния, поступков и их последствий. Вера в справедливый мир выше в группах, для которых высока значимость религиозных норм и правил, группах с идеальными представлениями о должном, почерпнутыми из религии, и ниже у людей с высоким образованием и низким уровнем религиозности. Но в некоторых странах личный опыт и ситуативные факторы играют более значимую роль, чем ценностные факторы и факторы воспитания. В России в отличие от большинства стран Европы позитивный личный опыт, экономическое благополучие играют более важную роль, чем ценностно-формирующие факторы. Таким образом, существует двухуровневая структура детерминирующих факторов при формировании мировоззренческой картины мира в отношении возможности конечной и всеобщей справедливости – культурные объединяющие факторы на страновом уровне и дифференцирующие ценностно-формирующие и личностные на индивидуальном уровне. Причины различий в возрастном или поколенческом факторе в отношении ВСМ между Россией и другими странами не нашли полного объяснения. Дальнейшего изучения требует роль гендерного фактора в ВСМ, который противоречив.

ВСМ представляет собой ценностно-мировоззренческое основание формирования других социальных и политических установок и, возможно, опосредованно влияет на политическое поведение людей. ВСМ ведет к более позитивному отношению к действующим политическим институтам и распределению социальных благ. При этом гипотеза о связи ВСМ с правой политической идеологией и антилиберальными социальными установками не нашла подтверждения. ВСМ оказывает влияние не на содержание или направление идеологических взглядов («правые-левые»), а на ось «реформизм-консерватизм». Люди, которые верят в справедливый мир или справедливость в мире, с большей готовностью принимают и одобряют сложившийся порядок социальных отношений, распределения власти и ресурсов в обществе.

В России ценность справедливости, справедливых общественных и личных отношений чрезвычайно велика, но вера в естественный и неизбежный справедливый результат разделяется меньшинством. Возникает внутренний конфликт, связанный с высокой

ценностью справедливости, стремлением к ее достижению, использованием критерия «справедливости» для оценки и суждений о качестве социальных отношений и организации жизни общества и критическим восприятием возможности автоматического, естественного достижения такой справедливости в отношении индивидуальных поступков, жизненной траектории, в социальных отношениях. Достижение справедливости становится вопросом непрерывных усилий, контроля и рациональной оценки происходящего, а не благостных надежд на обязательное торжество добра. Низкий уровень ВСМ может вести к пессимизму, повышенной критичности, иногда апатии и аномии. ВСМ может иметь и другие последствия. Восприятие мира как несовершенного, требующего постоянной работы, не имеющего высшего арбитра и судьбы, ведет к большей значимости социальной включенности, проактивной жизненной позиции, доминированию внутреннего локуса контроля и личной ответственности, в результате к более высоким шансам изменения социальных отношений в сторону справедливости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреевков В.Г. Методологические проблемы и решения в современных международных сравнительных исследованиях // Россия в Европе / Под ред. А.В. Андреевковой, Л.А. Беляевой. М.: Academia, 2009. С. 13–46.
- Андреевкова А.В. Представления о справедливости и экономическое неравенство в сравнительном межстрановом контексте // Общественные науки и современность. 2017. № 5. С. 18–30.
- Горшков М.К. Русская мечта: опыт социологического измерения // Социологические исследования. 2012. № 12. С. 3–12.
- Данилова Е.Н. Социальная политика и социальная справедливость в России // Социальная политика в России и Китае / Отв. ред. З.Т. Голенкова. М.: Новый хронограф, 2016. С. 457–499.
- Лапин Н.И., Ильин В.А., Морев М.В. Экстремальные неравенства и социальное государство // Социологические исследования. 2020. № 1. С. 4–17.
- Мареева С.В. Справедливое общество в представлениях россиян // Общественные науки и современность. 2013. № 5. С. 16–26.
- Нартова-Бочавер С.К., Астанина Н.Б. Психологические проблемы справедливости в зарубежной персонологии: теории и эмпирические исследования // Психологический журнал. 2014. № 1. С. 16–32.
- Римский В.Л. Справедливость в современной России: мечты и использование в социальных практиках // Общественные науки и современность. 2013. № 5. С. 27–36.
- Урнов М.Ю. Что есть справедливость? // Общественные науки и современность. 2012. № 5. С. 71–88.
- Be'nabou R., Tirole J. Belief in a just world and redistributive politics // The Quarterly Journal of Economics. 2006. No. 5. С. 699–746.
- Dalbert C. Beliefs in a just world as a buffer against anger // Social Justice Research. 2002. No. 15. P. 123–145.
- Furnham A., Gunter B. Just world beliefs and attitudes towards the poor // British Journal of Social Psychology. 1984. Vol. 23. P. 265–269.
- Harper D.J., Wagstaff G.F., Newton J.T., Harrison K.R. Lay causal perceptions of third world poverty and the just world theory // Social Behavior and Personality. 1990. Vol. 18 (2). P. 235–238.
- Kaliuzhna M. Symmetries and asymmetries in the belief in a just world // Personality and Individual Difference. 2020. Vol. 161. С. 1–11.
- Lerner M.J. The belief in a just world: A fundamental delusion. N.Y.: Plenum, 1980.
- Lipkus I.M., Siegler I.C. The belief in a just world and perceptions of discrimination // Journal of Psychology. 1993. Vol. 127(4). P. 465–474.
- Nartova-Bochaver S., Donat M., Rüprich C. Subjective well-being from a just-world perspective: a multi-dimensional approach in a student sample // Frontiers in Psychology. 2019. Vol. 10. Art. 1739. P. 1–12.
- Oppenheimer L. The belief in a just world and subjective perceptions of society: A developmental perspective // Journal of Adolescence. 2006. Iss. 4. Vol. 29. P. 655–669.
- Rubin Z., Peplau L.A. Who believes in a just world? // Journal of Social Issues. 1975. Vol. 31(3). P. 65–89.
- Wagstaff G.F. Correlates of the just world in Britain // The Journal of Social Psychology. 1983. Vol. 121. P. 145–146.

Статья поступила: 21.02.22. Принята к публикации: 28.04.22.

BELIEF IN THE JUST WORLD IN EUROPEAN CULTURE**ANDREENKOVA A.V.***Institute for comparative social research (CESSI), Russia*

Anna V. ANDREENKOVA, Dr. Sci. (Sociol.), Deputy Director of the Institute for comparative social research (CESSI), Moscow, Russia (anna.andreenkova@cessi.ru).

Abstract. General belief in the justice, in well-ordered and balanced social relations, the system where people get what they deserve is described in the concept of M. Lerner as “belief in the just world” (BJW). BJW helps to justify existing inequalities, to cope with unjust life situations, to keep optimistic view, but can also be a barrier for questioning and changing of unfair social relations. The research based on data of 9th round of Russian social survey (RSS) and European social survey (ESS) conducted in 30 countries revealed the prevalence of rational-skeptical view of Europeans on the chances of general justice. The average level of BJW appeared to be relatively low in Russia and in most other countries included in the analysis. To confirm the methodological rigor of these conclusions, the evaluation of statistical cross-national equivalency of BJW scale was conducted. The empirical validity of the BJW scale in Russia was assessed using cognitive interviews on randomly selected follow-up sample among RSS respondents. It showed the interpretative and motivational multidimensionality of the concept, but also the consistency of empirical semantic space of the concept to theoretical construct and general validity of the scale. Factors influencing the formation of BJW have two-fold structure. The impact of value-cultural factor leads to the similarity of views on BJW in Russia and in Europe on aggregate level. Personal situation and socio-demographic factors plays on individual level have differential impact. BJW as general worldview attitude has strong impact on framing particular socio-political attitudes and evaluations. High level of BJW is related to loyalty toward existing political system, trust to governing institutions and positive evaluation of incumbent’s performance which is consistent with findings from previous research. In opposite, the hypothesis on the impact of BJW on the support of conservative ideology and anti-liberal social attitudes was not confirmed.

Keywords: belief in the just world, values of fairness and justice, worldviews, social attitudes, comparative cross-national surveys, Russian social Survey, European Social Survey, equivalency of cross-national comparisons, validation of subjective indicators, cognitive interviews.

REFERENCES

- Andreenkov V.G. (2009) Methodological problems and solutions in contemporary cross-national comparative surveys. In: *Russia in Europe. On materials of international sociological project “European Social Survey”*. Ed. by A.V. Andreenkova, L.A. Belyaeva. Moscow: Adacemia: 13–46. (In Russ.)
- Andreenkova A.V. (2017) Perception of Fairness and Economic Inequality in Comparative Cross-national Context. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost* [Social sciences and modernity]. No. 5: 18–30. (In Russ.)
- Be’nabou R., Tirole J. (2006) Belief in a just world and redistributive politics. *The Quarterly Journal of Economics*. No. 5: 699–746.
- Dalbert C. (2002) Beliefs in a just world as a buffer against anger. *Social Justice Research*. No. 15: 123–145.
- Danilova E.N. (2016) Social politics and social fairness in Russia. In: *Social practice in Russia and China*. Ed. by Z.T. Golenkova. Moscow: Novy Chronograph: 457–499. (In Russ.)
- Furnham A., Gunter B. (1984) Just world beliefs and attitudes towards the poor. *British Journal of Social Psychology*. Vol. 23: 265–269.
- Gorshkov M.K. (2012) Russian dream: experience of sociological measurement. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 12: 3–12. (In Russ.)
- Harper D.J., Wagstaff G.F., Newton J.T., Harrison K.R. (1990) Lay causal perceptions of third world poverty and the just world theory. *Social Behavior and Personality*. Vol. 18 (2): 235–238.
- Kaliuzhna M. (2020) Symmetries and asymmetries in the belief in a just world. *Personality and Individual Difference*. Vol. 161: 1–11.
- Lapin N.I., Ilyin V.A., Morev M.V. (2020) Extreme inequalities and welfare state. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 4–17. (In Russ.)
- Lerner M.J. (1980) *The belief in a just world: A fundamental delusion*. New York: Plenum.
- Lipkus I.M., Siegler I.C. (1993) The belief in a just world and perceptions of discrimination. *Journal of Psychology*. Vol. 127(4): 465–474.

- Mareeva S.V. (2013) Social justice and inequalities in views of Russians. *Obshestvennye nauki i sovremennost* [Social Sciences and Modernity]. No. 5: 16–26. (In Russ.)
- Nartova-Bochaver S., Donat M., Rüprich C. (2019) Subjective well-being from a just-world perspective: a multi-dimensional approach in a student sample. *Frontiers in Psychology*. Vol. 10: 1–12.
- Nartova-Bochaver S.K., Astanina N.B. (2014) Psychological issues of fairness in foreign personology: theories and empirical research. *Psichologicheskiy zurnal* [Psychological journal]. No. 1: 16–32. (In Russ.)
- Oppenheimer L. (2006) The belief in a just world and subjective perceptions of society: A developmental perspective. *Journal of Adolescence*. Iss. 4. Vol. 29: 655–669.
- Rimskiy V.L. (2013) Fairness in modern Russia: dreams and the usages in social practices. *Obshestvennye nauki i sovremennost* [Social Sciences and Modernity]. No. 5: 27–36. (In Russ.)
- Rubin Z., Peplau L.A. (1975) Who believes in a just world? *Journal of Social Issues*. Vol. 31(3): 65–89.
- Urnov M.Y. (2012) What is fairness? *Obshestvennye nauki i sovremennost* [Social Sciences and Modernity]. No. 5: 71–88. (In Russ.)
- Wagstaff G.F. (1983) Correlates of the just world in Britain. *The Journal of Social Psychology*. Vol. 121: 145–146.

Received: 21.02.22. Accepted: 28.04.22.

А.А. ЦЫГАНОВ

ПЕНСИОННЫЕ ОЖИДАНИЯ ЖИТЕЛЕЙ РОССИИ

ЦЫГАНОВ Александр Андреевич – доктор экономических наук, профессор, руководитель Департамента страхования и экономики социальной сферы Финансового университета при Правительстве РФ, Москва, Россия (al_ts@rambler.ru).

Аннотация. В 2019 г. в России стартовала пенсионная реформа, в результате которой повышается пенсионный возраст и должны были повыситься пенсии россиян. В статье рассматривается отношение российских граждан к пенсионной реформе, приводятся оценки желаемого размера будущей пенсии, варианты личного финансового планирования жизни в пенсионном возрасте. Сопоставление уровня средней назначенной пенсии и основных показателей уровня жизни населения показывают недостаточность современного коэффициента замещения, так как для большинства государственная пенсия является основным источником доходов в пенсионном возрасте. Расчёты, приведённые в статье, показывают, что достичь величины достойной пенсии можно на основе сочетания государственной и негосударственной пенсии. Но стимулирование накопительных пенсионных программ в России не работает вследствие низких доходов населения и недоверия к негосударственным пенсионным фондам.

Ключевые слова: пенсия • пенсионный возраст • пенсионная реформа • негосударственные пенсионные фонды

DOI: 10.31857/S013216250017479-9

Вопросы качества жизни российских пенсионеров заботят не только самих пенсионеров, но и многих исследователей. Это вполне объяснимо – большинство хотело бы дожить до пенсии и страшится снижения доходов и качества жизни. Многие российские пенсионеры продолжали работать, чтобы улучшить свое материальное положение [Козлова, 2008], однако это не всегда получается вследствие современных особенностей рынка труда в России [Иванов, 2019; Киселев, 2021; Каз, 2021]. Значительное количество граждан не удовлетворено жизнью на пенсии [Козырева, 2017].

Размер пенсий российских пенсионеров и сложности с формированием бюджета Пенсионного фонда России (ПФР) обсуждаются на протяжении всего периода развития современной России. В 2000-х [Баскаков, 2007] и 2010-х гг. [Гонтмахер, 2012; Роик, 2012; Сафонов, 2016] сложилось понимание невозможности одновременного сохранения привычной пенсионной системы и роста величины пенсий, но результаты пенсионной реформы часто подвергаются заслуженной критике [Бобков, 2019; Гурвич, 2019; Даниелян, 2019; Соловьев, 2019; Сухарев, 2019]. Можно было бы предположить, что российское население в случае неудовлетворенности государственной системой пенсий начнет инвестировать в негосударственные пенсионные инструменты, которые могут предложить негосударственные пенсионные фонды (НПФ) и страховые компании. Однако этому препятствуют низкие доходы и финансовая грамотность многих россиян [Belousova, 2019; Brovchak, 2019; Кислицын, 2020], существует и проблема доверия к страховым компаниям и НПФ, которые насчитывают незначительную историю деятельности и подвержены существенным рискам [Владимирова, 2019; Гусева, 2015; Туленты, 2021].

Проблема повышения пенсионного возраста. В 2019 г. в России началась пенсионная реформа, пенсионный возраст стал подниматься до 60 и 65 лет у женщин и мужчин соответственно. Увеличение пенсионного возраста не встретило одобрения у большинства

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Как вы относитесь к законодательному увеличению возраста выхода на пенсию для мужчин – до 65 лет?» (в % от числа ответивших)

Ответ	фев.98	окт.06	окт.09	фев.15	июн.18	сен.18
Целиком положительно	2	3	2	5	3	2
Скорее положительно	4	9	9	8	5	9
Скорее отрицательно	24	23	28	29	19	22
Резко отрицательно	66	61	55	50	70	63
Затруднились ответить	4	5	6	9	3	3

Источник: Левада-центр¹, URL: <https://www.levada.ru/2018/09/27/pensionnaya-reforma-4/>

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Как вы относитесь к законодательному увеличению возраста выхода на пенсию для женщин – до 60 лет?» (в % от числа ответивших)

Ответ	фев.98	окт.06	окт.09	фев.15	июн.18	сен.18
Целиком положительно	1	3	2	3	2	2
Скорее положительно	4	8	8	8	5	7
Скорее отрицательно	22	21	28	30	17	22
Резко отрицательно	69	63	57	51	73	66
Затруднились ответить	4	5	6	9	3	3

Источник: URL: <https://www.levada.ru/2018/09/27/pensionnaya-reforma-4/>

работающих россиян в отношении как мужчин, так и женщин (табл. 1, 2). В 2018 г. Ромир провел исследование², показавшее, что жители России не согласны с аргументацией целей пенсионной реформы («увеличить размер пенсий», «в развитых странах пенсионный возраст выше, значит, это общемировая тенденция»). В 2021 г. исследовательский центр портала Superjob.ru³ проводил опрос по вопросу о возврате к старому порядку начисления пенсий: 87% высказалось за отмену пенсионной реформы, среди респондентов старше 45 лет таких было 92%. Таким образом, пенсионный возраст не соответствует ожиданиям большинства российских граждан.

Оценка величины минимально необходимой и достойной пенсии. По данным Росстата, в 2020 г. средняя пенсия достигла 14 985 руб. (табл. 3), что существенно отстает от ожиданий граждан, которые считают, что минимально необходимый размера пенсии – 27,9 тыс. руб., достойной – 30–40 тыс. руб. (Ромир⁴). Коэффициент замещения – показатель, рассчитываемый как соотношение среднего размера назначенной пенсии к среднемесячной начисленной заработной плате работников организаций, в 2016–2020 гг. в России снижался и достиг к 2020 г. 30,4% (меньше рекомендованного Международной организацией труда⁵ показателя в 40%).

¹ Признан иностранным агентом в соответствии с законодательством России.

² Аргументы в пользу повышения пенсионного возраста неубедительны для россиян. URL: <https://romir.ru/studies/argumenty-v-polzu-povysheniya-pensionnogo-vozrasta-neubeditelny-dlya-rossiyan> (дата обращения: 28.10.2021).

³ Россияне не смирились с пенсионной реформой: к старому порядку выхода на пенсию хотят вернуться 87%. URL: <https://www.superjob.ru/research/articles/113009/rossiyane-ne-smirilis-s-pensionnoj-reformoj/> (дата обращения: 18.10.2021).

⁴ Какой размер пенсии большинство россиян считает нормальным. URL: <https://romir.ru/studies/kakoy-razmer-pensii-bolshinstvo-rossiyan-schitaet-normalnym> (дата обращения: 28.10.2021).

⁵ Конвенция № 102 Международной организации труда “О минимальных нормах социального обеспечения” (Заклучена в г. Женеве 28.06.1952), Приложение к Разделу XI «Периодические выплаты типичному бенефициарию».

Таблица 3

Средний размер назначенных пенсий и коэффициент замещения

Экономические характеристики назначенных пенсий	2016	2018	2019	2020
Средний размер назначенных пенсий, руб.	12 391	13 360	14 163	14 985
Денежные доходы (в среднем на душу населения в месяц), рублей	31 897	33 266	35 337	35 740
Среднемесячная начисленная заработная плата работников организаций, рублей	36 746	43 400	46 285	49 274
Коэффициент замещения, %	33,7	30,8	30,6	30,4

Источник: Росстат, URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения: 31.10.2021).

Пенсионный калькулятор, представленный на официальном сайте Пенсионного фонда России⁶, для мужчины 2000 г. рождения, получающего среднероссийскую зарплату и предполагающего выйти на пенсию в 65 лет при общем трудовом стаже 45 лет, прогнозирует размер пенсии 23 677,33 рубля. Это немного больше, чем 50% современного трудового заработка, но не отвечает ожиданиям россиян. Предложения от НПФ существенно интереснее для этого же клиента. Так, в 2021 г. расчет в НПФ «Ингосстрах Пенсия»⁷ при ежемесячном взносе размером в 1000 руб. предполагаемого размера будущей пожизненной пенсии показывал 19 400 руб.

Данные табл. 4 показывают рассчитанный пенсионным калькулятором на официальных сайтах ПФР и НПФ размер пожизненной пенсии для мужчины 2000 и 2021 г.р. с предполагаемым при выходе на пенсию трудовым стажем 45 лет (пенсионный возраст 65 лет, период накопления 45 лет), получающим среднюю зарплату по России и готовым перечислять взнос в НПФ в размере 1 тыс. руб.; предполагаемая инвестиционная доходность определялась автоматически по рекомендациям сайта. Существенный разброс в определении потенциально возможных размеров негосударственной пенсии связан с различной оценкой доходности инвестиций НПФ и учетом социального налогового вычета на негосударственное пенсионное обеспечение. Тем не менее представленные результаты

Таблица 4

Величина пожизненной пенсии для мужчины 2000 и 2021 г.р.

Ежемесячная пожизненная пенсия	Величина, руб.		Совокупная пенсия из ПФР и НПФ, руб.	
	2020	2021	2020	2021
Государственная пенсия (ПФР)	23 677	23 999	23 677	23 999
НПФ «Благосостояние»	12 463	11 321	36 140	35 320
НПФ «Ингосстрах Пенсия»	29 525	19 400	53 202	43 399
НПФ Сбербанка	27 538	14 250	71 606	38 249
НПФ «Эволюция»	54 718	30 214	78 395	54 213
НПФ «Газфонд»	64 041	18 972	87 718	42 971
НПФ «Достойное будущее» (до 01.07.2021 НПФ «САФМАР»)	72 312	79 023	95 989	103 022

Примечание. Выбраны НПФ, находившиеся в 2020 г. на первой странице поиска Яндекс по запросу «пенсионный калькулятор НПФ». URL: <https://yandex.ru/search/?text=пенсионный%20калькулятор%20НПФ&clid=2270455&banerid=0500000134%3A5e2c6c209208c20024a864bb&win=421&&l=213>, также НПФ Сбербанка и НПФ «САФМАР», чьи данные цитируются в статье (дата обращения: 14.09.2020).

Источник: расчёты автора на официальных пенсионных калькуляторах ПФР и НПФ.

⁶ Пенсионный калькулятор. URL: <http://www.pfrf.ru/eservices/calc/> (дата обращения: 18.08.2020).

⁷ Пенсионный калькулятор. URL: <https://ingospensiya.ru/calculator/> (дата обращения: 12.09.2020).

говорят о достижимости достойной величины пенсии в случае накопительной пенсии на условиях ведущих НПФ даже в условиях снижения ожидаемого успеха инвестиционной стратегии и при установлении небольшого ежемесячного взноса (1 тыс. руб.), особенно с учетом государственной пенсии, выплачиваемой ПФР.

Очевидно, что достижение ожидаемого размера пенсии в рамках существующей в России государственной пенсионной системы даже при увеличении пенсионного возраста практически не осуществимо. Причины кроются не только в низкой величине средней заработной платы, которая не предполагает возможности увеличения пенсионных взносов у работающих, но и в необходимости совмещения двух противоположных задач: выплате пенсий действующим пенсионерам, которые не имели индивидуальных пенсионных накоплений, и формированию накопительной системы для будущих пенсионеров.

Пенсионные ожидания россиян и условия развития НПФ. Большинство жителей России предполагают, что выход на пенсию означает существенное приближение к бедности (40%), а пенсии не будет хватать для «нормальной жизни» (77%)⁸. Это подтверждают социологические исследования [Ржаницына, 2012; 2016]. Согласно исследованию НАФИ, 78% граждан в старости рассчитывают на любую государственную пенсию, 49% – на собственные заработки, 39% – на собственные сбережения, 24% – помощь детей, родственников⁹. 37% считают, что ответственным за то, чтобы размера пенсии хватило человеку для поддержания привычного уровня жизни, должно быть государство, 33% – что «скорее государство, чем сам человек», 24% – сам человек. На пенсию из НПФ указывают 11%. По данным опроса, проведенного НПФ «САФМАР» в 2020 г.¹⁰, 68% рассчитывают на государственную пенсию, но считают, что на нее нельзя прожить, сохранив привычный уровень жизни (84%). Те же 84% не откладывают на пенсию и не имеют договоров с НПФ.

На восприятии НПФ отрицательно сказывается низкое доверие к финансовым институтам и понимание, что инфляция может существенно снизить объем накоплений, которые предполагалось использовать как пенсионный капитал. Негативным фактором является низкий срок жизни большинства страховщиков и НПФ, который заставляет задуматься о выполнимости их обещаний через 30–50 лет. Практически все игроки пенсионного рынка были созданы не раньше конца 1990-х гг., а чаще в 2010-х гг.

Данные опроса 2019 г. Левада-центра¹¹ демонстрируют нежелание граждан самостоятельно участвовать в негосударственном пенсионном страховании¹² из-за достаточно низких доходов, не позволяющих большинству работающих делать существенные накопления, и общего недоверия к российской пенсионной системе. А 66% считают, что основным источником их средств к существованию после достижения пенсионного возраста будет именно государственная пенсия, 24,1% планируют продолжать работать, 6,8% рассчитывают на дополнительную пенсию от НПФ или работодателя. Доли респондентов, выбирающих услуги НПФ и личные сбережения, за последние 10 лет, по данным портала Superjob.ru¹³, последовательно снижались (табл. 5). Согласно данным исследования НПФ

⁸ Россияне боятся выходить на пенсию. URL: <https://romir.ru/studies/boyazn-pensii> (дата обращения: 28.10.2021).

⁹ Кто должен обеспечить спокойную жизнь на пенсии. URL: <https://nafii.ru/analytics/kto-dolzhen-obespechit-sпокойную-жизнь-на-pensii/> (дата обращения: 18.08.2020).

¹⁰ Отношение россиян к самостоятельному накоплению на пенсию. URL: <https://www.npfsafmar.ru/press/research/attitude-of-russians-towards-independent-pension-accumulation> (дата обращения: 18.08.2020).

¹¹ Признан иностранным агентом в соответствии с законодательством России.

¹² Россияне не хотят закладываться на старость. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2019/06/07/5cf7bf0a9a794750016d37e2> (дата обращения: 18.12.2020).

¹³ Самые высокие пенсионные ожидания в Москве, Санкт-Петербурге и Хабаровске. URL: <https://www.superjob.ru/research/articles/112525/samye-vysokie-pensionnye-ozhidaniya-v-moskve/> (дата обращения: 18.05.2022).

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос: «Как вы считаете, каким будет основной источник вашего дохода по достижении пенсионного возраста?» (в % от опрошенных)

Год	Государственная пенсия	Работа/ подработка	Дети	Личные сбережения	НПФ	Другое	Затруняюсь ответить
2007	9	29	6	26	5	8	17
2009	7	23	4	33	7	15	11
2010	14	25	6	23	4	6	22
2011	15	27	4	21	4	5	24
2012	16	30	4	17	3	7	23
2013	22	30	2	15	4	5	22
2014	23	32	2	16	4	5	18
2016	19	28	3	19	4	6	21
2017	20	31	3	17	4	5	20
2018	19	28	4	18	4	6	21
2019	22	29	3	14	3	7	22
2020	25	27	2	12	3	7	24

Источник: Исследовательский центр портала Superjob.ru. Опрос экономически активного населения России старше 18 лет, N = 1600, 2007–2020 гг.

Сбербанка¹⁴, самостоятельно копят на пенсию 12% россиян из тех, кто вообще делает накопления. При этом сбережения есть не более чем у половины населения нашей страны.

Выводы. На сегодня у российских граждан нет понимания связи величины страховых платежей с размером будущей пенсии. Скорее есть понимание малости размера государственной пенсии, которую ждут, но не рассчитывают, что ее будет хватать. У многих россиян повседневная жизнь сопровождается страхом болезни и бедности, пониманием, что пенсии не хватит для поддержания привычного образа жизни и практической недоступности иных пенсионных стратегий.

Небольшая трудовая пенсия увеличивается за счет социальных доплат до величины прожиточного минимума пенсионера, что приводит к практически одинаковым пенсиям в одном регионе у совершенно по-разному работавших граждан, что не всегда находит понимание у выходящих на пенсию. Сохраняется неизменность мнения по поводу пенсионного возраста и оценки достойного размера пенсии, что свидетельствует как о неуспехе информационной кампании пенсионной реформы, так и о необходимости ее корректировки. Присутствует восприятие выхода на пенсию как заслуженного итога работы в течение жизни и предположение о долженствовании достаточности ее величины. Сохраняется устойчивое ожидание достаточности именно государственной пенсии. В пенсионных стратегиях большинства россиян отсутствует вариант формирования пенсии на основе сочетания государственной и пенсии в НПФ. Стратегия формирования пенсионных накоплений в недвижимости и ценных бумагах недоступна для большинства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баскаков В.Н. Финансовые перспективы пенсионной системы России // Финансы. 2007. № 4. С. 52–56.
 Бобков В.Н. Пенсионная реформа: простота тактических решений чревата стратегическим провалом // Российский экономический журнал. 2019. № 1. С. 31–40.
 Владимирова Т.А., Халтурина О.А. Нормативно-правовые риски и стабильность негосударственных пенсионных фондов России // ЭКО. 2019. № 8 (542). С. 51–65.

¹⁴ После выхода на пенсию россияне хотят получать 59 тыс. рублей. URL: <https://www.crn.ru/news/detail.php?ID=147246> (дата обращения: 18.08.2020).

- Гонтмахер Е.Ш. О развилках пенсионной реформы // Журнал НЭА. 2012. № 3 (15). С. 168–171.
- Гурвич Е.Т. Развилки пенсионной реформы: российский и международный опыт // Вопросы экономики. 2019. № 9. С. 5–39.
- Гусева О.А., Эченикэ В.Х. Продолжительность жизни и воспроизводство страховых компаний в России // Финансы. 2015. № 7. С. 50–56.
- Даниелян В.А., Полтерович В.М. Приключения пенсионной реформы в России: где ошибки? // Журнал НЭА. № 2 (42). 2019. С. 177–186.
- Иванов С.Ф. Пенсионная реформа – 2019: детерминанты, последствия, альтернативы // Демографическое обозрение. 2019. № 2(6). С. 6–54.
- Каз М.С. «Мир труда» работающих пенсионеров: дилеммы и смыслы // Социологические исследования. 2021. № 7. С. 28–39.
- Киселев И.Ю., Овчинникова Н.В., Смирнова А.Г., Минь Ю. Траектории занятости предпенсионеров в условиях повышения пенсионного возраста // Социологические исследования. 2021. № 7. С. 40–49.
- Кислицын Д.В. Программы повышения финансовой грамотности и финансовое поведение: почему люди не становятся «финансово грамотными»? // Вопросы экономики. 2020. № 9. С. 80–93.
- Козлова Т.З. О социальном положении пенсионеров // Социологические исследования. 2008. № 5. С. 135–137.
- Козырева П.М., Смирнов А.И. Российские пенсионеры в условиях кризиса // Социологические исследования. 2017. № 1 (393). С. 64–73.
- Ржаницына Л.С. Как живут пенсионеры сегодня // Социологические исследования. 2012. № 4. С. 98–110.
- Ржаницына Л.С. Пенсионеры: как они живут и как улучшить их положение // Социологические исследования. 2016. № 11. С. 61–71.
- Роик В.Д. Пенсионная система России: вызовы XXI века и пути модернизации. СПб.: Питер, 2012.
- Сафонов А.Л., Воронин Ю.В. Долгосрочная стратегия развития пенсионной системы в Российской Федерации: альтернативные подходы // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2016. № 2. С. 2–9.
- Соловьёв А.К. Социальные последствия повышения пенсионного возраста // Социологические исследования. 2019. Т. 45. № 3. С. 23–31.
- Сухарев А.Н. Пенсионная система и пенсионная реформа в России: факты и оценка // Финансы и кредит. 2019. Т. 25. № 1. С. 26–38.
- Туленцы Д.С., Ермолаева А.С., Раба П.Г. Пенсионное страхование в России: современное состояние и возможности трансформации // Финансы: теория и практика. 2021. № 25. С. 102–126.
- Belousova T.A., Gryzenkova Y.V., Kirillova N.V., Vasyakin B.S., Pozharskaya E.L. The financial literacy assessment among students majoring in the field of finance // Eur Asian Journal of Bio Sciences. 2019. 13(1). P. 141–148.
- Brovchak S.V., Selivanova M.A., Sochneva E.N. Issues of increase in financial literacy of students of higher educational institutions of financial and economic orientation // Perspektivy Nauki i Obrazovaniya, 2019. 41(5). P. 130–146.

Статья поступила: 07.02.21. Финальная версия: 20.05.22. Принята к публикации: 11.05.22.

PENSION EXPECTATIONS AND STRATEGIES OF RUSSIAN RESIDENTS

TSYGANOV A.A.*

*Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Alexander A. TSYGANOV, Dr. Sci. (Econ.), Prof., Head of Department Insurance and Social Economics, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia (al_ts@rambler.ru).

Abstract. In 2019, a pension reform started in Russia, as a result of which the retirement age is raising and the pensions of Russians should have been increased. The article discusses Russian citizens' attitude to the pension reform, provides estimates of the desired size of the future pension, options for personal life financial planning at retirement age. A comparison of the level of the average assigned pension and main indicators of the standard of living of the population shows the insufficiency of the current replacement rate. For the majority, the state pension is the main source of income at retirement age. The calculations given in the article show that a decent pension can be achieved on the basis of a state and non-state pension combination. But the stimulation of funded pension programs in Russia does not work due to low incomes of the population and distrust in non-state pension funds.

Keywords: pension, retirement age, pension reform, non-state pension funds.

REFERENCES

- Baskakov V.N. (2007) Financial prospects of the pension system of Russia. *Finansy*. [Finance]. 2007. No. 4: 52–56. (In Russ.)
- Belousova T.A., Gryzenkova Y.V., Kirillova N.V., Vasyakin B.S., Pozharskaya E.L. (2019) The financial literacy assessment among students majoring in the field of finance // *EurAsian Journal of BioSciencethis*. 13(1): 141–148.
- Brovchak S.V., Selivanova M.A., Sochneva E.N. (2019) Issues of increase in financial literacy of students of higher educational institutions of financial and economic orientation. *Perspektivy Nauki i Obrazovania*. 41(5): 130–146.
- Bobkov V.N. (2019) Pension reform: simplicity of tactical decisions is fraught with strategic failure. *Rossijskij e'konomicheskij zhurnal* [Russian Economic Journal]. No. 1: 31–40. (In Russ.)
- Vladimirova T.A., Khalturina O.A. (2019) Regulatory and legal risks and stability of non-state pension funds in Russia. *EKO*. No. 8 (542): 51–65. (In Russ.)
- Gontmacher E.S. (2019) Basic income: prologue to the social policy of the XXI century? *E'konomicheskaya politika* [Economic policy]. Vol. 14. No. 2: 156–177. (In Russ.)
- Gurvich E.T. Forks of pension reform: Russian and international experience. *Voprosy' e'konomiki* [Economic issues]. 2019. No. 9: 5–39. (In Russ.)
- Guseva O.A., Echenike V.H. (2015) Life expectancy and reproduction of insurance companies in Russia. *Finansy* [Finance]. No. 7: 50–56. (In Russ.)
- Danielyan V.A., Polterovich V.M. (2019) Adventures of pension reform in Russia: where are the mistakes? *Zhurnal NEA* [NEA Journal]. No. 2 (42): 177–186. (In Russ.)
- Ivanov S.F. Pension reform – 2019: determinants, consequences, alternatives. *Demograficheskoe obozrenie* [Demographic review]. No. 2(6): 6–54. (In Russ.)
- Kaz M.S. (2021) “The World of Labor” of Working Pensioners: Dilemmas and Meanings. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 28–39. (In Russ.)
- Kiselev I.Yu., Ovchinnikova N.V., Smirnova A.G., Min Yu. (2021) Employment trajectories of pre-pensioners in conditions of increasing retirement age. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 40–49. (In Russ.)
- Kislitsyn D.V. (2020) Financial literacy programs and financial behavior: why don't people become “financially literate”? *Voprosy' e'konomiki* [Economic issues]. No. 9: 80–93. (In Russ.)
- Kozlova T.Z. (2008) On the social status of pensioners. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5: 135–137. (In Russ.)
- Kozyreva P.M., Smirnov A.I. (2017) Russian pensioners in the conditions of crisis. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No.1 (393): 64–73. (In Russ.)
- Rzhanitsyna L.S. (2012) How pensioners live today. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4: 98–110. (In Russ.)
- Rzhanitsyna L.S. (2016) Pensioners: how they live and how to improve their situation // *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 11: 61–71. (In Russ.)
- Roik V.D. (2012) *Pension reform: results and prospects*. S.-Peterburg: Piter (In Russ.)
- Safonov A.L., Voronin Yu.V. (2016) Long-term strategy for the development of the pension system in the Russian Federation: alternative approaches. *Biznes v zakone. E'konomiko-yuridicheskij zhurnal* [Business in Law. Economic and Legal Journal]. No. 2: 2–9. (In Russ.)
- Soloviev A.K. (2019) Social consequences of raising the retirement age. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. Vol. 45. No. 3: 23–31. (In Russ.)
- Sukharev A.N. (2019) Pension system and pension reform in Russia: facts and assessment. *Finansy' i kredit* [Finance and credit]. Vol. 25. No. 1: 26–38. (In Russ.)
- Tulenty D.S., Ermolaeva A.S., Raba P.G. (2021) Pension insurance in Russia: current state and possibilities of transformation. *Finansy': teoriya i praktika* [Finance: theory and practice]. No. 25: 102–126. (In Russ.)

Received: 07.02.21. Final version: 20.05.22. Accepted: 11.05.22.

А.В. ЩЕКОТУРОВ

ИМИДЖ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В НАРРАТИВАХ МИГРАНТОВ

ЩЕКОТУРОВ Александр Вячеславович – кандидат социологических наук, заведующий социологической лабораторией Балтийского федерального университета им. И. Канта, Калининград, Россия (ASHCHekoturov@kantiana.ru).

Аннотация. *Имидж региона – предмет междисциплинарного исследования. Как на международном уровне анализа, так и в отечественных работах в данной области присутствуют концептуально противоречивые подходы и потребность в социологическом сопровождении результатов. Статья преследует цель продемонстрировать теоретико-методологическую ценность и эмпирический потенциал изучения имиджа региона как результата взаимосвязи медийных образов и социальных суждений. Объект исследования – информационное пространство, создаваемое российскими СМИ в отношении Калининградской области. Предмет исследования – воспроизводство медиаобразов Калининградской области в представлениях о регионе социальных групп иммигрантов и эмигрантов. Методы исследования: контент-анализ публикаций СМИ и глубинные интервью. Посредством платформы «Медиалогия» была выгружена генеральная совокупность сообщений российских СМИ о Калининградской области за 2014–2020 гг. (N = 7000), выборочная совокупность составила 2577 публикаций. Глубинные интервью с иммигрантами (N = 45) и эмигрантами (N = 15) проанализированы в программе Atlas.ti. Описана структура информационного поля Калининградской области. Установлено, что в группе иммигрантов доминирует имидж Калининградской области как туристически привлекательного региона международного сотрудничества. Имидж туристически привлекательного региона с развивающейся инфраструктурой преобладает в группе эмигрантов. Под имиджем региона мы предлагаем понимать систему конститутирования и воспроизводства представлений и социальных практик (отношений), зависимость от типа используемых ресурсов (информационных источников) и социальной группы акторов (целевой аудитории).*

Ключевые слова: *имидж региона • социальные представления • образ • СМИ • мигрант • Калининградская область*

DOI: 10.31857/S013216250016979-9

Введение. Современные исследования в области медиалогии и имиджологии территорий, миграциологии демонстрируют диверсификацию и междисциплинарность предмета и, как следствие, обнаружение новых значимых детерминант, с одной стороны, потребность в социологической интерпретации полученных результатов на уровне концептуализации и на уровне практики – с другой. Одним из важных выводов является обнаружение устойчивой связи между медиадискурсом, медиаобразом региона и – шире – информацией о нем в традиционных и новых медиа, Интернете с формированием пространственной мобильности индивида, развитием туризма и миграции [Almedia-García et al., 2020; Afshardoost, Eshaghi, 2020; Nadeau, Olafsen, 2015]. Однако эти работы не лишены недостатков, среди которых невозможность сведения базовых категорий исследования к набору универсальных оперантов [Lopez, Balabanis, 2020: 765] и непринятие во внимание флуидности и изменчивости информационной среды.

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 19-411-390001, и Правительства Калининградской области.

В русскоязычных *media studies* нет согласия относительно используемой терминологии в том числе и потому, что исследователи различают категории «образ» и «имидж», наделяя каждую собственной коннотацией [Драчева, 2019; Глушкова, Зайцева, 2017]. Исследования, посвященные анализу влияния медийного образа-имиджа региона на формирование миграционных установок индивидов, представлены единичными статьями [Shchekoturov et al., 2021; Зимовина и др., 2020].

Статья стремится внести вклад в это направление исследований, продемонстрировав эмпирические находки в российском контексте на примере Калининградской области – самого западного региона страны, на территории которого проходят активные миграционные процессы. В связи с этим основная цель статьи – выявить различные имиджи Калининградской области в структуре нарративов двух социальных групп: иммигрантов и эмигрантов. Выбор этих категорий обусловлен экзистенциальным выбором, перед которым встал каждый из них: сделать регион своим местом жительства или покинуть свою малую Родину. На наш взгляд, этот выбор вынуждает человека быть хорошо осведомленным о регионе и повышает его способность к рефлексии на интересующую нас тему.

От образа города к имиджу территории: зарубежный и отечественный опыт исследований. Образ города как предмет исследования берет начало с теоретических работ К. Линча, который обращает внимание на отражение архитектуры города в сознании людей, утверждая, что образ «должен быть достаточным, верным в прагматическом смысле, т.е. давать индивиду возможность действовать в желаемых пределах окружения» [Линч, 1982: 21]. С тех пор вопросы концептуализации и прикладного использования имиджа территории столь разнообразны, что периодически появляются публикации, посвященные рефлексии и анализу достижений в этой сфере [Roth, Diamantopoulos, 2009; Carneiro, Faria, 2016; Lu et al., 2019]. Согласно последнему обзору, в развитии имиджа территории выделяют три этапа в зависимости от доминирующих в конструкции смыслов. В 1989–2000-х гг. в понимании имиджа страны преобладали концепты «товара», «потребителя» и «восприятия» [Lu et al., 2019: 86]. В 2001–2010-е гг. триада «товар-потребитель-верования (beliefs)» стала чаще фигурировать в определении имиджа [ibid.: 86]. В период 2011–2017 гг. самым цитируемым определением стало следующее: «Имидж страны – набор всех представлений, идей и верований индивида относительно конкретной страны» [Hynes et al., 2014: 80]. Развитие термина показывает, как имидж страны, изначально определяемый через маркетинг и потребительские качества товара, становится социальным феноменом. Но и последнее определение нельзя считать исчерпывающим, поскольку не ясно, что считается страной (политическая система государства, территория или население) и как определяются критерии представлений, идей и верований индивида. Само понимание имиджа территории и ряда коннотативных понятий (country of origin, country product image, destination image, place image) нуждаются в эмпирической верификации [Elliot et al., 2011] и лишены социологического осмысления, несмотря на обнаруженные социально обусловленные связи.

Для отечественного научного диспута характерна большая диверсификация родового понятия «образ территории» и большая представленность темы в поле социологии. В русскоязычных работах часто встречаются понятия образ и имидж региона, его бренд, стереотип и репутация [Гуров, Корцыгина, 2016; Гравер, 2012]. Многие термины лишены должной методологической разработки [Грибова, 2018; Антонова, Ракевич, 2016: 161; Бондаренко, 2010: 39]. Исследователи в области социологии маркетинга подчеркивают, что имидж «отображает самую яркую сторону объекта» и выступает «инструментом конкурентоспособности региона» [Гуров, Корцыгина, 2016: 11] или образом, «на который пытаются воздействовать с целью изменения» [Гравер, 2012: 39].

В рамках социально-конструктивистской парадигмы можно рассмотреть две другие дефиниции. И.Г. Напалкова и К.В. Курочкина определяют имидж территории как «комплексный эмоционально воспринимаемый образ, наделенный определенными ценностями, целенаправленно формируемый и транслируемый средствами коммуникативных

технологий, исходя из имеющихся территориальных ресурсов, повышающих ее конкурентоспособность, продвигаемый среди представителей целевых групп и воспроизводимый ими» [Напалкова, Курочкина, 2018: 423]. Главными целевыми аудиториями являются коренное население территории, приезжие и туристы из других регионов и стран. Н.Л. Антонова и Е.В. Ракевич определяют имидж как «вид социальной практики, представляющей систему социальных действий и взаимодействий индивидов и групп, имеющей как направленный контролируемый, так и стихийный неконтролируемый характер, и определяющей образ города и мнение о нем как совокупности различного рода его характеристик» [Антонова, Ракевич, 2016: 161]. Имидж конструируется сверху (реализация идей администрации) и снизу, когда сами горожане «в своих повседневных практиках воспроизводят заданную модель» [там же: 162]. СМИ участвуют в этом процессе на каждом уровне: официальные СМИ транслируют имидж, создаваемый администрацией города, на уровне жителей больше представлены независимые СМИ, «в оценках которых город может быть представлен и в негативном аспекте» [там же].

На наш взгляд, эти определения объединяют и выделяют среди прочих подходов две принципиальные особенности: 1) дуальный характер имиджа, который как целенаправленно конструируется для целевой аудитории, так и «воспроизводится» ею в ходе социальных взаимодействий; 2) проактивная роль СМИ и технологий коммуникации, обеспечивающая процесс трансляции и создания образов территории.

Развивая утверждения упомянутых авторов, считаем, что имидж региона сформирован только тогда, когда информационная среда (в широком смысле) находит отражение в осведомленности, представлениях и социальных практиках индивида, а они, в свою очередь, регулярно воспроизводятся в информационном поле. Другими словами, транслируемые в СМИ сюжеты о регионе остаются образами до тех пор, пока целевая аудитория не начнет их артикулировать и воспроизводить. Как и социальные практики, связанные с признанием за регионом уникальных черт, без поддержки СМИ будут оставаться локальными представлениями. Это понимание имиджа территории является базовым теоретическим конструктом данной работы.

Замысел и методика изучения продолжают цикл исследований взаимосвязи информационного пространства Калининградской области и формирования миграционных установок [Shchekoturov et al., 2021; Зимовина и др., 2020; Кришталь и др., 2019]. Российский эксклав взят в качестве кейса, поскольку там наблюдаются существенные для региона миграционные процессы: эмиграция калининградской молодежи, иммиграция старших поколений из других регионов России и мира, рост численности населения исключительно за счет миграции¹. Калининградская область, являясь культурным фронтиром России на западном побережье, находится под прямым влиянием информационной риторики стран Европейского союза и военного блока НАТО, что отражается в медийной повестке и российских СМИ [Щекотуров, Винокуров, 2020]. В связи с этим возникает вопрос, как и в какой степени дискурс массмедиа о Калининградской области и риторика переселенцев связаны и подкрепляют друг друга.

Информационная среда Калининградской области, конструируемая региональными и федеральными СМИ России, представлена публикациями, полученными с помощью аналитической системы «Медиалогия». Была выгружена генеральная совокупность сообщений в российских СМИ о Калининградской области за 2014–2020 гг. ($N = 7000$). В выборку для анализа отнесены те из них, которые: а) максимально релевантны региону (Калининградская область упоминалась в заголовке публикации или в первом абзаце); б) не содержали информацию о правонарушениях, поскольку большая часть этих публикаций не имеет региональной специфики.

¹ Численность населения области на 01.01.2021 // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Калининградской области. URL: <https://kaliningrad.gks.ru/population> (дата обращения: 31.08.2021).

Оценка осведомленности об информационной среде Калининградской области была реализована посредством серии глубинных интервью с иммигрантами (приехавшими из других регионов России или из других стран, $N=45$) и эмигрантами (уехавшими в другой регион России или другую страну, $N=15$) в возрасте от 18 до 51 года. Данные границы обусловлены выделением поколения миллениалов и реформенного поколения, взятых в качестве дополнительного фактора [Радаев, 2018]. Поиск информантов осуществлялся методом снежного кома, критерии отбора – возраст и смена места жительства в течение 2015–2020 гг. Анализ полученных нарративов происходил в программе Atlas.ti с применением с-коэффициента. Его значения свидетельствуют о силе связи кода с фрагментом текста и варьируют от 0 до 1².

Единицей анализа выступили ответы информантов на вопросы интервьюера. Анализ нарративов состоял из этапов: разработка бланка кодировки, процесс работы с текстом и анализ получившихся взаимосвязей. Бланк кодировки состоял из перечня кодов с их описанием. Каждый код соответствовал определенной переменной, которую он конкретизировал (например, переменная «образ региона» представлена двенадцатью кодами по числу ранее выявленных медиаобразов). Работа с текстами интервью заключалась в кодировке каждого ответа информанта в соответствии с поставленными задачами. Например, комментарий Виталия (43 года) о том, что «Возможность развивать заграничные связи – самое большое преимущество Калининградской области», были присвоены несколько кодов: 1) регион международного сотрудничества; 2) иммигрант; 3) реформенное поколение; 4) мужчина. На этапе анализа в программе Atlas.ti была построена таблица сопряженности кодов, которая продемонстрировала силу их взаимной связи: чем чаще коды встречаются в одних и тех же фрагментах текста (ответы информантов), тем она выше. Бланк кодировки и спорные моменты в работе с текстом обсуждались с участниками исследовательского проекта.

Результаты. Подробное описание процедуры «сборки» образов, их наполнение и анализ динамики за 2014–2018 гг. представлены в публикации [Щекотуров, Винокуров, 2020]. В данной работе впервые представлена структура медиаполя Калининградской области за 2014–2020 гг. на основе контент-анализа публикаций (табл. 1).

Для лучшего понимания результатов интервью и последующего анализа дадим краткую характеристику образов Калининградской области, которые были представлены в гайде глубинного интервью. Регион с развивающейся инфраструктурой – сообщения в СМИ о текущих объектах строительства преимущественно в медицинской, энергетической и логистической отраслях. Регион международного сотрудничества – заявления российских и европейских чиновников о взаимном стремлении поддерживать и развивать сотрудничество; примеры приграничного взаимодействия. Военный форпост России – публикации о милитаризации Балтийского региона посредством увеличения присутствия войск НАТО, усиление ВПК и ВМФ РФ. Туристически привлекательный регион – публикации об учреждении игорной зоны, проведении в регионе фестивалей, развитии культурных объектов и природных достопримечательностей (национальный парк «Куршская коса»). Социально ориентированный регион: расселение обманутых дольщиков, адаптация мигрантов, военная ипотека. Регион исторической памяти: сохранение восточно-прусского и советского наследия, почтение к подвигу армии и народа в Великую Отечественную войну, военно-патриотические мероприятия. Регион особого идеологического влияния России: внимание высших лиц государства к региону (визиты в регион президента РФ, премьер-министра РФ, патриарха РПЦ и других высокопоставленных лиц).

В таблицах 2 и 3 представлены значения с-коэффициента, полученные в ходе компьютерного анализа текстов интервью. Они демонстрируют различия в силе, с которой

² Atlas.ti 8 Windows – User Manual – updated for program version 8. 4. P. 169. URL: downloads.atlasti.com/docs/manual/atlasti_v8_manual_en.pdf (дата обращения: 08.09.2021).

Таблица 1

Структура медиаполя Калининградской области в 2014–2020 гг., в %

Показатели	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Регион с развивающейся инфраструктурой	17,9	6,7	10,3	13,5	13,9	15,0	8,0
Регион международного сотрудничества	14,2	9,2	13,7	8,1	5,0	6,0	1,0
Регион, пострадавший от санкций	12,9	–	–	–	–	–	–
Военный форпост России	11,6	16,8	21,0	15,9	12,5	19,0	12,0
Туристически привлекательный регион	7,5	10,7	10,3	9,2	9,1	13,0	7,0
Экономически привлекательный регион	7,2	18,3	15,6	18,3	22,4	16,0	9,0
Социально ориентированный регион	6,9	–	3,6	4,6	3,9	5,0	–
Регион, борющийся с коррупцией	4,1	–	–	–	–	–	–
Регион, принимающий ЧМ по футболу	–	7,4	4,3	5,9	11,1	–	–
Регион исторической памяти	–	3,8	5,0	4,3	3,0	6,0	6,0
Регион особого идеологического влияния России	–	3,1	–	3,0	–	4,0	–
Регион, пострадавший от COVID-19	–	–	–	–	–	–	42,0
Другое	17,6	23,9	16,3	17,3	19,1	16,0	15,0
Всего	318	447	416	371	364	354	307

обнаруженные медиаобразы Калининградской области воспроизводятся в представлениях мигрантов.

Из всех медиаобразов Калининградской области в интервью с иммигрантами воспроизведены шесть: информанты показали различную степень осведомленности о каждом из них. Наиболее сильно в сознании переселенцев выступил туристически привлекательный регион. Каждый респондент имел представление об одном или нескольких местах, привлекающих туристов: «Здесь много достопримечательностей, много того, чего нет в других городах. Люди, которые интересуются историей, едут сюда. Люди, которые увлекаются архитектурой, едут сюда» (Анна, 25 лет).

Представления о Калининградской области как регионе с высоким потенциалом международного сотрудничества широко присутствовали в интервью: «Возможность

Таблица 2

Структура основных образов в нарративах иммигрантов

Регион с развивающейся инфраструктурой	Регион исторической памяти	Туристически привлекательный регион
0,11	0,27	1,00
Военный форпост	Регион с хорошей экологией	Экономически привлекательный регион
0,27	0,51	0,33
Регион международного сотрудничества	Регион старинной архитектуры	Регион с высоким образовательным потенциалом
0,78	0,56	0,11

развивать заграничные связи – самое большое преимущество Калининградской области» (Виталий, 43 года).

Следующие три образа в гораздо меньшей степени отражены в представлениях о регионе и миграционных установках переселенцев. Часть респондентов рассматривали Калининградскую область как возможность для улучшения экономического положения: «При переезде в Калининград основной моей целью являлся бизнес, связанный с туризмом... Меня интересовали специалисты в данной сфере, я был уверен, что в Калининграде достаточно много свободных кадров, которые подойдут для работы у меня в компании» (Илья, 32 года). Нередко информанты демонстрировали способность выразить отношение к истории Калининградской области: «Калининград старше Омска, это безусловно, влияет на его внешний вид, на его архитектуру, на дороги и так далее... Это старый город, это бывшая Восточная Пруссия, здесь есть на что посмотреть» (Дарья, 29 лет).

Интерес к региону как военному форпосту России практически отсутствовал. Однако отношение к нему среди осведомленных информантов различно и во многом обусловлено поколенческой спецификой [Shchekoturov et al., 2021]: «На сегодняшний момент ... мы находимся в своеобразном таком лагере – хорошем, охраняемом. Вокруг – не то, чтобы враги, но не очень хорошие соседи» (Виталий, 51 год); «Меня это совершенно не беспокоит. Все мирные люди в XXI веке, все хотят жить спокойно» (Иван, 27 лет).

Образ региона с развивающейся инфраструктурой практически не представлен в нарративах иммигрантов. Определенные представления были преимущественно у тех, кто бывал в Калининграде до переезда и мог сравнить: «Из всех российских городов Калининград самый современный, самый комфортабельный, с развитой инфраструктурой, с хорошими дорогами, с современными жителями» (Елена, 45 лет).

Обратим внимание, что у переселенцев выражено фигурировали представления о Калининградской области как о регионе с хорошей экологией и старинной архитектурой (табл. 2), которые не представлены в поле медиа: «Очень много зелени. Стоит отметить особенно приятный воздух. Мягкий, достаточно умеренный климат. Близость к морю, пусть оно и холодное, но всё-таки море, и при желании можно туда попасть в любое время» (Эдуард, 44 года).

Несколько реже встречались ответы, демонстрирующие интерес к освоению профессии в Калининграде и запрос на высокие образовательные стандарты, что позволило заявить о существовании и образа Калининградской области как региона с высоким образовательным потенциалом: «Я смотрел, что есть, какие вузы. Потому что у меня дети растут... Их будущее в первую очередь было для меня важно» (Николай, 39 лет).

Далее рассмотрим результаты анализа интервью с эмигрантами (табл. 3).

Практически в ответах каждого опрошенного переселенца фигурируют три сюжета, которые можно выразить определением: Калининградская область – регион

Таблица 3

Структура основных образов в нарративах эмигрантов

Регион особого идеологического влияния России	Регион с развивающейся инфраструктурой	Регион «забытого» исторического наследия
0,4	0,80	0,73
Регион с потенциалом международного сотрудничества	Социально неориентированный регион	Туристически привлекательный регион
0,33	0,27	0,80
Военный форпост	Экологически незащищенный регион	Экономически непривлекательный регион
0,40	0,60	0,53

с развивающейся инфраструктурой, туристически привлекательное место и одновременно регион «забытого» исторического наследия.

Российский эксклав как регион, богатый достопримечательностями и туристическими маршрутами, является единственным образом, который не только широко представлен в сознании эмигрантов, но и наделен положительным контекстом: *«Да, область является привлекательной для туристов... Есть места, парки отдыха, развлечений, есть много кофеен, ресторанов с интересной кухней, интересные заведения для искушенных петербуржцев или москвичей»* (Зоя, 28 лет).

В отношении региональной инфраструктуры представлены рассуждения комплексного и сравнительного характера (что в принципе и предполагает этот образ): *«Слаба медицина, очень мало городских поликлиник... Есть новостройки, жилой комплекс очень развит. Дороги хорошие, мне нравятся»* (Мария, 26 лет).

Образ региона исторической памяти, в том виде, в котором он существует в СМИ, не нашел подтверждения, получив обратную коннотацию. Это позволило определить данный образ как регион «забытого» исторического наследия: *«Это боль моя, потому что такое ощущение, что об истории как будто не заботятся вообще... У нас много было исторического наследия, у нас много немецких зданий, и я понимаю, что сразу после войны город был разрушен, что потом еще уничтожали немецкое наследие, потому что была вражеская эта... Я понимаю чувства людей, которые это делали на тот момент, но уже спустя какое-то время у нас что-то да осталось... Но ничего не восстанавливают... Королевский замок... часть фундамента стеклом закрыли... Слышала, что там торговый центр хотят делать...»* (Юлия, 24 года).

Высокая осведомленность и озабоченность зафиксирована по поводу экологической ситуации: *«Экологию в Калининградской области я оценивала достаточно удовлетворительно, пока на нашем прекрасном острове не построили стадион... потому что был ухудшен большой пласт фауны, флоры... большинство птиц, которые проживали на этом участке, были вынуждены мигрировать»* (Светлана, 45 лет).

Негативную оценку получила социально-экономическая обстановка в регионе: *«Хочу сказать, что партнеры со временем теряют интерес к нам, к Калининградской области, она... перестает быть инвестиционно-привлекательной»* (Виталий, 51 год). *«По факту я не видела никакой поддержки малого бизнеса. И сама столкнулась с тем, что пыталась найти работу... Я бы не сказала, что есть какие-то изменения в этом плане»* (Валерия, 21 год).

Остальные образы Калининградской области артикулированы в меньшей степени, отношение к ним по-прежнему различно. Обсуждая формы идеологического влияния официальной Москвы, часть информантов затруднилась сформулировать собственную позицию, мнения других чаще позитивны: *«Внимание со стороны первых лиц, безусловно, есть. И визиты президента Владимира Владимировича, и патриарха. И это не просто визиты, это конкретные решения. И это правильно и полезно для региона. Это как в большой семье: много детей, но Калининград всегда немножко больше привлекает внимания»* (Анна, 39 лет).

Довольно слаб интерес и преимущественно нейтральна позиция в отношении образа Калининградской области как военного форпоста: *«Знаком с этим тезисом (о военном форпосте. – Прим. авт.) в самом первом приближении. Это какие-то чтения новостей и обсуждения с друзьями, студентами на парах, возможно, но не более того»* (Таир, 23 года).

Эмигранты высоко оценивают потенциал международного сотрудничества Калининградской области, печально отзываясь о текущем состоянии дел в этой области: *«А про Калининград и международное сотрудничество ответ мой будет таким: здесь есть очень большой потенциал, как у всех территорий, которые находятся в приграничье. Так что теоретически – да, но на практике – в Калининграде есть проблемы, которые связаны с границами, передвижением и прочее»* (Анна, 39 лет).

Менее всего в ответах переселенцев представлены формы социальной поддержки населения. Информанты, способные выразить собственное мнение, настроены скептически: *«Социальная инфраструктура на очень низком уровне. То, что творится с нашими пенсионерами, с больными раком... Они не получают поддержку, получают, но это такие крохи*

и это столько надо нервов вымотать. Ты просто даешься диву и, наверное, благодарен своему здоровью, что тебе не нужно по каким-то инстанциям таскаться, чтобы что-то получить» (Юлия, 35 лет).

Обсуждение. В структуре образов Калининградской области в российских СМИ за 2014–2020 гг. абсолютное большинство (за определенным исключением) конструируется в положительном контексте. Последние два года наблюдается снижение доли большинства образов за исключением трех: военный форпост России, туристически привлекательный регион и регион исторической памяти. На наш взгляд, это связано с тем, что период пандемии COVID-19 демонстрирует жизнеспособность векторов медиапозиционирования области, которые во многом определены журналистским взглядом и официальным дискурсом. Тем важнее определить, насколько они артикулированы среди социальных групп переселенцев: иммигрантов и эмигрантов.

Иммигранты: Калининградская область – туристически привлекательный регион международного сотрудничества. Чаще всего в ответах этих информантов Калининградская область воспроизводилась в контексте туризма и международного сотрудничества, что может быть объяснено специфичностью ее геополитического положения и истории, которые выделяют данный регион среди потенциальных дестинаций. Причем преимущество территории определяется через рыночные, образовательные, культурные и дипломатические перспективы, не с позиции военной угрозы и конфронтации политических сил. Этим обусловлена низкая информированность об образе форпоста России на Балтике.

Слаба связь с распространенным в СМИ образом Калининградской области как экономически привлекательного региона. Анализ нарративов показывает, что причиной тому худшее положение иммигранта у себя на родине. Другими словами, экономическая ситуация выступает, скорее, выталкивающим, нежели притягивающим фактором.

Не представленность в СМИ, но высокая дискурсивность в среде информантов обнаружена в восприятии Калининградской области как региона с хорошей экологией и старинной архитектурой. Это может быть объяснено тем, что для большинства переселенцев информационным ресурсом о регионе выступили не только СМИ, но и YouTube, социальные сети, родственники, друзья, знакомые, проживающие там, личный опыт посещения области в качестве туриста.

Практическое отсутствие остальных образов в рефлексии информантов во многом обусловлено их ориентацией на другую целевую аудиторию: местное население. Данное предположение находит подтверждение в анализе интервью с калининградцами, эмигрировавшими в другой регион России или за границу.

Таким образом, медиаобразы региона и представления информантов о регионе связаны преимущественно в двух контекстах: туристическая привлекательность и международное сотрудничество. Это позволяет говорить о сформированности только этих имиджей Калининградской области в среде иммигрантов. Визуально это представлено на рисунке 1.

Эмигранты: Калининградская область – туристически привлекательный регион с развивающейся инфраструктурой. Ответы калининградцев, переехавших в другой регион России или другую страну, были насыщены большей негативной коннотацией в отношении практически каждой обсуждаемой темы. Их суждения логично объясняют смену места жительства, служа интерпретацией и в определенной мере оправданием переезда.

Наиболее частое воспроизводство образов замечено в обсуждении Калининградской области как туристически привлекательного региона и региона с развивающейся инфраструктурой. Транслируемый в СМИ образ региона исторической памяти в представлениях эмигрантов трансформирован в образ региона с богатым, но забываемым прошлым. Ответы информантов полны желанием приобщиться к практикам сохранения исторического наследия, что, на наш взгляд, их заметно отличает от иммигрантов, поскольку является частью региональной идентичности. В отличие от иммигрантов, некоторые эмигранты отмечали присутствие идеологического влияния со стороны федеральной власти. Это один из маркеров региональной идентичности, отличающих местных от приезжих.

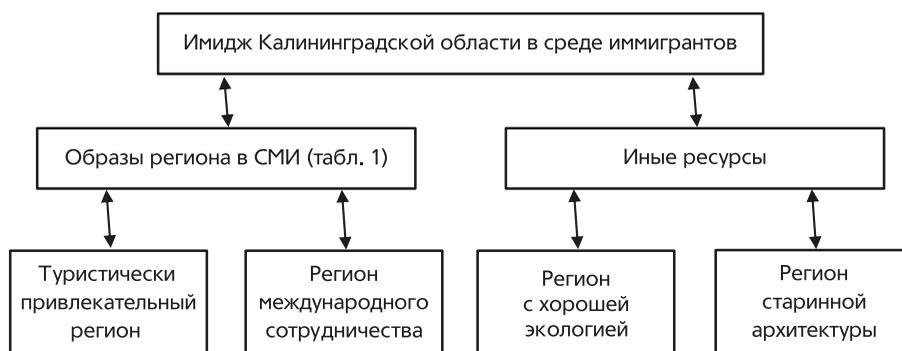

Рис. 1. Механизм конструирования имиджа Калининградской области в среде иммигрантов

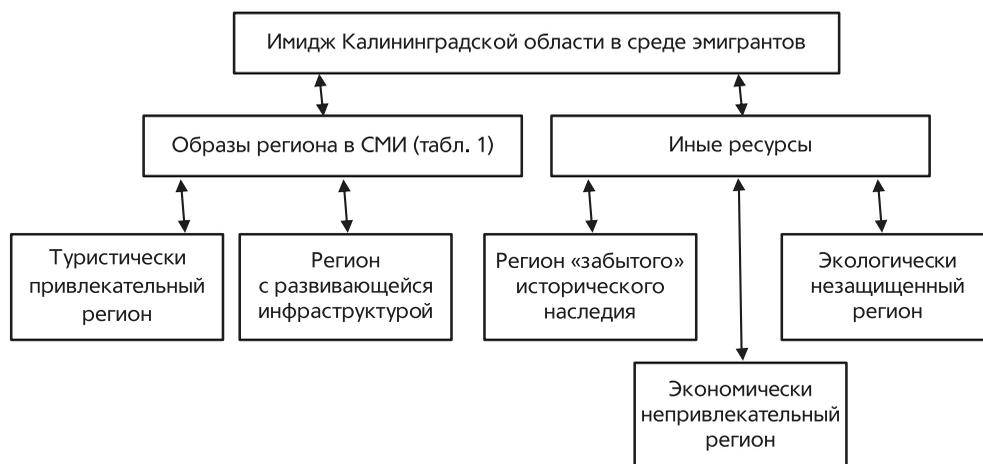

Рис. 2. Механизм конструирования имиджа Калининградской области в среде эмигрантов

Остальные образы получили качественно иное содержание с точки зрения отношения к ним. Так, в большинстве своем люди были не готовы поддержать тезис об экономической привлекательности области. Если приезжие информанты отмечали высокие ожидания в сфере экологии и международного сотрудничества, то эмигранты находили аргументы в пользу неразвитости этих направлений. Практически не получили развития такие медиадискурсы Калининградской области, как военный форпост и социальная политика, что объяснимо иной системой ценностно-идеологических координат переселенцев и тем, что они привыкли полагаться на себя больше, чем на поддержку государства.

Анализ нарративов эмигрантов также показал присутствие нескольких источников информации или ресурсов, обеспечивающих конструирование суждений о регионе. С точки зрения предмета данного исследования мы можем заявлять о формировании двух вариантов имиджа Калининградской области – туристически привлекательного региона и региона с развивающейся инфраструктурой. Только они в одной тональности значимо представлены в СМИ и в ответах эмигрантов (рис. 2).

Заключение. Установлена связь между образами Калининградской области в СМИ и отношением к ним двух типов мигрантов. Иммигранты продемонстрировали гораздо более

позитивную риторику в отношении региона. Их представления и ожидания от места дестинации шире структуры медиаобразов. Эмигранты пессимистично отзывались о своей малой Родине. Некоторые суждения противоречили как медиадискурсу (например, «социально неориентированный регион», регион «забытого наследия» или экономически непривлекательная область), так и впечатлениям иммигрантов (например, экологически незащищенный регион).

Разрыв между тем, как представлен регион в СМИ и что от него ожидают мигранты, может рассматриваться как проблема низкой информированности о регионе одной целевой аудитории (иммигранты) или недоверие к подобной информации со стороны другой (эмигранты). Как следствие, это подрывает эффективность программ выстраивания положительного имиджа Калининградской области, регионального бренда и привлечения инвестиций.

Анализ нарративов зафиксировал роль других источников информации о регионе (прежде всего, социальные сети и YouTube). Вероятно, анализ этих каналов коммуникации в контексте дискурсивной логики мигрантов позволит выявить новые имиджи Калининградской области.

В целом, результаты исследования позволяют определить имидж региона как систему конституирования и воспроизводства представлений и социальных практик (отношений), зависящую от типа используемых ресурсов (информационных источников) и социальной группы акторов (целевой аудитории). В такой трактовке Калининградская область имеет имидж туристически привлекательного региона, транслируемый и воспроизводимый за пределами эксклава и внутри его. Имиджи региона как территории для международного сотрудничества и развивающейся инфраструктуры – варианты более частные, поскольку сформированы среди различных групп. О существовании иных разновидностей имиджа Калининградской области можно будет говорить после определения типа ресурса, его значимости в структуре информационных источников индивида и воспроизводства в представлениях и практиках социального субъекта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Антонова Н.Л., Ракевич Е.В. Горожане как субъект формирования имиджа города // Вестник Пермского университета. 2016. Вып. 2(26). С. 160–166. DOI: 10.17072/2078-7898/2016-2-160-166.
- Бондаренко Е.В. Имидж региона как категория социологии культуры // Вестник Ставропольского государственного университета. 2010. № 4. С. 39–45.
- Глушкова Т.С., Зайцева О.А. Медиаобраз как инструмент создания территориального имиджа: когнитивный аспект // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2017. № 3 (29). С. 50–57. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2017.29.50.
- Гравер А.А. Образ, имидж и бренд страны: понятия и направления исследования // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 3(19). С. 29–45.
- Грибова К.Л. Имидж города в условиях глобализации // Социология. 2018. № 3. С. 93–101.
- Гуров С.А., Корцыгина В.А. Восприятие, образ, имидж, стереотип и бренд территории: сопоставление категорий // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. 2016. Т. 2 (68). № 2. С. 3–22.
- Драчева Ю.Н. Понятие медиаобраза и его описание в языковедческом и неязыковедческом аспектах // Вестник Череповецкого гос. университета. 2019. № 2. С. 134–146. DOI: 10.23859/1994-0637-2019-2-89-13.
- Кришталь М.И., Щекотуров А.В., Зимовина Е.П. Геополитические и социокультурные компоненты образа Калининградской области в представлениях реформенного поколения и поколения миллениалов // Псковский региональный социологический журнал. 2019. № 4 (40). С. 34–47.
- Зимовина Е.П., Щекотуров А.В., Кришталь М.И. Пространственная мобильность и миграционные установки реформенного поколения и поколения миллениалов Калининградской области // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2020. № 2. С. 86–105.
- Линч К. Образ города. М.: Стройиздат, 1982.
- Напалкова И.Г., Курочкина К.В. Имидж региона: специфика, основные элементы и технологии конструирования // Экономическая история. 2018. Т. 14. № 4. С. 404–413. DOI: 10.15507/2409-630X.043.014.201804.414-429.
- Радаев В.В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 15–33. DOI: 10.7868/S0132162518030029.

- Щекотуров А.В., Винокуров В.В. Форпост или регион международного сотрудничества: как менялись образы Калининградской области в российских СМИ в 2014–2018 гг. // *Медиаскоп*. 2020. № 3. С. 3. DOI: 10.30547/mediascope.3.2020.3.
- Almedia-García F., Domínguez-Azcue J., Mercade-Mele P., Pérez-Tapia G. Can a destination really change its image? The roles of information sources, motivations, and visits // *Tourism Management Perspectives*. 2020. No. 34. P. 1–16. DOI: 10.1016/j.tmp.2020.100662.
- Afshardoost M., Eshaghi M. Destination image and tourist behavioral intentions: a meta-analysis // *Tourism Management*. 2020. No. 81. P. 1–10. DOI: 10.1016/j.tourman.2020.104154.
- Carneiro J., Faria F. Quest for purposefully designed conceptualization of the country-of-origin image construct // *Journal of Business Research*. 2016. Vol. 69. No. 10. P. 4411–4420. DOI: 10.1016/j.jbusres.2015.12.075.
- Elliot S., Papadopoulos N., Kim S.S. An Integrative Model of Place Image: Exploring Relationships between Destination Product and Country Images // *Journal of Travel Research*. 2011. Vol. 50. No. 5. P. 520–534. DOI: 10.1177/0047287510379161.
- Hynes N., Caemmerer B., Martin E., Masters E. Use, abuse or contribute! A framework for classifying how companies engage with country image // *International Marketing Review*. 2014. Vol. 31. No. 1. P. 79–97. DOI: 10.1108/IMR-12-2012-0206.
- Lopez C., Balabanis G. Country Image Appraisal: More Than Just Ticking Boxes // *Journal of Business Research*. 2020. Vol. 117. P. 764–779. DOI: 10.1016/j.jbusres.2019.09.004.
- Lu I., Kwan E., Heslop L., Thomas D., Cedzynski M. The ivory tower and the street: how researchers defined country image over four decades and what consumers think it means // *Journal of Business Research*. 2019. Vol. 105. P. 80–97. DOI: 10.1016/j.jbusres.2019.07.030.
- Nadeau J., Olafsen A. Country image evaluations and migration intentions, Place Branding and Public Diplomacy. 2015. No. 11. P. 293–308. DOI:10.1057/pb.2015.8.
- Roth K.P., Diamantopoulos A. Advancing the country image construct // *Journal of Business Research*. 2009. Vol. 62. No. 7. P. 726–740. DOI: 10.1016/j.jbusres.2008.05.014.
- Shchekoturov A.V., Krizhtal M.I., Zimovina E.P. Media Images of the Kaliningrad Region in the Structure of Migration Attitudes of Millennials and the Reform Generation // *Baltic Region*. 2021. Vol. 13. No. 2. P. 165–182. DOI: 10.5922/2079-8555-2021-2-9.

Статья поступила: 07.10.21. Финальная версия: 26.03.22. Принята к публикации: 12.05.22.

KALININGRAD OBLAST' IMAGE IN MIGRANTS' NARRATIVES

SHCHEKOTUROV A.V.

Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia

Aleksandr V. Shchekoturov, Cand. Sci. (Sociology), Head of Sociological Lab, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia (ASHChekoturov@kantiana.ru).

Acknowledgements. The work was supported by the Russian Foundation for Basic Research and the Governments of the Kaliningrad region, project No. 19-411-390001.

Abstract. The image of a region is an interdisciplinary research subject both at the international level of analysis and in domestic works there features conceptually contradictory approaches and the need for sociological support vs results obtained. This article aims to demonstrate theoretical and methodological value and empirical potential of the research object – the Kaliningrad oblast', information about which is formed mainly from the mass media due to its special territorial location. The subject of the research is reproduction of images of the Kaliningrad region in the discursive consciousness of two social groups for which information about the region is directly incorporated into social practices: immigrants and emigrants. Research methods: content analysis of media publications and in-depth interviews. Through the Medialogia platform, the entire universe of Russian media reports about the region 2014 through 2020 was downloaded ($N = 7000$), the sample consisted of 2577 publications. In-depth interviews with immigrants ($N = 45$) and emigrants ($N = 15$) were analyzed via program Atlas.ti. The structure of the information field of the Kaliningrad region is described. In the group of immigrants the dominant image of the Kaliningrad region is a tourist attracting region of international cooperation. The image of a tourist region with a developing infrastructure prevails in the group of emigrants. It is concluded that there is a high potential for interdisciplinary research of the region's image, by which we propose to understand the system of recursive constitution and reproduction of images (ideas) and social practices (relations), depending on the type of resources (information sources) used and the social group of actors (target audience).

Keywords: image of a region, image, mass media, Kaliningrad region, migrants, immigrants, emigrants.

REFERENCES

- Almedia-Garcia F., Domigunéz-Azcue J., Mercade-Mele P., Perez-Tapia G. (2020) Can a Destination Really Change its Image? The Roles of Information Sources, Motivations, and Visits. *Tourism Management Perspectives*. No. 34: 1–16. DOI: 10.1016/j.tmp.2020.100662.
- Afshardoost M., Eshaghi M. (2020) Destination Image and Tourist Behavioral Intentions: a Meta-Analysis. *Tourism Management*. No. 81: 1–10. DOI: 10.1016/j.tourman.2020.104154.
- Antonova N.L., Rakevich E.V. (2016) Citizens as a Subject of the Formation of the City's Image. *Bulletin of Perm University*. Vol. 2 (26): 160–166. DOI: 10.17072/2078-7898/2016-2-160-166. (In Russ.)
- Bondarenko E.V. (2010) Image of the Region as a Category of Sociology of Culture. *Bulletin of the Stavropol State University*. No. 4: 39–45. (In Russ.)
- Carneiro J., Faria F. (2016) Quest for Purposefully Designed Conceptualization of the Country-Of-Origin Image Construct. *Journal of Business Research*. Vol. 69. No. 10: 4411–4420. DOI: 10.1016/j.jbusres.2015.12.075.
- Dracheva Y.N. (2019) The Concept of a Media Image and its Description in Linguistic and Non-Linguistic Aspects. *Vestn. Cherepovets. State University*. No. 2: 134–146. DOI: 10.23859/1994-0637-2019-2-89-13. (In Russ.)
- Elliot S., Papadopoulos N., Kim S.S. (2011) An Integrative Model of Place Image: Exploring Relationships Between Destination Product and Country Images. *Journal of Travel Research*. Vol. 50. No. 5: 520–534. DOI: 10.1177/0047287510379161.
- Glushkova T.S., Zaitseva O.A. (2017) Media Image as a Tool for Creating a Territorial Image: a Cognitive Aspect. *Science About Man: Humanitarian Studies*. No. 3 (29): 50–57. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2017.29.50. (In Russ.)
- Graver A.A. (2012) Image, Image and Brand of the Country: Concepts and Directions of Research. *Bulletin of the Tomsk State University*. No. 3 (19): 29–45. (In Russ.)
- Gribova K.L. (2018) City Image in the Context of Globalization. *Sociology*. No. 3: 93–101. (In Russ.)
- Gurov S.A., Kortsygina V.A. (2016) Perception, Image, Image, Stereotype and Brand of the Territory: Comparison of Categories. *Uchenye Zapiski of the Crimean Federal University*. Vol. 2 (68). No. 2: 3–22. (In Russ.)
- Hynes N., Caemmerer B., Martin E., Masters E. (2014) Use, Abuse or Contribute! A Framework for Classifying how Companies Engage with Country Image. *International Marketing Review*. Vol. 31. No. 1: 79–97. DOI: 10.1108/IMR-12-2012-0206.
- Krishtal M.I., Schekoturov A.V., Zimovina E.P. (2019) Geopolitical and Socio-Cultural Components of the Image of the Kaliningrad Region in the Views of the Reform Generation and the Generation of Millennials. *Pskov Regionological Journal*. No. 4 (40): 34–47. (In Russ.)
- Lopez C., Balabanis G. (2020) Country Image Appraisal: More Than Just Ticking Boxes. *Journal of Business Research*. Vol. 117: 764–779. DOI: 10.1016/j.jbusres.2019.09.004.
- Lu I., Kwan E., Heslop L., Thomas D., Cedzynski M. (2019) The Ivory Tower and the Street: How Researchers Defined Country Image Over Four Decades and What Consumers Think it Means. *Journal of Business Research*. Vol. 105: 80–97. DOI: 10.1016/j.jbusres.2019.07.030.
- Lynch K. (1982) *Image of the City*. Moscow: Stroyizdat. (In Russ.)
- Nadeau J., Olafsen A. (2015) Country Image Evaluations and Migration Intentions. *Place Branding and Public Diplomacy*. No. 11: 293–308. DOI:10.1057/pb.2015.8.
- Napalkova I.G., Kurochkina K.V. (2018) Image of the Region: Specificity, Basic Elements and Design Technologies. *Economic History*. Vol. 14. No. 4: 404–413. DOI: 10.15507/2409-630X.043.014.201804.414-429. (In Russ.)
- Radaev V.V. (2018) Millennials Against the Background of Previous Generations: an Empirical Analysis. *Sociological Studies*. No. 3: 15–33. DOI: 10.7868/S0132162518030029. (In Russ.)
- Roth K.P., Diamantopoulos A. (2009) Advancing the country image construct. *Journal of Business Research*. Vol. 62. No. 7: 726–740. DOI: 10.1016/j.jbusres.2008.05.014.
- Shchekoturov A.V., Krishtal M.I., Zimovina E.P. Media Images of the Kaliningrad Region in the Structure of Migration Attitudes of Millennials and the Reform Generation. *Baltic Region*. 2021. Vol. 13. No. 2: 165–182. DOI: 10.5922/2079-8555-2021-2-9.
- Shchekoturov A.V., Vinokurov V.V. (2020) Outpost or Region of International Cooperation: How the Images of the Kaliningrad Region in Russian Media Changed in 2014–2018. *MediaScope*. No. 3. DOI: 10.30547/mediascope.3.2020.3. (In Russ.)
- Zimovina E.P., Schekoturov A.V., Krishtal M.I. (2020) Spatial Mobility and Migration Attitudes of the Reform Generation and the Generation of Millennials in the Kaliningrad Region. *Bulletin of Immanuel Kant Baltic Federal University*. No. 2: 86–105. (In Russ.)

Э.А. МИТИНА, О.Б. ЯРОШ, Э.В. РЕУТОВА

РЕЛЕВАНТНОСТЬ СОВРЕМЕННОСТИ МУНИЦИПАЛЬНОЙ ГЕРАЛЬДИКИ ГОРОДОВ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ

МИТИНА Элла Александровна – старший преподаватель кафедры маркетинга, торгового и таможенного дела (zhilina_ella@list.ru); ЯРОШ Ольга Борисовна – доктор экономических наук, профессор той же кафедры (iarosh.olga.cfu@gmail.com). Обе – Институт экономики и управления Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия; РЕУТОВА Элеонора Викторовна – магистрант Факультета социальных наук НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия (reutovaeleonora@gmail.com).

Аннотация. Приводятся описания гербов городов Крыма и их истории, сообщается о результатах социологического опроса жителей (N = 1174, 15–40 лет) на предмет понимания ими изображений (геральдических символов), присутствующих на официально утвержденных гербах. По итогам опроса проведена оценка степени релевантности (в представлении респондентов) символических изображений на гербах. Показано, что в изучаемом регионе соотношение символьных элементов, изображающих природные и экономические объекты, составляет 53,9 к 46,1%, зачастую символические элементы являются устаревшими. Со схожими сложностями в трактовке связано большинство экономической айдентики, изображенной на гербах, а также элементов современных гербов, реконструированных из дореволюционных исторических либо советских их прототипов. По этим причинам 62,8% молодых жителей не знают и не понимают геральдические символы своих населенных пунктов. Потенциал использования геральдики в современных социальных коммуникациях ограничен, что связано со значительным информационным разрывом между ее смысловыми элементами и их пониманием современной аудиторией.

Ключевые слова: геральдика • Республика Крым • знание • релевантность • восприятие • семиотика

DOI: 10.31857/S013216250020833-9

Введение. Города занимают особое место в насыщении территорий разнообразной символикой с использованием графики и культурно-исторических материалов (настенные панно, мозаика с изображениями памятных событий прошлого, исторических персонажей и т.д.), которая отличается разнообразием, выделяется через реализацию символической политики путем брендинга города и пр. Актуальность представляемого в статье исследования релевантности муниципальной геральдики в современном обществе заключается в перспективе использования геральдической символики в брендинге городов.

В дореволюционный период работу по разработке гербов городов Российской империи проводил Департамент Герольдии Правительствующего Сената. На основании собранных на местах мнений горожан каждая городская дума направляла в этот департамент историко-статистическую справку и предложения, на основе которых специалистами Гербового отделения создавался проект герба каждого города. Подготовленные проекты представлялись императору на высочайшее утверждение. В советский период старая геральдика была отвергнута. Внимание советских органов государственной власти на долгое время ограничилось общегосударственной символикой – Государственным гербом и флагом СССР и союзных республик. О гербах городов забыли, вспомнив только в 1960-х гг., когда пробудился интерес к краеведению и к истории городов. Восстановить

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31322.

в правах исторические гербы большинства городов было в те годы невозможно по идеологическим причинам, поэтому на смену дореволюционной геральдике пришла советская эмблематика. В 1968 г. муниципальный герб появился в Ялте, а в 1971 г. – в Симферополе. С 1990-х гг. отмечался частичный возврат к прежним символам. Среди бывших союзных республик верность традициям советской символики сохранила только Республика Беларусь, действующий герб которой мало отличается от герба БССР [Загоруйко, 2015]. В наши дни неприятие советской эмблематики имеет зачастую не столько идеологические, сколько художественно-эстетические истоки. Даже людям, отчасти позитивно относящимся к СССР, геральдические орлы, львы и короны нравятся больше, чем колосья и серпы с молотами.

Гербы городов Крыма. Появление каждого знака на гербах городов имеет свою историю и конкретную историческую предопределенность. Особенность каждого населенного пункта Крыма создатели геральдических знаков пытались передать через фигуры, изображенные непосредственно на гербе (сооружения, предметы быта, фигуры, изображающие флору и фауну, мифические персонажи и др.). Например, на гербе г. Алушта, утвержденном 16 декабря 2001 г., представлен щит прямоугольной формы, в центральной части которого изображена башня с проемом для ворот и фрагментами стен по краям, символизирующая византийскую крепость Алустон. Слева и справа над ней находится изображение двух корон (Византия и Российская империя), отражающих преемственность истории города.

Принятый ныне герб Армянска (ранее – Армянский Базар) с 1844 г. по 1920 г. принадлежал г. Перекоп, располагавшемуся ранее в нескольких километрах от него, полностью разрушенному в ходе штурма Красной армией перекопских укреплений армии Врангеля в ноябре 1920 г. Армянск получил статус города в 1993 г. В современном виде его герб был утвержден 14 августа 2008 г. решением городского совета «Об изменении изображения герба и утверждении Положения о содержании, описании и порядке использования герба г. Армянск». Символика герба отражает его географическое положение на выходе с Перекопского перешейка, а крепость, преграждающая путь в Крым, является своеобразным ключом от полуострова.

Главные элементы композиции утвержденного 17 февраля 1988 г. герба г. Бахчисарая – это изображение двух роз, символизирующих его многовековую историю, уникальные памятники культуры и архитектуры, неразрывную взаимосвязь традиций и культур. Чаша с розами раскрывает название города как сада, столовая гора-останец (Тепе-Кермен) – знак гор Бахчисарайского ландшафтного района. Изображение печи ставит акцент на строительной индустрии, а яблока – на плодородии города и пищевой промышленности.

Герб г. Джанкой утвержден 13 марта 2007 г. и представляет собой варяжский щит, зеленая верхняя часть которого символизирует богатство северо-крымских полей. Изображение пчелы олицетворяет трудолюбие. Охотничий лук – символ кочевых народов, населявших степной Крым в древности, а колосья пшеницы – богатство края и основные виды хозяйственной деятельности.

Проект герба Евпаторийского уезда был высочайше утвержден 17 ноября 1844 г. императором Николаем I. На гербе были изображены баранья золотая голова на зеленом фоне, на красном – черный змий, пьющий из черной чаши. В период СССР исторический герб Евпатории в официальных документах не использовался, но 30 мая 1997 г. был восстановлен в качестве официального символа города. Современный герб города утвержден 20 июля 2018 г. в следующей интерпретации: золотая баранья голова на гербе города Евпатория указывает на удобство Тарханского кута к разведению овец, черная змея, обвивающая серебряный жезл, пьет из черной чаши – эмблема медицины, символизируя общеизвестные лечебные грязи и характеризует город как курортный [Ефетов, 2016].

Становление городского герба Керчи также имеет непростую историю. На ее первом гербе, принятом 17 ноября 1844 г. императором Николаем I, были изображены черный

грифон (комбинация орла и коня), ключ и корона. Второе изменение герб претерпел уже в период СССР. Малый герб Керчи был утвержден 20 июня 1996 г., а большой – 19 октября 1999 г., оба используются до настоящего времени. В изображении современного герба Керчи сохранены историческая традиция и особенности исторической эмблемы города – золотой грифон (комбинация орла и льва), ключ, императорская корона, якоря. Грифон трактуется как знак бывшей столицы Боспорских царей Пантикапеи, ключ обозначает вход из Черного моря в Азовское, изображение императорской короны было присуще Керчь-Еникальскому градоначальству, а якоря символизируют два моря – Черное и Азовское, два порта – торговый и рыбный, город судостроения и судоремонта [Города России..., 2006].

Герб г. Красноперекоск переутверждался несколько раз. В современной интерпретации, принятой 25 октября 2018 г., он представляет собой изображение тюльпана на фоне перешейка, соединяющего Крымский полуостров с материком, обрамленного водами двух морей и Сиваша. На перешейке расположены три полосы, символизирующие жизненные артерии Крыма – это железная и автомобильная дороги, Северо-Крымский канал.

Советский герб г. Саки утвержден в 1976 г., а в современном виде принят 29 апреля 2005 г. На современном гербе изображен бронтозавр красного цвета, подчеркивающий древность местных лечебных грязей, золотая змея как символ медицины, а также серебряная чаша со струями, символизирующая местные минеральные воды.

Первый герб г. Симферополь был утвержден 17 ноября 1844 г. В советский период существовал другой его герб, принятый 21 августа 1971 г. В современной интерпретации (2 апреля 2015 г.) на нем изображена летящая пчела, олицетворяющая красоту городского округа. Греческая чаша – символ Неаполя Скифского. Золотая корона указывает на статус города Симферополя как столицы Республики Крым. Полувенок из двух дубовых веток является символом памятников природы.

Герб г. Старый Крым был утвержден решением городского совета от 28 марта 2008 г. После присоединения Крыма к Российской Федерации он подвергся небольшой корректировке. Ныне действующий вариант герба принят 30 октября 2017 г. На нем буква «К», увенчанная короной, отражает начальную букву имени города, корона напоминает, что город был столицей до XVI в. (в дальнейшем его именем был назван весь полуостров), а серебряный кадуцей с двумя золотыми змеями указывает на то, что город был одним из ключевых пунктов знаменитых торговых путей средневековья. Крест и полумесяц символизируют богатую историю города, а рукопожатие отражает единство.

Первый герб г. Судак был утверждён 8 декабря 1987 г., а 14 декабря 2006 г. произошло его переутверждение. Современный герб принят 2 апреля 2015 г. Червленая стена символизирует архитектурный памятник – Генуэзскую крепость. Золотое солнце обозначает уникальную особенность города: наибольшее количество солнечных дней в году и продолжительность купального сезона. Венок из гроздьев и листьев винограда – символ сельскохозяйственной направленности города и его винодельческой промышленности.

Непростую историю имеет и герб г. Феодосия. Первое его утверждение произошло 11 мая 1811 г., 17 ноября 1844 г. он был переутвержден. В период существования СССР в 1967 г. ко дню 2500-летия города герб был принят в новой интерпретации. За основу современного герба Феодосии, утвержденного 29 апреля 2016 г., взята историческая эмблема Феодосийского уезда Таврической губернии. Красная башня свидетельствует о достопримечательности города – генуэзской башни и старинной генуэзской колонии; корабль напоминает о приморском положении и исключительном значении мореплавания для развития города и окрестностей. Орел – знак особого высочайшего благоволения, которого Феодосия была удостоена в царской России за ее выдающиеся заслуги перед Россией и Крымом.

На современном гербе города Ялта, принятом 13 февраля 2015 г., изображен лев, символизирующий огонь и солнце. Ветвь с гроздьем означает виноделие, а лавровая ветвь

указывает, что Ялта – единственное место в России, где лавровое дерево может расти на открытом воздухе. Золотая пальмовая ветвь с 25-ю лучами – символ субтропического климата. Морские коньки свидетельствуют о том, что данный город является портовым.

Постановка цели статьи и описание исследования. Во многих научных публикациях по политологии и социологии так или иначе поднимается вопрос о месте символики в жизни общества. Изучаются традиции и заимствования геральдики как компонента семиотики России и зарубежных стран [Склизкова, 2015], история и значение государственных символов [Загоруйко, 2015], политико-правовой анализ практической геральдики в современной России [Туник, 2008], геральдика административных районов [Стонога, 2020], возникновение и историко-философское значение геральдики [Исаков, Бердиев, 2018], муниципальная геральдика городов [Кузнецов, 2007; Гавриленков, 2007].

Изучению релевантности символических элементов пониманию местного населения должного внимания не уделялось. Согласно теории релевантности, процесс понимания связан с интерпретацией значения изображения с точки зрения сложившейся коммуникативной ситуации. Символьное кодирование формируется в результате контекстуальных предположений, которые исходят из придаваемых им значений и соответствующего контекста. Изображение релевантно только тогда, когда оно отвечает потребностям сложившейся коммуникативной ситуации и может вызвать положительный коммуникативный эффект в процессе коммуникации [Yih Hwai, Mason, 1996].

С целью выявления возможностей и потенциала использования муниципальной геральдики с точки зрения ее релевантности современному многонациональному обществу Крыма был проведен опрос городских жителей на предмет интерпретации ими изображений гербов административно-территориальных единиц, выяснению значений, которые они придают элементам, изображенным на гербовниках. Анкетирование проводилось на платформе для опросов 1ka.si в августе-сентябре 2021 г. Опрошено 1807 респондентов. После выбраковки незаполненных анкет, а также ремонта выборки в анализ включены ответы 1174 респондентов. В связи с перекосом выборки в сторону молодежи было принято решение ограничиться анализом группы от 15 до 40 лет. Подобные ограничения по возрасту, а также стихийный характер выборки, заданный двумя параметрами: городской житель и охват 1% жителей каждого города, не позволяют говорить о репрезентативности данных, однако основные вопросы исследования по релевантности символов удалось осветить.

Большинство респондентов обозначили свою национальную принадлежность как русские (64,1%), второй по численности была отмечена группа крымских татар (16,9%), также были украинцы (13,9%), представители иных национальностей (5,1%), среди которых имелись армяне, немцы, греки, караимы и др. По данным переписи жителей Крыма 2014 г., русские составляют 68,3%, украинцы – 15,8%, крымские татары – 10,6%, остальные – 5,3%. В ходе опроса важным представлялось распределение респондентов по городам Крыма. Так, наибольшая часть была представлена жителями города Симферополь – 29,2%. Вторым по численности городом обозначена Ялта – 6,3%. Также значимая часть респондентов были представителями Белогорска и Джанкоя, на долю которых приходится 5,1 и 5,2% опрошенных соответственно, а также Армянска и Евпатории – по 4,9%, остальные 44,4% с незначительными долями – жители других городов Республики Крым. По данным переписи 2014 г., в Симферополе проживает 18,6% городских жителей, Керчи – 7,8%, Ялте – 7,1%, Евпатории – 6,3%, Феодосии – 5,3% и др.

В выборке 40,1% опрошенных составляют мужчины и 59,9% – женщины в возрасте от 15 до 40 лет. В связи со спецификой распределения по возрасту, смещенного в сторону младших возрастных групп, наибольшую часть, а именно 66,0% опрошенных, составили люди с неоконченным высшим образованием; 20,4% – люди с высшим образованием, в том числе 1,9% имеющих ученую степень. Лица, имеющие среднее и среднее специальное образование, составили 5,5% выборочной совокупности, люди с незаконченным средним – 0,7%. Большая часть респондентов (44,2%) в качестве сферы трудовой

деятельности или же обучения отметили торговлю, маркетинг и рекламу. Значимая часть опрошенных (12,1%) заняты в сфере инноваций и компьютерных технологий, финансах и банках (10,8%). Остальные 32,9% респондентов с небольшими долями задействованы в иных сферах деятельности.

Среди верующих (на их долю приходится 54,1% от числа опрошенных) 67,6% отметили, что они исповедуют православие, 19,2% – ислам, 4,9% причислили себя к протестантам, 0,5% – к католикам, 0,8% – к буддистам, 7% анкетированных имеют иное вероисповедание (кришнаиты, адвентисты, свидетели Иеговы и др.).

Обработка полученных данных была проведена с использованием программы SPSS 23.0 и Vortex 10.0 с применением корреляционного и дисперсионного анализов.

Выявление степени релевантности гербовых символов городам Крыма. Речь идет о субъективной степени соответствия гербов и их элементов тем городам, которые они символизируют. В зависимости от того, в каком городе проживает респондент, ему демонстрировался соответствующий стимульный материал, относящийся к гербу его города. В ходе его просмотра анкетированные должны были оценить релевантность каждого символа на представленной символика по 7-балльной шкале Лайкерта, присвоив тем самым геральдическому символу 1 балл, если индивид считает его «совершенно нерелевантным», 2 балла – если он, на их взгляд, «нерелевантный», 3 балла – «скорее нерелевантный», 4 балла – «затрудняюсь ответить», 5 баллов – «скорее релевантный», 6 баллов – «релевантный», 7 баллов – «совершенно релевантный». Также респонденты должны были указать свой уровень знания значений символов на демонстрируемых эмблемах.

Согласно теории Ф.Д. Уилсона и Д. Спербера [Wilson, Sperber, 2004] респонденты, оценившие объект исследования в 1–3 балла, считают его нерелевантным, в 5–7 баллов – соответственно релевантным. Провести расчет коэффициента релевантности семиотических знаковых систем территориальных единиц рекомендуется по формуле $K_p = P - N$, где:

K_p – коэффициент релевантности;

P – доля респондентов, считающих геральдический символ релевантным, в %;

N – доля респондентов, считающих геральдический символ нерелевантным, в %.

Следует отметить, что данный индекс может принимать значение от 0 до 100%.

Для дифференциации городов была введена шкала, представленная в таблице 1.

Таблица 1

Интерпретация релевантности семиотических знаковых систем городов Республике Крым

Показатель	Характеристика степени релевантности
50–100	Высокая степень релевантности
25–50	Средняя степень релевантности
0–25	Низкая степень релевантности

Релевантность тем больше, чем выше заинтересованность респондента в символе. В то же время она зависит от информационного контекста и соответствующей интерпретации. Фактически данная шкала позволяет осуществить измерение семиотических знаковых систем внутри изучаемого герба и выявить разные уровни релевантности для символов, в него входящих. Оценка степени релевантности геральдических символов приведена в таблице 2.

Анализ дифференциации городов по уровню релевантности (табл. 1) выявил, что можно выделить по этому показателю три основные группы.

1. В первую входят города с высоким уровнем релевантности ($K_p \geq 50$).

В гербе города Алушта высокую степень соответствия, по мнению опрошенных, имеют символы: «волны» – 53,4% и «корона» – 50,4%, среднюю степень соответствия на гербе имеет символ «крепостная башня» – 46,7%. Практически все символы в композиции герба города Керчь имеют высокую степень релевантности: «якорь» – 74,7%, «ключ» – 64,4%, «грифон» – 61,9%, «венки» – 59,0% и «медаль» – 53,1%, только символ

Таблица 2

Релевантность гербовых символов городов Республики Крым

Стимульный материал	Дата принятия	Семиотические знаки	Балльная оценка релевантности семиотических знаков, количество респондентов, %							K _p	K' _p
			1	2	3	4	5	6	7		
Алушта											
	26.12.2001	Крепостная башня Короны Волны	5,2	9,3	4,0	16,3	14,1	29,3	21,8	46,7	50,1
			3,1	7,8	5,7	16,4	21,6	23,4	22,0	50,4	
			2,0	8,9	3,4	18,0	12,5	25,5	29,7	53,4	
Армянск											
	14.08.2008	Ключ Крепость	5,4	9,4	11,2	20,1	20,5	13,1	20,3	27,9	36,8
			3,3	7,7	7,1	18,2	22,3	20,1	21,3	45,6	
Бахчисарай											
	17.02.1988	Чаша Розы Гора Яблоко Печь	5,5	10,0	9,9	17,7	15,5	17,6	23,8	31,5	41,3
			9,4	2,2	4,1	23,2	13,9	27,7	19,5	45,4	
			7,5	2,1	10,1	13,6	19,4	19,5	27,8	47,0	
			6,1	3,5	6,0	20,0	21,2	15,8	27,4	48,8	
			7,6	7,5	4,2	27,7	15,5	20,1	17,4	33,7	
Джанкой											
	13.03.2007	Пчела Лук Колосья	3,0	6,8	15,4	25,2	21,5	22,0	6,1	24,4	26,9
			3,1	10,2	11,9	34,8	11,4	27,0	1,6	14,8	
			2,9	7,1	5,2	28,1	21,5	25,1	10,1	41,5	
Евпатория											
	20.07.2018	Голова барана Змея Жезл Чаша	9,8	9,9	11,8	18,4	18,9	13,4	17,8	18,6	43,8
			1,5	5,2	5,3	19,7	17,0	30,5	20,8	56,3	
			1,2	7,0	6,7	16,9	23,0	23,5	21,7	53,3	
			2,8	7,0	6,7	20,2	16,4	23,6	23,3	46,8	
Керчь											
	19.10.1999	Корона Грифон Ключ Медаль Якорь Венки	5,7	8,0	2,3	21,3	23,2	25,7	13,8	46,7	60,0
			2,3	8,0	0,0	17,5	23,1	21,7	27,4	61,9	
			1,9	4,0	2,2	19,4	16,1	31,0	25,4	64,4	
			0,0	7,5	6,1	19,7	13,2	35,7	17,8	53,1	
			0,0	3,6	4,1	9,9	17,4	33,7	31,3	74,7	
			1,9	4,0	3,7	21,8	16,0	33,0	19,6	59,0	
Красноперекоск											
	2.06.2015	Тюльпан Перешеек	9,9	2,7	15,0	20,6	15,6	23,5	12,7	24,2	21,2
			10,1	2,3	15,6	25,9	15,1	20,7	10,3	18,1	
Саки											
	29.04.2005	Бронтозавр Корона Виноград Чаша со струями Жезл Чаша Змея	12,1	10,5	4,3	21,0	12,7	12,2	27,2	25,2	49,1
			4,0	4,1	4,3	25,2	25,1	12,1	25,2	50,0	
			2,0	0,0	8,4	16,8	24,9	22,8	25,1	62,4	
			4,1	3,8	4,2	24,0	16,3	20,5	27,1	51,8	
			4,0	4,2	6,4	16,8	19,0	22,6	27,0	54,0	
			1,8	4,3	10,4	14,8	20,5	21,0	27,2	52,2	
			0,0	8,5	8,1	18,9	14,5	24,9	25,1	47,9	

Окончание таблицы 2

Стимульный материал	Дата принятия	Семиотические знаки	Балльная оценка релевантности семиотических знаков, количество респондентов, %							K _p	K' _p
			1	2	3	4	5	6	7		
Симферополь											
	02.04.2015	Пчела	4,1	7,9	4,5	10,1	13,8	20,0	39,6	56,9	28,4
		Дубовый лист	8,5	16,1	11,3	15,5	16,9	14,0	17,7	12,7	
		Чаша	9,0	10,6	8,2	14,1	15,0	20,1	23,0	30,3	
		Корона	10,0	13,3	6,5	13,2	16,0	19,8	21,2	27,2	
		Венок	11,1	13,6	10,2	15,3	14,8	16,0	19,0	14,9	
Старый Крым											
	28.03.2008	Рукопожатие	0,0	5,0	7,0	21,1	26,4	21,4	19,1	54,9	45,4
		Корона	2,2	2,3	2,7	42,8	21,5	9,4	19,1	42,8	
		Крест	2,1	5,1	2,2	31,2	19,3	23,6	16,5	50,0	
		Месяц	2,2	7,3	7,0	28,7	14,1	26,3	14,4	38,3	
		Змея	0,0	6,9	12,0	21,5	21,1	21,6	16,9	40,7	
		Венок	0,0	9,8	2,1	28,5	12,00	31,1	16,5	47,7	
		«К»	2,1	7,3	9,4	18,9	21,5	21,5	19,3	43,5	
Судак											
	26.11.2015	Крепостная стена	0,0	7,5	4,7	14,8	14,3	24,3	34,4	60,8	56,0
		Солнце	0,0	7,1	12,4	17,0	14,7	19,4	29,4	44,0	
		Венок	2,2	5,1	5,0	12,1	14,8	31,6	29,2	63,3	
Феодосия											
	29.04.2016	Виноград	3,9	6,3	10,0	12,4	24,7	24,6	18,1	47,2	63,4
		Крепость	1,8	2,1	4,2	18,6	16,1	26,3	30,9	65,2	
		Якорь	2,2	5,9	6,3	12,0	16,1	28,8	28,7	59,2	
		Море	3,9	0,0	4,2	14,4	18,0	22,5	37,0	69,4	
		Солнце	2,4	4,9	6,0	15,0	14,4	20,4	36,9	58,4	
Ялта											
	13.02.2015	Лев	6,0	6,7	11,0	22,1	15,5	16,8	21,9	30,5	37,2
		Морские коньки	4,0	7,1	10,0	23,3	19,1	19,6	16,9	34,5	
		Корона	3,9	8,5	11,2	22,1	20,9	15,0	18,4	30,7	
		Ветвь винограда	1,6	7,9	2,9	17,8	19,6	22,7	27,5	57,4	
		Ветвь лавра	5,1	8,5	8,6	20,5	16,9	22,1	18,3	35,1	
		Пальмовая ветвь	4,0	8,5	8,0	23,9	21,1	22,4	12,1	35,1	

Примечание: K_p – релевантность элементов герба, K'_p – релевантность герба в целом.

«корона» – 46,7% – имеет средние показатели. Высокой степенью релевантности респондентами отмечены символы герба Судака: «крепостная стена» – 60,8% и «венки» – 63,3%. По мнению опрошенных, элемент в виде «солнца» имеет среднюю степень соответствия городу (44,0%). Почти все символы герба Феодосии («крепость», «якорь», «море», «солнце») отмечены респондентами как характеризующиеся высокой степенью релевантности (58,4–69,4%). Высокую степень релевантности, по мнению опрошенных, имеют символы герба города Саки: «виноград» – 62,4%, «чаша со струями» – 51,8%, «жезл» – 54,0%, «чаша» – 52,2%, «корона» – 50%, но средней степени соответствия городу отмечен элемент в гербовой композиции: «змея» – 47,9%.

2. Ко второй группе городов, символы которых в их гербах имеют средние показатели релевантности (K_p ≥ 25), можно отнести г. Армянск: «ключ» – 27,9% и «крепость» – 45,6%. По мнению респондентов, все символы, представленные на гербе города Бахчисарай,

имеют среднюю степень релевантности: «чаша» – 31,5%, «розы» – 45,4%, «гора» – 47,0%, «яблоко» – 48,8%, «печь» – 33,7%. Практически все элементы гербовой композиции города Старый Крым имеют среднюю степень привлекательности. Так, элементы в гербе: «корона», «крест», «месяц», «змея», «венок» отмечены значениями от 38,3% до 47,7%. В гербе г. Ялта превалируют символы со средним уровнем релевантности: «лев», «корона», «ветвь лавра», «пальмовая ветвь» (30,5–35,1%), только один символ «ветвь винограда» имеет высокие показатели – 57,4%. В гербе г. Евпатория изображения «змея» и «жезл» имеют значения 56,3% и 53,3%, но средней и низкой степенью выделены элементы «чаша» – 46,8% и «голова барана» – 18,6%. Центральный символ герба города Симферополь – «пчела» – достигает 56,9%, среднюю степень соответствия имеют символы «чаша» – 30,3% и «корона» – 27,2%. Элементы гербовой композиции «дубовый лист» и «венок» с показателями 12,7% и 14,9% имеют наиболее низкую степень релевантности.

3. Третья группа городов выделяется наименее релевантной символикой ($K_p \leq 25$). Наиболее слабо знакомы опрашиваемым респондентам герб города Красноперекоск: «тюльпан» – 24,2% и «перешеек» – 18,1%, а также элементы герба города Джанкой: «пчела» (24,4%) и «лук», в отношении которых степень соответствия составляет всего 14,8%.

Проблема совмещения смыслового и визуального восприятия весьма важна в регионах, где проживает многонациональное население. Далекое не всегда трактовка символики местным населением однозначна. Высказанные гипотезы были проверены путем корреляционного анализа по Спирмену через определение корреляции между восприятием символики и ее релевантностью и знанием, отношением и пониманием (табл. 3).

Таблица 3

**Оценка корреляционной связи между восприятием и релевантностью
геральдической символики**

Показатель	Восприятие	Релевантность
Знание	0,595	0,441
Отношение	0,461	0,372
Понимание	0,570	0,450

Оценка разницы в средних значениях (α) восприятия гербов городов Республики Крым выявила, что жители г. Симферополь ($\alpha = 20,87$) лучше воспринимают смысловые группы, чем жители г. Ялты ($\alpha = 17,903$), пгт. Алупка ($\alpha = 17,491$), г. Джанкой ($\alpha = 17,9$). При увеличении как уровня знания и понимания, так и отношения к политической символике улучшается ее восприятие и повышается релевантность символики. Наибольшая релевантность гербовой символики отмечена жителями г. Керчь ($\alpha = 20,745$), а наименьшая в г. Джанкой ($\alpha = 16,417$).

Значимость символических элементов, расположенных на гербовниках, выше в тех группах населения, где больше их понимание. Данный вывод подтверждается в работе [Родькин, 2017], где указывается на то, что геральдика является закрытой коммуникационной системой и для ее расшифровки требуются специальные знания. Анализ геральдики Республики Крым показывает, что соотношение символьных элементов, изображающих природные и экономические объекты, составляет 53,9 к 46,1%. Символы, изображенные на гербовниках, зачастую кодифицированы, носят семантически безусловный характер, поэтому, как показывает наше исследование, далеко не очевидны для местных жителей.

Анализ частоты появления символов, присутствующих на гербах Республики Крым, показал, что наиболее часто появляется символика короны – 8%, чаши – 5%, венка – 4,5% случаев встречаемости. При этом все указанные символические элементы являются устаревшими, со схожими сложностями в трактовке связаны большинство экономической айдентики, изображенной на гербах, которые были реконструированы из дореволюционных исторических (г. Керчь, г. Феодосия, г. Армянск) либо советских (г. Бахчисарай, г. Симферополь, г. Судак) гербовиков. Схожая проблема существует у гербов, построенных на

исторических прототипах с добавлением новых смыслообразующих частей. Их анализ показал, что в общей сложности 73,6% символьных элементов, несущих экономическое значение, являются устаревшими и только 26,4% отображают современную айдентику. Геральдические символы имеют разную смысловую нагрузку, поэтому для того, чтобы их правильно интерпретировать и расшифровывать, необходимо обладать соответствующими знаниями. Можно предположить, что с повышением осведомленности населения о политической символике отношение к ней будет меняться в положительную сторону. Проверка данного предположения была осуществлена путем попарного сравнения средних значений для переменных: знание, понимание и отношение тестом Пост-хок Геймса-Хоуэлла. Он был выбран, поскольку вариации изучаемых значений и размеры выборок неодинаковые [Chaddock, 1925; Saracevic, 1975]. Анализировались различия в средних для групп возраста, национальностей, городов и образования.

Результаты проведенного анализа показывают, что знание, отношение и понимание политической символики (геральдики) напрямую связано с возрастом респондентов. Чем респонденты старше, тем отношение к ней более позитивное, менее скептическое, менее негативное. Связь уровня образования со знанием и пониманием символических элементов закономерна, как и четкая корреляция отношения к геральдике с возрастом опрашиваемых. Можно сделать вывод о том, что геральдика мало информативна, особенно для молодежи. Если нет исторического специализированного образования, то довольно сложно однозначно расшифровать и понять геральдические сообщения.

Поскольку современная массовая аудитория имеет большую информационную нагрузку, то временной промежуток, который выделяется для осмысления и понимания представленных стимулов, довольно невелик [Родькин, 2017], что приводит к ошибкам в трактовке, когнитивной перегрузке и в конечном итоге к путанице.

Выводы. В отношении практически всех гербов нами фиксировались низкие показатели их знания и понимания, так в общей сложности 62,8% респондентов не знают геральдические символы своих населенных пунктов. Во многом это объясняется тем, что они не очевидны и далеко не так понятны, как принято считать, поэтому интуитивно с этим связаны невысокие уровни релевантности символов, поскольку информационно-смысловые сообщения знаков политической символики понятны лишь специалистам, а для массовой аудитории продолжают оставаться загадкой.

Потенциал использования геральдики в современных социальных коммуникациях весьма ограничен, что связано с значительным информационным разрывом между ее смысловыми элементами и их пониманием современной аудиторией. Во многом это обусловлено разными коммуникационными системами, сильно видоизменившимися в условиях всеобщей цифровизации и изменения общего культурного поля, а следовательно, восприимчивости данных сообщений контактными аудиториями. Следует признать, что запросы XXI века в части появления более легкой для трактовки символьной информации вытесняют геральдику и не позволяют использовать ее как эффективную и актуальную систему территориальной политической идентификации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гавриленков С.С. Муниципальная геральдика города Москвы // Вестник Московского государственного областного университета. 2007. № 2. С. 126–132.
- Города России // Большая российская энциклопедия / Под ред. Лаппо Г.М. М.: Дрофа, 2006.
- Ефетов Г.Б. Герб, флаг и печать Евпатории // Гербовед. 2016. № 71. С. 29–31.
- Загоруйко М.В. Государственные символы Белоруссии: история и значение // Genesis: исторические исследования. 2015. № 1. С. 36–58.
- Исаков К.А., Бердиев А.Т. Геральдика: возникновение и историко-философское значение // Известия Университетов Кыргызстана. 2018. № 5. С. 78–80.
- Кузнецов В.В. Геральдика Московского региона в советский период // Вестник Московского государственного областного университета. 2007. № 2. С. 123–125.

- Родькин П.Е. Проблема смыслового и визуально-графического воспроизводства геральдики в современной территориальной бренд-идентификации // Вестник МГХПА. 2017. № 3. С. 270–288.
- Склизкова Е.В. Геральдика как компонент семиотик России и Британии: традиции и заимствования // Вестник славянских культур. 2015. № 1 (35). С. 44–45.
- Стонога А.К. Геральдика административных районов Хабаровского края // Молодой ученый. 2020. № 27-1 (317-1). С. 77–79.
- Туник Г.А. Практическая геральдика в современной России (политико-правовой анализ) // Право и политика. 2008. № 2. С. 466–473.
- Chaddock R.E. *Principles and Methods of Statistics*. Cambridge: The Riverside Press, 1925.
- Saracevic T. Relevance: A Review of and a Framework for the Thinking on the Notion in Information Science / Journal of the American Society for Information Science. 1975. No. 26. P. 321–343.
- Yih Hwai L., Mason Ch. Responses to Information Incongruity: The Role of Relevancy // Journal of Consumer Research. 1996. No. 15. P. 156–169.
- Wilson D., Sperber D. Relevance Theory. Handbook of Pragmatics / Ed. by Laurence R. Horn and Gregory L. Ward. Oxford: Frank Cass, 2004. P. 249–290.

Статья поступила: 29.11.21. Финальная версия: 08.04.22. Принята к публикации: 12.05.22.

THE RELEVANCE OF MODERN MUNICIPAL HERALDY OF THE CITIES OF THE REPUBLIC OF CRIMEA

MITINA E.A.* , YAROSH O.B.* , REUTOVA E.V.**

*V.I. Vernadsky Crimean Federal University, **National Research University Higher School of Economics, Russia

Ella A. MITINA, Senior lecturer, Department of the Institute of Economics and Management (zhilina_ella@list.ru); Olga B. YAROSH, Dr. Sci. (Econ.), Prof. (iarosh.olga.cfu@gmail.com). Both – Institute of Economics and Management V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russian Federation; Eleonora V. REUTOVA, Master of Science, Faculty of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation (reutovaeleonora@gmail.com).

Acknowledgements. The research is supported by grant of the RFBR and EISR according to the research project No. 21-011-31322.

Abstract. The article presents the results of a comprehensive sociological study aimed at studying the relevance of municipal heraldry in modern society. The sample covered 1807 respondents living in the cities of the Republic of Crimea. The assessment of the relevance of the symbolic images depicted on the heraldic books was carried out depending on the calculated relevance index. It is shown that the ratio of symbolic elements depicting natural and economic objects in the studied region is 53.9% to 46.1%. Symbolic elements are often obsolete. Most of the economic identity depicted on the coats of arms, which were reconstructed from their pre-revolutionary historical or Soviet prototypes, are associated with similar difficulties in interpretation. Thus, a total of 73.6% of symbolic elements bearing economic significance are outdated and only 26.4% display a modern identity. Therefore, 62.8% of respondents do not know the heraldic symbols of their settlements. As a result, it can be concluded that heraldry is not very informative, since the interpretation and perception of symbolic images without special knowledge is difficult, and, therefore, the potential for use is limited.

Keywords: heraldry, ethnic groups, Republic of Crimea, knowledge, relevance, perception, semiotics, relevance.

REFERENCES

- Chaddock R.E. (1925) *Principles and Methods of Statistics*. Cambridge: The Riverside Press.
- Cities of Russia*. In: *Large Russian encyclopedia*. (2006) Ed. Lappo G.M. Moscow: Drofa. (In Russ.)
- Efetov G.B. (2016) Coat of arms, flag and seal of Evpatoria. *Gerboved* [Heraldry]. No. 71: 29–31. (In Russ.)
- Gavrilenkov S.S. (2007) Municipal heraldry of the city of Moscow. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta* [Bulletin of the Moscow State Regional University]. No. 2: 126–132. (In Russ.)
- Isakov K.A., Berdiev A.T. (2018) Heraldry: origin and historical and philosophical significance. *Izvestiya Universitetov Kirgystana* [Bulletin of the Universities of Kirgystan]. No. 5: 78–80. (In Russ.)

- Kuznetsov V.V. (2007) Heraldry of the Moscow region in the Soviet period. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta* [Bulletin of the Moscow State Regional University]. No. 2: 123–125. (In Russ.)
- Rodkin P.E. (2017) The problem of semantic and visual-graphic reproduction of heraldry in modern territorial brand identification. *Vestnik MGKHPA* [Vestnik MGHPA]. No. 3: 270–288. (In Russ.)
- Saracevic T. (1975) *Relevance: A Review of and a Framework for the Thinking on the Notion in Information Science*. Journal of the American Society for Information Science. No. 26: 321–343.
- Sklizkova E.V. (2015) Heraldry as a component of the semiotics of Russia and Britain: traditions and borrowings. *Vestnik slavyanskikh kul'tur* [Bulletin of Slavic Cultures]. No. 1 (35): 44–45. (In Russ.)
- Stonoga A.K. (2020) Heraldry of the administrative districts of the Khabarovsk Territory. *Molodoy uchenyy* [Young Scientist]. No. 27-1 (317-1): 77–79. (In Russ.)
- Tunik G.A. (2008) Practical heraldry in modern Russia (political and legal analysis). *Pravo i politika* [Law and Politics]. No. 2: 466–473. (In Russ.)
- Wilson D., Sperber D. (2004) *Relevance Theory. Handbook of Pragmatics*. Ed. by Laurence R. Horn and Gregory L. Ward. Oxford: Frank Cass: 249–290.
- Yih Hwai L., Mason Ch. (1996) *Responses to Information Incongruity: The Role of Relevancy*. Journal of Consumer Research. No. 15: 156–169.
- Zagoruiko M.V. (2015) State symbols of Belarus: history and meaning. *Genesis: istoricheskiye issledovaniya* [Genesis: Historical Research]. No. 1: 36–58. (In Russ.)

Received: 29.11.21. Final version: 08.04.22. Accepted: 12.05.22.

© 2022 г.

Ж.Т. ТОЩЕНКО

К КЛАССИФИКАЦИИ ПРОФЕССИЙ: СОЦИОТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ (ОПЫТ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА)

ТОЩЕНКО Жан Терентьевич – член-корреспондент РАН, доктор философских наук, научный руководитель социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета; главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (zhantosch@mail.ru).

Аннотация. В статье предлагается теоретический и методологический анализ, который еще мало применяется в социологических исследованиях, посвященных различным формам и видам профессиональной деятельности. Этот анализ не совпадает с официально существующей классификацией, включающей в себя и характеризующей около 7 тысяч профессий, которые официально учитываются «Общероссийским классификатором профессий рабочих, должностей служащих и тарифных разрядов (ОКПДТР)». В основе предлагаемого подхода – классификация профессий на основе социотехнологического их измерения, которая предполагает использование таких индикаторов, как предмет труда, содержание и характер труда, условия, средства и способы его реализации, учет влияния внешней среды и оценка достигнутых показателей. Исходя из этого подхода, с учетом классификации Е.А. Климова дается характеристика четырех укрупненных групп профессий: человек – техника, человек – природа, человек – человек, человек – творчество. Такой подход позволяет более глубоко описать смысл профессии, выявить ее сущность и качество, обогатить представления о потенциале каждой из них. И что особенно важно – позволит по каждой из этих групп профессий, с опорой на общие и особенные их характеристики, более предметно определить реальные возможности решения таких важных социально-экономических задач технологического развития, как рост производительности труда, рационализация занятости, повышение эффективности производства, раскрытие творческого потенциала работника.

Ключевые слова: труд • социально-профессиональная структура • профессии • «человек – техника» • «человек – природа» • «человек – человек» • «человек – творчество»

DOI: 10.31857/S013216250019104-7

Постановка проблемы. Когда речь идет об определении понятия «профессии», то чаще всего под ней понимается род занятий человека или вид его трудовой деятельности, которая характеризуется определенными навыками, приобретенными посредством получения специального образования или в процессе работы. Уместно заметить, что наряду с этим понятием нередко употребляется понятие «специальность», которая трактуется как узкая направленность в определенной профессии. Однако в научной литературе и на практике в большинстве случаев используют понятие «профессия», а анализ

Статья выполнена в рамках государственного задания Минобрнауки «Социальные факторы производительности труда: состояние, проблемы, пути решения» (FSZG-2022-0001).

специальностей осуществляется в специализированных работах. Поэтому в дальнейшем мы будем оперировать понятием «профессия» в указанном выше смысле.

Наиболее распространенными в современной научной литературе являются следующие направления исследований профессий. Во-первых, в социологии и смежных науках получил распространение общетеоретический анализ: возникновение и становление различных концепций профессии, обоснование их роли и места в общественно-экономической структуре, отражение в общенаучном и социологическом знании (см.: [Беккер, 1994; Дюркгейм, 1996; Ильин, 1996; Попова, 2020; Романов, Ярославская-Смирнова, 2014; Leiht, Fennell, 2001; Parsons, 1968] и др.). К этой литературе примыкают исследования социальной структуры общества, на базе которых осуществляется анализ конкретных форм и видов занятости, что способствовало появлению социологии профессий, которая занимает видное место в мировой и отечественной литературе.

Во-вторых, одним из распространенных направлений исследований стал анализ конкретных профессий. В его рамках рассматриваются социальное положение занятых, проблемы их трудовой и общественной деятельности, причастность к культурной жизни, функционирование в процессе повседневности и др. [Абрамов, 2016; Батыгин, 1994; Вебер, 1990; Крыштановская, 1989; Константиновский и др., 2019; Чеманкова, 2019; Greenwood, 1972; Murphy, 1990].

В-третьих, многие исследования осмысливают функционирование профессий в различных сферах общества – в экономике, политике, социальной и культурной жизни (в науке, образовании, здравоохранении и др.) или в более специфических областях деятельности, как, например, участие в бизнесе, в жизни политических партий и др. [Лукша, 2003; Сорокин, 1994; Мансуров, Юрченко, 2009; Хьюз, 1965; Фельдман, 2021].

В-четвертых, делаются попытки выявить этнонациональные и региональные (территориальные) особенности функционирования профессий в зависимости от особенностей культурных и повседневных традиций и обычаев. Кроме того, в ряде исследований анализируется социально-демографическая структура профессий. Значительное место уделяется проблемам молодежи, обращается внимание на анализ их ориентации в обеспечении своего будущего. При этом нередко измеряется престиж профессий, рассматривается понимание возможности их приобретения как гарантии обеспеченной жизни и стабильности [Андреева, Лукьянова, 2020; Чередниченко, 2019].

В связи с кардинальными сдвигами в развитии экономики и социальной жизни общества появились работы, осмысливающие возникновение новых профессий, их специфику и особенности функционирования (см., напр.: [Колесникова, Куденко, 2020; Козина, Сережкина, 2019]).

Однако в этих исследованиях в большинстве случаев анализируются феномены, т.е. очевидные сущности – выбор профессии, удовлетворенность ею, социальный престиж, оплата труда, социальные гарантии и др. Мало упоминаются, например, профессии автоматизированного, механизированного или ручного труда, профессии с тяжелыми и вредными условиями труда, такие понятия, как характер и содержание труда, его сложность; мало или совсем не рассматриваются глубинные сущности – факторы и условия возможностей профессии в решении стратегически важных и ключевых проблем общественного производства: роста производительности труда, повышения эффективности производства, разных уровней ее результативности.

На наш взгляд, исследования профессий может дополнить и обогатить важный, но практически малоиспользуемый метод, который можно назвать *социотехнологическим*. Он связан, с одной стороны, с насущной потребностью увязать социальные аспекты трудовой жизни с генеральными изменениями в экономике и на производстве, связанными с четвертой промышленной революцией и шестым технологическим укладом, учетом принципиально новых тенденций и изменений в достижении стратегически важных целей, генерирующих основные требования к росту производительности труда, к развитию

общества в широком смысле слова¹. С другой стороны, этот метод опирается на рассмотрение проблем более полного соответствия профессии основным производственным требованиям, что предполагает измерение таких показателей, как *предмет труда, содержание и характер труда, условия, средства и способы его реализации, учет влияния внешней среды и оценка достигнутых показателей*. Особое место в этом подходе занимает учет особенных социально-психологических и социально-физиологических характеристик субъекта профессиональной деятельности. Подчеркнем, что такие индикаторы широко применяются в социологии и психологии труда, а их использование существенно обогащает социологию профессий.

Может показаться странным, что такой подход не получил должной разработки. Можно выделить только концепцию Е.А. Климова, который, поставив во главу угла такое ключевое понятие, как предмет труда, выделил пять типов профессий: человек – человек, человек – техника, человек – природа, человек – художественный образ, человек – знак [Климов, 1993]. К сожалению, этот подход используется в лучшем случае в применении к отдельным профессиям или выявлению психофизиологических характеристик, чем занимались в основном психологи (Ю.М. Забродин, Б.Ф. Ломов и др.). Отметим, что методика Е.А. Климова достаточно полно обоснована и усовершенствована, например, в Опроснике профессиональной готовности Л.Н. Кабардовой (подробнее см.: [Зеер и др., 2004]).

Можно также упомянуть классификацию Дж.Л. Холланда, который основывался на анализе психофизиологических особенностей личности и их соответствия определенным профессиям. Согласно его предложениям, профессии подразделяются на шесть профессионально-ориентированных типов личности: реалистический, интеллектуальный, социальный, конвенциональный, предпринимательский и художественный. На наш взгляд, такой подход не бесспорен, так как в основе классификации нет единого логического основания – это скорее проблемный подход с акцентом только на личностные характеристики [Holland, 1997]. Представляет интерес попытка определить качество профессиональной подготовки (см. [Autor et al., 2003]).

Опираясь на опыт осмысления профессий и на данные статистических, социологических и социально-психологических исследований в сфере труда и социальной структуры общества, рассмотрим социотехнологический подход, который позволяет сгруппировать все профессии по следующим блокам: *человек – техника, человек – природа, человек – человек, человек – творчество*.

Такой подход берет за основу основополагающие качественные типологические характеристики этих групп профессий и, несмотря на их разнообразие, выделяет для каждой единые принципы функционирования и перспективного развития, уточняет их сущность на основе использования такого теоретического и методологического подхода, как ноумен, выражающего не внешние, а сущностные характеристики профессии (подробнее см.: [Тощенко, 2019]).

Человек – техника. В самом общем виде профессии «человек – техника» – это использование технологий, связанных с созданием, обслуживанием и эксплуатацией машин, механизмов, оборудования. Тип профессии «человек – техника» ориентирован на создание, применение и обслуживание разных технических устройств и конструкций для ускорения и облегчения трудовой деятельности (подробнее см.: [Мир профессий..., 1987]).

Напомним, что первые шаги по разработке и применению принципов работы этого типа осуществил Ф. Тейлор, который по праву считается основателем научной организации труда. Он рассматривал взаимодействие работников с различного вида техническими устройствами и технологическими приспособлениями в процессе осуществления трудовой деятельности. В отечественной науке энтузиастами построения, использования и внедрения научной организации труда стали А.К. Гастев и П.М. Керженцев (1920-е гг.),

¹ См. цели Национального проекта «Производительность труда и поддержка занятости» (утвержден 24.09.2018).

много сделавший для классификации существовавших в то время профессий. С именем С.Г. Струмилина связана разработка классификации труда по его характеру, которая затем стала официальной установкой для статистического учета: труд автоматизированный, механизированный, труд с использованием механизмов, ручной. Т.е. труд соотносился с реальностями технического прогресса и со степенью и ресурсами условий, в которых человек трудился (см.: [Тощенко, 2005]).

Тип «человек – техника» включает в себя профессии, связанные с созданием, монтажом, сборкой и наладкой технических устройств (монтажник, наладчик, инженер), эксплуатацией технических средств (водитель, станочник, швея), ремонтом техники. Несомненно, что каждая из них имеет как общие, так и особенные черты профессиональной деятельности этого типа. Их выявление необходимо, если мы хотим добиться не декларируемого, а реального определения резервов повышения эффективности производства и труда, что в свою очередь предполагает их изучение, а потом использование по всем названным выше параметрам.

Наряду с понятием «человек – техника» широко используется родственное – «человек – машина», которое относится к способу реализации возможностей в процессе взаимодействия человека с техническим устройством. Оно отражает деятельность, которая организуется в соответствии с совокупностью заранее согласованных правил по отношению к а) предмету, характеру и содержанию труда, б) способам воздействия на процесс труда, в) влиянию внешней среды, г) творческому потенциалу работника.

Важнейшей проблемой профессий «человек – машина» является оптимальное распределение функций для внутренней согласованности между человеческим и машинным компонентами и внешней согласованности между ними и средой. В профессиях «человек – машина» эти компоненты призваны взаимно дополнять друг друга, используя преимущества и тех, и других. Сочетание определенных характеристик человека и определенных возможностей машины в соответствии с поставленной целью дает многообразные эффекты их применения в различных сферах общественного труда. Наиболее полно это находит отражение в профессиях, связанных с автоматизированными производственными процессами. В этом случае построение системы «человек – машина» включает следующий алгоритм: определение «входов» и «выходов» в эти процессы; нахождение функций, действий, при помощи которых «входы» можно преобразовать в «выходы»; определение того, какие функции следует возложить на людей, а какие на машины; выявление меры совместимости между человеком, машиной и средой; определение форм и средств коммуникации между человеком и машиной и методов обучения людей для эксплуатации системы «человек – машина».

Вместе с тем даже в автоматических системах нужен не только ведущий специалист (оператор); нужны и специалисты, которые проводят их наладку, техническое обслуживание и совершенствование. Затраты времени и материальных средств на создание этих систем, расходы на их содержание, обучение персонала и эксплуатацию в значительной степени зависят от того, насколько удачно определены возможности человека как оператора. Важны склонности и способности людей, относящихся к типу профессий «человек – техника», уровень их подготовки, профессиональных знаний, навыков и умений в этой сфере. Соответственно, для социологов особое значение приобретает исследование человеческих факторов как переменных, влияющих на возможности и ограничения эффективности работы, особенности конструирования технических средств и распределения отношений между человеком и техническим устройством. Такой подход позволяет оценить качество профессий и выявить уровень их эффективности и соответствия каждой из них (будь то техническое средство или оператор) требованиям.

Если говорить только о качествах, предъявляемых к профессиям типа «человек – машина», то они требуют от работника определенного уровня развитого образного мышления, пространственного представления, воображения, технической подготовки, быстрой реакции, а также таких социально-психологических характеристик, как внимательность,

рациональность, наблюдательность и т.д. Конечно, применительно к разным профессиям эти требования серьезно различаются и варьируются. Ограничения изучения профессий «человек – техника» в социологических исследованиях связаны с трудностями учета многообразия социопсихофизиологических особенностей занятых в них (реакция на изменяющуюся ситуацию, способность принимать оперативные решения) (см.: [Забродин, 2010]).

Сегодня решение социально-технологических задач значительно усложняется в связи с распространением и использованием принципиально новых технологий: гибких производственных систем, робототехники, цифровизации, внедрением требований искусственного интеллекта. В то же время внедрение искусственного интеллекта не гарантирует быстрого и успешного решения проблем, прежде всего из-за несовершенства существующих социально-технологических решений.

И наконец, для профессий «человек – техника» огромное значение имеют социальные факторы: социальное положение, социальный статус и престиж, адекватное вознаграждение, наличие социальных гарантий и признание общественной значимости профессии. Справедливости ради, надо сказать, что социологи сделали многое в изучении этих вопросов. Их актуальность подтверждает недооцененность труда в этой сфере: по данным Росстата, среди 20 наиболее высокооплачиваемых интеллектуальных профессий в стране значится только одна (!) инженерная профессия – инженер по авиационному оборудованию с оплатой труда в диапазоне 37–42 тыс. рублей.

Подчеркнем, что для профессий «человек – машина» особое значение приобретает выявление творческих способностей по рационализации техники и технологий, а также совершенствование управления, умения критически оценивать результаты и вести поиск средств и методов по выходу из сложного положения.

Человек – природа. Этот тип охватывает широкий круг профессий в сфере сельского, лесного, рыбного хозяйства, экологии, а также связанных с разведкой, освоением и эксплуатацией природных ископаемых. Их можно *представить в виде трех групп: 1) природопользование; 2) природоохранная деятельность; 3) преобразование природы.* Все они так или иначе объединены основным профессиональным интересом – иметь в качестве предмета труда естественную среду (растительный и животный мир, природные богатства).

Профессиональная деятельность в сфере природопользования включает широкий круг работников физического и умственного труда – десятки профессий, обеспечивающих производство и снабжение людей всем многообразием продуктов питания и материалов в сферах полеводства, животноводства, пчеловодства, хлопководства и др. Хотя современный сельскохозяйственный труд и перерабатывающая промышленность характеризуются применением различных видов техники, главная задача связана с рациональной направленностью деятельности в природной среде, пониманием ее особенностей. Что касается личностных качеств, способностей и возможностей человека, то для успешного выполнения специфических профессиональных функций полеводу, животноводу, хлопководу, чаеводу, пчеловоду и др. надо обладать выносливостью, наблюдательностью, устойчивостью и внимательностью.

Вмешательство человека в жизнь природы может привести к ухудшению природной среды. Разработка месторождений природных ископаемых ведет к нарушению ландшафта, использование гидроресурсов – к сокращению рыбных богатств, недостаточно разумное землепользование ухудшает плодородие почвы, вырубка леса изменяет климатические условия. Экологические изменения неблагоприятны для здоровья людей. Именно поэтому все более востребованы *профессии, связанные с охраной природы.* Основным предметом труда этой группы профессий (лесники, работники агрохимической защиты и охраны водных ресурсов, ветеринарные работники и др.) является знание природной ситуации, а также сохранение рекреационной ценности окружающей среды, предотвращение возможного ухудшения сферы обитания людей.

Особенностью природной среды является ее большая изменчивость и неповторимость, и это определяет специфические требования к интеллектуальной

природоохранной профессиональной деятельности, связанные с необходимостью проявления самостоятельности и вариативности.

Говоря о группе профессий, связанных с преобразованием природы, отметим, что изменение природы, приумножение ее богатств за счет правильного и рационального использования – важнейшая задача для занятых в ней, связанная с ответственностью за будущее страны. В этой группе мы выделяем профессии селекционеров (в основном сосредоточенных в научно-исследовательских подразделениях, в том числе и региональных), работников лесоводческих хозяйств, специалистов по выращиванию новых пород животных и видов растений, а также занятых мелиоративными работами. Эти профессии требуют эмоциональной устойчивости, наблюдательности, способности к поисковой деятельности.

Особо отметим, что взаимоотношения человека и природы имеют давнюю историю. Длительное время попытки изменить природу и властвовать над ней ощущимо не влияли на жизнь людей и не оценивались в связи с их целесообразностью, опасностью для окружающего мира. Но экологические катастрофы, которые стали сопровождать нас повсеместно, показали, что серьезное вмешательство в дела природы не может пройти бесследно и опасные изменения могут произойти по вине близорукой и недальновидной политики и безответственной деятельности людей. Глубина этих проблем должна становиться предметом исследований социологов. Отсутствие внимания к таким факторам может привести к далеко идущим последствиям, например, к угрозе продовольственной безопасности страны.

Подчеркнем, что для профессий «человек – природа» характерна большая изменчивость внешних условий. Востребованы такие социопсихофизиологические характеристики работников, как выносливость, приспособление организма к изменчивости внешних условий.

Профессии «человек – человек». Эта деятельность связана с социализацией личности, удовлетворением духовно-культурных потребностей, обучением, воспитанием, общением, а также правовой защитой. Особое место занимает деятельность в сфере управления, где взаимодействие между ее участниками осуществляется по специфическим правилам и нормам.

В настоящее время круг специальностей в этой группе становится чрезвычайно обширным и многообразным; происходит стремительная перестройка профессиональной деятельности людей в целях профессионального соответствия требованиям научно-технологического развития.

При анализе содержания профессиональной деятельности в этой сфере занятости можно выделить несколько компонентов качеств работников: 1. Личностный компонент деятельности, т.е. характеристики эмоциональной, волевой и мотивационной сфер; 2. Сенсорно-перцептивный компонент деятельности, т.е. характеристики восприятия и внимания; 3. Организаторские способности; 4. Интеллектуальный компонент деятельности, т.е. характеристики процесса обработки информации, принятия решения и т.п. Психологи выделяют также характеристики психомоторных качеств и речи [Шадриков, 1996].

Эти критически важные группы деловых качеств не противоречат разделению профессий по критериям взаимодействия субъект–объект труда [Мир профессий..., 1987; Ползунова, 2006]. Если обобщить требования к профессиям «человек – человек», то среди профессиональных и личностных качеств принципиальное значение приобретают *внимание к другому человеку*, стремление понять его проблемы, умение оказывать помощь и предлагать пути решения, максимально проявлять дружелюбие и искренность. Большое значение для их успешной деятельности имеет *инициативность* – способность рождать идеи и воплощать в реальность, *умение работать в команде* – стремление эффективно выполнять задания вместе, помогая и поддерживая коллег по работе. Все это предполагает такое качество, как *стремление к успеху (общественному, групповому, личному)*, к внедрению новых высоких стандартов труда и способность решать сложные задачи взаимодействия людей в процессе выполнения ими производственных и иных функций.

Отметим, что в типе профессий, касающихся управления, происходит интенсивный процесс «вымывания» ряда профессий (бухгалтеров, контролеров и др.), а в результате компьютеризации трудового процесса создается возможность создания бесконтактной среды, снижения бюрократизации управления. В то же время это источник проблемы трудоустройства значительного числа работников. И этот сложный и болезненный процесс – особый объект социологического изучения.

Профессии «человек – творчество». Во многих профессиях есть элемент творчества. Даже при выполнении функций простого ручного труда человек способен проявить творческий подход к организации своей работы, способам и последовательности ее реализации. По мере усложнения способов и средств воздействия на предмет труда (металл, искусственно созданные материалы, земля и пр.) повышаются требования к субъекту деятельности с точки зрения его профессиональных навыков и компетенций. Но далеко не все способны на то, что можно назвать творчеством, – чаще всего большинство людей ограничиваются в работе добросовестным соблюдением предписанного алгоритма служебных профессиональных обязанностей.

Вместе с тем в обществе всегда существовала группа профессий, в основе которых предполагается постоянный поиск решений для рождения нового, уникального, отличного от результатов предшествующего опыта. К ним можно отнести деятельность писателей, художников, артистов, представителей других сфер искусства и архитектуры, а также научное творчество.

В ряде современных исследований в качестве творческих рассматриваются сферы деятельности, связанные с реализацией постоянно обновляющихся и изменяющихся требований, такие как IT, рекламное дело, web-дизайн и др., которые, на мой взгляд, могут быть отнесены частично к профессиям «человек – человек», а частично – «человек – машина», но при этом не исключают и даже предполагают проявление креативности.

Для профессий этой группы важен талант, без которого в данной области невозможно развиваться, осуществлять свою деятельность. Задача творческих специалистов – создание нового, особого, оригинального, и не только на основе уже существующих культурных ценностей. Человек, который трудится в этой сфере, полагается больше на чутье, интуицию и внутренние ощущения, чем на рациональное мышление. Стать представителем творческой профессии непросто, для этого нужны задатки (хотя считается, что талант можно выявить, если упорно трудиться). Выбирают данные профессии те люди, которые могут создавать принципиально новые вещи. Таким профессиям сложно обучать, несмотря на обилие специальных школ и курсов.

Люди творческих профессий обладают специфическим восприятием происходящего и, главное, умеют самовыражаться, опираясь на свои способности. Сегодня творческие профессии насчитывают множество видов, их объединяет одно качество – это полезная деятельность с применением собственного творческого потенциала и особого видения и мышления работника. Она требует большего уровня накала, напряжения, именно поэтому люди с богатым внутренним миром делают выбор в пользу творчества как способа профессиональной деятельности на всю жизнь.

Среди тех, кого называют людьми творческих профессий, редко встретишь человека, уставшего от профессиональной рутины. Возможность творить, создавая нечто новое, удивительно прекрасное, необычное, сама по себе награда. Однако вопросы сочетания материального вознаграждения и морального удовлетворения от свершенного дела далеко не всегда согласованы (особенно если результат творчества нравится другим).

Некоторые исследователи, вслед за Е.А. Климовым, называют этот тип профессий «человек – знак», что, на наш взгляд, неточно, так как не все группы творческих профессий могут быть охвачены критериями этого подхода. Главная особенность профессий, обозначаемых как «человек – знак», – умственный труд, с помощью которого

происходят создание и использование различных знаковых систем. К предметам труда этих профессий относятся всевозможные знаковые обозначения, символы, термины. Например, речь во всех ее проявлениях (звуковые и невербальные сигналы), знаки, формулы, схемы, числовые обозначения, карты, рисунки, ноты, таблицы, чертежи, дорожные знаки. Задача – освоение, воспроизведение, перевод знаков-символов в доступную человеческому пониманию форму. И, напротив, – зашифровка данных для передачи их с помощью носителей, в том числе электронных (см.: [Мир профессий..., 1988]).

Однако ценность этих профессий нередко не является очевидной и признанной (в отличие, например, от труда в сфере материального производства, во взаимоотношениях с техникой, природой или в процессе обучения). Возникает немало коллизий, противоречий. И потому государство и общество должны всегда идти на определенный риск, поддерживая стремление занятых творческой деятельностью людей проявить себя в ней. Это касается и профессий в сфере науки, финансирование которой в большинстве случаев нацелено на получение конкретного результата, хотя фундаментальные исследования, например, не всегда гарантируют быстрый успех. Но не всегда учитывается тот факт, что отрицательный результат – тоже результат, который способствует исследовательскому поиску. Что же касается литературы и искусства, то взвешенная оценка творчества еще более сложна и требует порой длительного времени. Но даже посредственные результаты не должны быть укором для их авторов – это также результат поиска истины, успех которого не может быть с абсолютной точностью гарантирован. В такой ситуации порождаются многочисленные конфликты, которые столь характерны для этих профессий, особенно в сфере искусства и литературы (см., напр.: [Суций, 2016]).

Отметим, что выбор творческой профессии влияет на состояние человека на протяжении всей его жизни. Если человек занимается комфортной для себя деятельностью, она будет максимально эффективна и принесет удовлетворение, но при благоприятном отношении со стороны внешней среды – государства и общества, готовых пойти на риск и обеспечить достойные условия профессиональной деятельности.

Заключение. Предлагаемая классификация профессий по социотехнологическому принципу в большей мере соответствует современному этапу развития общества, так как на первый план выходят потребности, связанные с научно-технологическим (техническим) решением насущных социально-экономических проблем. С точки зрения постижения сущности процессов изменения мира профессий, исчезновения отдельных из них, появления новых недостаточно использования сложившихся методов исследования (о путях получения профессии, о профессиональном и социальном положении и т.д.). Важно сосредоточиться на следующем – измерять социальные параметры труда, качество характера и содержания труда, условия, средства и способы его реализации, рассматривать влияние внешней среды и оценку достигнутых показателей. Причем решать эти проблемы по типам профессий (не исключая исследование отдельных из них) для выявления общих закономерностей функционирования, что даст убедительные данные о резервах каждой из них, а следовательно, для более эффективных управленческих решений. Так, одним из действенных средств рационализации труда становится цифровизация. Однако эта проблема в большинстве случаев решается в рамках отдельных организаций различных форм собственности. Это приводит к ограниченным результатам.

Отметим, что между типами данной классификации существуют определенные взаимодействия. Они не отделены непреодолимыми границами. Более того, имеют вполне обоснованные взаимосвязи, которые могут взаимно обогащать и способствовать развитию. Разработка и применение социотехнологического метода при исследовании профессий позволит значительно повысить прикладной характер социологических исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамов Р.Н. Профессиональная культура российских технических специалистов: универсальные элементы // Социологические исследования. 2016. № 9. С. 96–104.
- Андреева Ю.В., Лукьянова Е.Л. Контексты формирования профессиональных компетенций у рабочей молодежи: завод, вахта, «гараж» // Социологические исследования. 2020. № 4. С. 105–116.
- Батыгин Г.С. Профессионалы в расколдованном мире // Этика успеха: вестник исследователей, консультантов и ЛПР. Выпуск 3. Тюмень–Москва, 1994. С. 9–19.
- Беккер Г. Природа профессии // Этика успеха: вестник исследователей, консультантов и ЛПР. Выпуск 3/94. Тюмень–Москва, 1994. С. 82–90.
- Вебер М. Избранные произведения. Пер. с нем. М.: Прогресс, 1990.
- Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: КАНОН, 1996.
- Забродин Ю.М. Психодиагностика / Ю.М. Забродин, В.Э. Пахальян; под общ. ред. Ю.М. Забродина. М.: Эксмо, 2010.
- Зеер Э.Ф., Павлова А.М., Садовникова Н.О. Профориентология: Теория и практика: учеб. пособ. для высшей школы. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2004.
- Ильин В.И. Государство и социальная стратификация советского и постсоветского обществ. 1917–1996 гг.: Опыт конструктивистско-структуралистского анализа. Сыктывкар: Сыктывкарский ун-т, ИС РАН, 1996.
- Климов Е.А. Развивающийся человек в мире профессий. Обнинск: Принтер, 1993.
- Козина И.М., Сережина Е.В. Производственные факторы стресса в работе российских и французских IT-специалистов // Социологические исследования. 2019. № 5. С. 26–35.
- Колесникова Е.М., Куденко И.А. Интерес к STEM-профессиям в школе: проблемы профориентации // Социологические исследования. 2020. № 4. С. 124–133.
- Константиновский Д.Л., Пинская М.А., Звягинцев Р.С. Профессиональное самочувствие учителей: от энтузиазма до выгорания // Социологические исследования. 2019. № 5. С. 14–25.
- Крыштановская О.В. Инженеры: становление и развитие профессиональной группы. М.: Наука, 1989.
- Лукша О.В. Социология профессиональных групп: определение понятий // Профессиональные группы интеллигенции / Отв. ред. В.А. Мансуров. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 2003. С. 61–79.
- Мансуров В.А., Юрченко О.В. Социология профессий. История, методология и практика исследований // Социологические исследования. 2009. № 8. С. 38–45.
- Мир профессий: Человек – техника / Сост. В.Е. Гаврилов. М.: Молодая гвардия, 1987.
- Мир профессий. Человек – знаковая система. М.: Молодая гвардия, 1988.
- Ползунова Н.Н. Исследование систем управления (диагностика). М.: Академический проект. 2006.
- Попова И.П. Социология профессии как проект // Социологические исследования. 2020. № 7. С. 57–69.
- Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Мир профессий: пересмотр аналитических перспектив // Социологические исследования. 2009. № 8. С. 25–35.
- Сорокин П.А. Влияние профессии на поведение людей и рефлексология профессиональных групп // Сорокин П.А. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет / Ин-т социологии. М.: Наука, 1994. С. 333–356.
- Суций С.Я. Художественное творчество: тенденции постсоветского периода // Социологические исследования. 2016. № 1. С. 77–85.
- Тощенко Ж.Т. От феномена к ноумену: опыт методологического и методического анализа // Социологические исследования. 2019. № 4. С. 3–14.
- Тощенко Ж.Т. Социология труда: опыт нового прочтения. М.: Мысль, 2005.
- Фельдман М.А. Директора предприятий тяжелой промышленности 1930-х гг.: динамика социально-профессиональной группы // Социологические исследования. 2021. № 7. С. 113–124.
- Хьюз Э. Исследование понятий // Социология сегодня: проблемы и перспективы. М.: Прогресс, 1965. С. 499–501.
- Чеманкова Е.Д. Женщины-полицейские: как происходит выбор профессии // Социологические исследования. 2019. № 4. С. 126–132.
- Чередниченко Г.А. Трудоустройство и положение на рынке труда выпускников среднего профессионального образования // Социологические исследования. 2019. № 7. С. 67–77.
- Шадриков В.Д. Психология деятельности и способности человека: Учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Логос, 1996.
- Autor D.H., Frank Levy F, Murnane R.J. The Skill Content of Recent Technological Change: An Empirical Exploration // The Quarterly Journal of Economics. 2003. Vol. 118(4). P. 1279–1333.
- Holland J.L. Making vocational choices: A theory of vocational personalities and work environments (3rd ed.). Odessa, FL: Psychological Assessment Resources, Inc., 1997.

- Greenwood E. *Attributes of a Profession // Sociological Perspectives on Occupation*. F.E. Peacock Publishers, Inc. Itasca Illinois, 1972.
- Leihl K.T., Fennell M.L. *Professional work. A sociological approach*. Malden: Blackwell Publishers, 2001.
- Merton R. *The sociology of science*. Ed. Norman W. Storer. Chicago: Univ. Chicago press, 1973.
- Murphy R. *Proletariatization or bureaucratization: the fall of the professional? / The Formation of professions. Knowledge, State and Strategy*. Ed. by R. Torstendahl & M. Burrage. London: Sage Publications, 1990.
- Parsons T. *Professions // International Encyclopedia of Social Sciences*. The Macmillan Company & The Free Press, 1968. P. 536–547.

Статья поступила: 03.03.22. Финальная версия: 17.04.22. Принята к публикации: 17.05.22.

PROFESSIONS: SOCIO-TECHNOLOGICAL DIMENSION (A METHODOLOGICAL ANALYSIS)

TOSHCHENKO Zh.T.

Russian State University for the Humanities, Russia

Zhan T. TOSHCHENKO, *Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Academic Supervisor in the Sociological Faculty of the Russian State University for the Humanities; Chief Researcher of the Institute of Sociology of the Federal Scientific Research Center, the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia* (zhantosch@mail.ru).

Acknowledgements. This article was completed within the framework of the state assignment (FSZG-2022-0001).

Abstract. The article proposes to implement a special theoretical and methodological analysis, which is still little used in empirical research on various forms and types of professional activities. This analysis does not coincide with officially existing classification, which includes and characterizes 450 professions (or 9 enlarged professional groups). The proposed approach is based on the classification of professions on the basis of their socio-technological measurement, which involves the use of such indicators as the subject of labor, the content and nature of labor, the conditions, means and methods for its implementation, taking into account the influence of the external environment and assessing the achieved indicators. Buiding on this approach, the article characterizes four groups of professions: man–technology, man–nature, man–man, man–creativity. This approach allows to more deeply describe and understand the meaning of the profession, to reveal its essence and quality, to enrich ideas about a potential of each profession. And what is especially important – such an approach enables to more clearly and substantively decide for each of these groups of professions, based on their general and special characteristics – how to really participate in solving such an important socio-economic task of the ongoing technological revolution – the growth of labor productivity, rationalization of employment, increase in production efficiency.

Keywords: labor, socio-professional structure, professions “human–technology”, “human–nature”, “human–man”, “human–creativity”.

REFERENCES

- Abramov R.N. (2016) Professional culture of Russian technical specialists: universal elements // *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 96–104. (In Russ.)
- Andreeva Yu.V., Lukyanova E.L. (2020) Contexts of the formation of professional competencies among working youth: factory, watch, “garage”. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4: 105–116. (In Russ.)
- Autor D.H., Frank Levy F., Murnane R.J. (2003) The Skill Content of Recent Technological Change: An Empirical Exploration. *The Quarterly Journal of Economics*. Vol. 118(4): 1279–1333.
- Batygin G.S. (1994) Professionals in a disenchanted world. *Ethics of success: Bulletin of researchers, consultants and decision makers*. Issue 3. Tyumen-Moscow: 9–19. (In Russ.)
- Becker G. (1994) The nature of the profession. *Ethics of success: Bulletin of researchers, consultants and decision makers*. Issue 3/94. Tyumen-Moscow: 82–90. (In Russ.)
- Chemankova E.D. (2019) Policewomen: how is the choice of profession. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4: 126–132. (In Russ.)

- Cherednichenko G.A. (2019) Employment and position in the labor market of graduates of secondary vocational education. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 67–77. (In Russ.)
- Durkheim E. (1996) *On the division of social labor*. Moscow: CANON. (In Russ.)
- Feldman M.A. (2021) Directors of heavy industry enterprises in the 1930s: the dynamics of the socio-professional group. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 113–124. (In Russ.)
- Greenwood E. (1972) *Attributes of a Profession. Sociological Perspectives on Occupation*. F.E. Peacock Publishers, Inc. Itasca Illinois.
- Hughes E. (1965) *Study of concepts. Sociology today: problems and prospects*. Moscow: Progress: 499–501. (In Russ.)
- Holland J.L. (1997) *Making vocational choices: A theory of vocational personalities and work environments* (3rd ed.). Odessa, FL: Psychological Assessment Resources, Inc. (In Russ.)
- Ilyin V.I. (1996) *State and social stratification of the Soviet and post-Soviet societies. 1917–1996: Experience in constructivist-structuralist analysis*. Syktyvkar: Syktyvkar University, IS RAS. (In Russ.)
- Klimov E.A. (1993) *A developing person in the world of professions*. Obninsk: Printer. (In Russ.)
- Kozina I.M., Serezhkina E.V. (2019) Production factors of stress in the work of Russian and French IT-specialists. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5: 26–35. (In Russ.)
- Kolesnikova E.M., Kudenko I.A. (2020) Interest in STEM-professions at school: problems of vocational guidance. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4: 124–133. (In Russ.)
- Konstantinovskiy D.L., Pinskaya M.A., Zvyagintsev R.S. (2019) Professional well-being of teachers: from enthusiasm to burnout. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5: 14–25. (In Russ.)
- Kryshchanovskaya O.V. (1989) *Engineers: formation and development of a professional group*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Leht K.T., Fennell M.L. (2001) *Professional work. A sociological approach*. Malden: Blackwell Publishers. (In Russ.)
- Luksha O.V. (2003) Sociology of professional groups: definition of concepts In: *Professional groups of the intelligentsia* / Ed. V.A. Mansurov. Moscow: Publishing House of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences: 61–79. (In Russ.)
- Mansurov V.A., Yurchenko O.V. (2009) Sociology of professions. History, methodology and practice of research. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 38–45. (In Russ.)
- Merton R. (1973) *The sociology of science*. Ed. Norman W. Storer. Chicago: Univ. Chicago press.
- Murphy R. (1990) Proletarianization or bureaucratization: the fall of the professional? In: *The Formation of professions. Knowledge, State and Strategy*. Ed. by R. Torstendahl & M. Burrage. London: Sage Publications.
- Parsons T. (1968) Professions. In: *International Encyclopedia of Social Sciences*. The Macmillan Company & The Free Press: 536–547.
- Polzunova N.N. (2006) Study of control systems (diagnostics). Moscow: Academic project. (In Russ.)
- Popova I.P. (2020) Sociology of the profession as a project. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7. P. 57–69. (In Russ.)
- Romanov P.V., Yarskaya-Smirnova E.R. (2009) The World of Professions: A Review of Analytical Perspectives. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 25–35. (In Russ.)
- Shadrnikov V.D. (1996) *Psychology of human activity and abilities: Textbook*. 2nd ed., revised. and additional. Moscow: Logos Publishing Corporation. (In Russ.)
- Sorokin P.A. (1994) Influence of the profession on the behavior of people and the reflexology of professional groups. In: Sorokin P.A. *A public textbook of sociology. Articles of different years* / Institute of Sociology. Moscow: Nauka: 333–356. (In Russ.)
- Sushchiy S. Ya. (2016) Artistic creativity: trends in the post-Soviet period. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1. P. 77–85. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (2019) From Phenomenon to Noumenon: An Experience of Methodological and Methodological Analysis. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. 2019. No. 4: 3–14. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (2005) *Sociology of labor: a new reading experience*. Moscow: Thought. (In Russ.)
- Weber M. (1990) *Selected works*. Per. with him. Moscow: Progress. (In Russ.)
- World of professions: Human – technology* (1987) / Comp. V.E. Gavrilov. Moscow: Molodaya gvardiya. (In Russ.)
- World of professions. Human is a sign system*. (1988) Moscow: Molodaya gvardiya. (In Russ.)
- Zabrodin Yu.M. (2010) *Psychodiagnostics* / Yu.M. Zabrodin, V.E. Pakhalyan; under total ed. Yu.M. Zabrodina. Moscow: Eksmo. (In Russ.)
- Zeer E.F., Pavlova A.M., Sadovnikova N.O. (2004) *Vocational orientation: Theory and practice: textbook for higher education*. Moscow: Academic project; Yekaterinburg: Business book.

© 2022 г.

О.Л. ЛУШНИКОВА

ЭТНИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВЕДЕНИЯ ХОЗЯЙСТВА, ИЛИ У КОГО БОЛЬШЕ СКОТА?

ЛУШНИКОВА Ольга Леонидовна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник сектора экономики и социологии, Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Абакан, Россия (oltolt@mail.ru).

Аннотация. В попытках найти пути выхода современного села из затянувшегося кризиса исследователи обращаются к изучению роли личного подсобного хозяйства как наиболее оптимального в нынешних условиях способа выживания. Особенно это актуально для коренных народов регионов России, которые традиционно проживают в сельской местности. Однако разность этнокультурных особенностей и условий проживания (крупное/малое село) не позволяет считать такую стратегию подходящей для всех без исключения. В статье предпринята попытка оценить экономическое поведение сельчан, обусловленное этническим фактором. На примере основных этнических групп Хакасии (русских и хакасов) сравниваются особенности ведения личного подсобного хозяйства в части содержания скота. Роль домашнего хозяйства для разных категорий сельчан неодинакова: для одних оно является вынужденной мерой, для других служит дополнительным средством существования, третьи вообще не рассматривают его в качестве источника дохода. Разность административно-территориальных условий также сказывается на особенностях разведения скота: варьируется и число имеющих подворье, и состав содержащихся на подворье животных. Сделан вывод о высоком потенциале домашнего хозяйства в качестве основного вида занятости в условиях безработицы для коренного населения и возможности стать таковым для этнического большинства региона.

Ключевые слова: сельское население • село • личное подсобное хозяйство • подворье • скот • коренное население • хакасы

DOI: 10.31857/S013216250018564-3

Постановка проблемы. Бытует мнение, что в условиях высокой безработицы на селе наиболее оптимальным способом ее решения может стать развитие личного подсобного хозяйства (далее – ЛПХ). С одной стороны, при отсутствии иных источников дохода ведение ЛПХ действительно может стать альтернативой трудовой занятости. С другой – ориентация на такую стратегию не может быть применимой повсеместно. Исследователи считают, что при поиске эффективных стратегий этноэкономического развития важно учитывать ментальные, ценностные основания культур, носителями которых являются представители разных этнических групп, населяющих регион [Персидская, 2019: 44]. Особенно это актуально для коренных народов в полиэтничных регионах, где этнические различия в хозяйственной деятельности проявляются наиболее отчетливо. Цель данной статьи – выяснить, есть ли различия в ведении ЛПХ между титульным этносом Хакасии (хакасами) и этническим большинством региона (русскими). Основной фокус направлен на оценку ЛПХ в части содержания скота.

Этническая экономика, этноэкономика, традиционный хозяйственный уклад. Любой экономический уклад формируется в конкретных природно-климатических, географических, пространственных условиях и неизбежно подвержен влиянию социокультурной, в том числе и этнической, среды. Исследователи отмечают, что исторически территориальное разделение труда между различными народами было обусловлено всеми этими факторами, которые в совокупности определяли внутрихозяйственные отношения (одни были земледельцами, другие – кузнецами, третьи – ловцами жемчуга, четвертые – рыбаками и охотниками) [Иванова, 2018: 7]. В современных условиях у одних народов традиционный хозяйственный уклад сохранился, у других трансформировался в новые формы (например, в этническое предпринимательство), у некоторых исчез вовсе. Но поскольку экономические отношения, складывающиеся на определенной территории, закрепляются в культуре этнической группы и транслируются последующим поколениям [Игошева, 2020: 74], можно предположить, что этнические особенности хозяйствования у народов тоже сохраняются.

Вообще некоторые исследователи выделяют этническую экономику отдельно и изучают ее в рамках *этноэкономики* (наука о выявлении общих законов взаимодействия социально-экономических и этнических процессов, а также о национальных особенностях социально-экономического поведения) [Павлов, 2016: 3]. В зарубежных исследованиях тоже используется термин *ethnic economy* [Light, Gold, 2000], хотя чаще его применяют по отношению к этническим мигрантам [Kohlbacher, Protasiewicz, 2012]. В российской научной литературе встречаются такие обозначения, как «традиционные хозяйственные практики», «традиционный хозяйственный уклад», «самобытные формы организации хозяйства» и др. В последнее время часто употребляется термин «*этноэкономика*» [Бижоев, 2021], ставший популярным в связи с интересом к возрождению народных промыслов и с изучением этнического предпринимательства [Рунова, 2021]. В данной статье мы будем использовать их как синонимы и в целом говорить об экономической деятельности, функционирование и развитие которой определяется в первую очередь *этническим фактором* [Лебедева, Ломовцева, 2006: 110]. На наш взгляд, значение имеет не столько сама этничность, сколько *ценности, традиции, особенности национального характера*, с которыми она связана. К.В. Павлов пишет: «...каждая страна преуспевает в основном в тех отраслях, которые в наибольшей степени отвечают ее исторически сложившимся условиям и национальному характеру. В Италии это модная одежда и мебель, в США – финансы и шоу-бизнес, в Швейцарии – банковское дело и фармацевтика...» [Павлов, 2016: 3]. Одним из признаков этнической экономики считают использование традиционных *методов ведения хозяйственной деятельности*, связанных преимущественно с натуральным или мелкотоварным производством отдельных домохозяйств, не выходящих за пределы местных рынков [Адаменко, Хорольская, 2020: 105]. Однако в таком контексте этноэкономика рассматривается, скорее, как *рудимент* традиционного общества [Игошева, 2020: 74].

Существует и другой взгляд на роль этнического фактора в экономике, в соответствии с которым этнические ресурсы рассматриваются в качестве дополнительных факторов *конкурентоспособности* [Андреев, 2017: 32]. По этому принципу построены этнические анклавов, взаимодействие внутри которых строится на основе общего происхождения или миграционного опыта [Aldrich, Waldinger, 2003: 112]. Другими словами, когда этничность «работает» как закрытый социальный капитал, связана с *непотизмом* (кумовством) [Lamb et al., 2017] и приводит к формированию закрытых общностей, занимающих определенные экономические ниши.

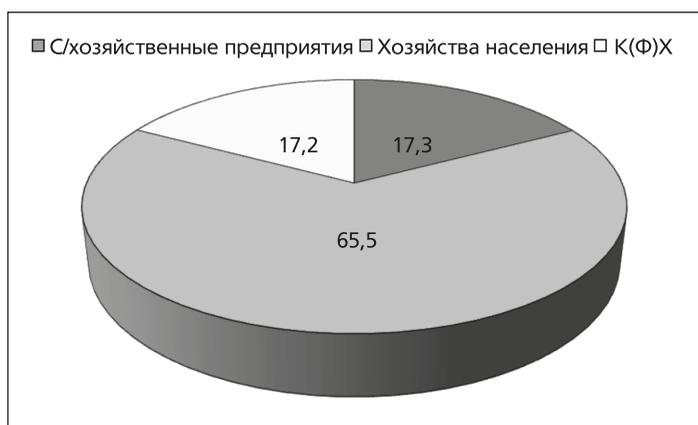
В последнее время интерес к изучению этнической экономики коренных народов повысился, что связано с поиском путей выхода современного села из кризиса, поскольку традиционным местом проживания коренных народов является сельская местность. Некоторые исследователи считают, что этническая экономика может быть некой «*точкой роста*» региональной экономики [Бакшеев, 2016: 146], поскольку усиливает конкурентный потенциал хозяйственной системы региона [Паникарова и др., 2011: 53] и играет значимую роль в *повышении уровня жизни* жителей сельской местности [Ооржак, 2019: 1769].

С одной стороны, работ по этнической экономике достаточно много. Есть исследования по южным регионам России [Колесников, 2003], Западной Сибири [Симонов и др., 2020], Южной Сибири [Паникарова и др., 2011], сравнительные исследования [Бадмаева, Кованова, 2020], а также по отдельным регионам: Дагестану [Багомедов, 2014], Башкортостану [Ахметов, 2019; Айдарбаков и др., 2019], Туве [Донгак, 2016] и др. С другой стороны, в большинстве своем исследования носят экономический характер, но собственно социологических исследований по этноэкономике немного. Данное исследование представляет попытку социологического анализа особенностей экономического поведения разных этносов (на примере различий ведения ЛПХ).

Эмпирическую базу исследования составили данные опроса, проведенного Центром социологии и маркетинга в августе–сентябре 2018 г. во всех районах Хакасии. Всего было охвачено 16 сел: в каждом районе по два села: с населением более 500 чел. (крупное) и с населением меньше 500 чел. (малое). Выборочная совокупность: сельские жители Хакасии. Всего было опрошено 500 чел., но в результате выбраковки некачественно заполненных листов анализировались данные 486 анкет. Тип выборки: квотная (по полу, возрасту и национальности). Ошибка выборки составила 4,44%. Опрос проводился методом формализованного интервью по месту жительства респондента. При составлении опросного листа использовались вопросы из анкет «Жизненный мир», «Сельская жизнь» (Ж.Т. Тощенко). Обработка данных осуществлялась с помощью прикладного пакета обработки статистических данных SPSS IBM Statistics 19.0. В исследовании использовался однофакторный дисперсионный анализ ANOVA.

ЛПХ – дополнительный источник дохода или вынужденная мера? В Хакасии внушительная доля сельхозпродукции приходится именно на хозяйства населения, в числе которых и ЛПХ (рис. 1).

Причем роль ЛПХ в жизни сельчан разная: для одних оно является основным видом деятельности, другие используют его для получения дополнительного дохода, третьи видят в нем источник пропитания. По данным В.Г. Жалсановой, почти половина сельчан потребляет продукты ЛПХ в основном внутри семьи и среди ближайших родственников [Жалсанова, 2018]. Связано это с тем, что в основном сельчане занимаются хозяйством в свободное от трудовой занятости время, что не позволяет производить сельхозпродукцию в достаточном для продажи объеме. Если же удастся что-то сбыть, то, как отмечают

Рис. 1. Структура продукции сельского хозяйства Хакасии по категориям хозяйств (в фактически действовавших ценах; в %), 2018 г.

исследователи, продаются зачастую не излишки, а часть необходимого для воспроизводства семьи, а полученный денежный доход, как правило, используется не для производственных, а для потребительских целей [Нечипоренко, 2013: 88].

Хакасы традиционно проживают в сельской местности, поэтому неудивительно, что по сравнению с русскими они больше занимаются хозяйством (72,3 против 61,2%). Однако более отчетливо этнические различия проявились на административно-территориальном уровне, в разрезе крупных и малых сел. В малых селах хакасов, имеющих свое хозяйство, заметно больше, чем русских (79,5 против 66,7%). Такую разницу можно было бы объяснить трудовой занятостью, но соотношение работающих и не имеющих работу в обеих группах примерно одинаковое. В условиях малого села возможностей для трудоустройства крайне мало, и при отсутствии работы иных источников существования, кроме ЛПХ, практически нет. Конечно, у жителей таких сел есть альтернатива – переехать в более крупное село или город. Однако хакасы по сравнению с русскими, проживающими на территории региона, являются менее миграционно активными и более склонны к возвратной миграции (из города в село), о чем свидетельствуют данные региональной статистики¹. Возможно, хакасы «делают ставку» на ЛПХ, поскольку другой альтернативы в нынешних условиях для себя не видят.

Можно предположить, что хакасы рассматривают хозяйство не просто как дополнительный источник дохода, а как достаточно весомый источник своего существования. Это предположение основывается на том, что почти 40% опрошенных коренной национальности в малых селах считают, что их семья могла бы прожить только за счет своего хозяйства (хотя это было бы и трудно). Жители крупных сел ниже оценивают свои возможности жить за счет ЛПХ (причем независимо от национальности), поэтому можно считать, что содержание хозяйства в качестве вынужденной меры более актуально для жителей небольших сел.

В нынешних условиях ЛПХ – это своеобразный способ *выживания*, и закономерно, что такая стратегия должна быть более выражена у безработных сельчан. Ведь отсутствие работы заставляет людей использовать любые источники средств для существования, кроме того, у неработающих сельчан есть свободное время для ведения хозяйства. А свобода от трудового участия имеет свои достоинства: позволяет содержать на подворье больше живности, возделывать солидные полевые участки за пределами села, торговать продуктами своего хозяйства, получать живые деньги, эффективно решать стратегические цели семьи [Великий, 2019: 52]. Оказалось, что хакасы при отсутствии работы более склонны заниматься личным подсобным хозяйством (39,5%), нежели русские (12,1%). Однако неработающие русские чаще находят другие источники доходов, например подработку (31,6%).

Казалось бы, в крупных селах у безработных больше возможностей для случайных заработков и в целом рынок труда более широкий и разнообразный. Однако результаты исследования показали, что неработающие жители малых сел чаще имеют возможность подработать (62,5 против 28%). С чем это может быть связано? В малых (и особенно удаленных) территориях население часто занимается сбором дикоросов (ягод, грибов, орехов), а также рыболовством или охотой – что приносит ощутимый заработок сельским жителям (хотя и сезонно). Исследования доказывают, что жителям пространственно изолированных сообществ удается с большим успехом использовать «дары природы», нежели жителям неизолированных сел, которых сдерживают различные контролирующие органы [Позаненко, 2018: 46]. Можно предположить, что этот же принцип действует и в малых селах, куда органы надзора «наведываются» нечасто. В крупных селах, вполне вероятно, на первый план выходит мотив нахождения «настоящей» работы [Шабанов, 2018: 34], поэтому жители крупных сел не склонны рассматривать случайные заработки

¹ Население Республики Хакасия за 2001–2011 годы. Статистич. сборник // Росстат. Территориальный орган федеральной государственной статистики по Республике Хакасия. Абакан, 2012. С. 16.

в качестве весомого источника дохода. Однако примечательным оказалось то, что жители крупных поселений имеют хорошую поддержку со стороны родственников (36%), которая тоже в какой-то степени служит им определенным источником дохода. Исследователи отмечают, что для многих сельчан ЛПХ – возможность оказывать помощь родственникам в виде продуктов питания (около 40%) [Великий, Шабанов, 2019: 114]. В малых селах таковых оказалось гораздо меньше (12,5%). Возможно, поэтому неработающее население небольших деревень вынуждено больше полагаться на собственные силы и обеспечивать себя самостоятельно, в основном за счет своего хозяйства (53,1%).

У кого скота больше? В Хакасии 69,2% всей сельхозпродукции приходится на животноводство², причем хозяйства населения производят существенный объем сельхозпродукции. Из таблицы 1 видно, что сельскохозяйственные организации и крестьянские (фермерские) хозяйства лидируют только в производстве зерновых культур и яиц, основной объем производства овощей, молока и мяса приходится на хозяйства населения (к которым относятся и ЛПХ) (табл. 1).

Таблица 1

Структура производства основных видов сельскохозяйственной продукции Хакасии по категориям хозяйств, в % от общего объема производства, по строке, 2018 г.

	С/хозяйственные организации	Хозяйства населения	Крестьянские (фермерские) хозяйства
Зерновые и зернобобовые культуры (в весе после доработки)	62,4	0,0	37,6
Картофель	0,6	92,5	7,0
Овощи открытого и закрытого грунта	0,5	75,9	23,6
Скот и птица на убой (в убойном весе)	7,9	70,5	21,6
Молоко	18,5	68,8	12,7
Яйца	69,8	29,5	1,8

Источник: Хакассский республиканский статистический ежегодник, 2019: Стат. сб. / Красноярскстат. Абакан, 2019. С. 238, 239.

Разведение скота для хакасов является традиционным видом хозяйствования, поэтому хакасы держат достаточно много скота. Большая часть опрошенных хакасской национальности имеет на своем подворье какую-либо скотину (70,2%), среди русских таковых почти в два раза меньше (36,8%). Больше чем у половины хакасов есть корова (58,9%), примерно 40% держат свиней и птицу (кур, гусей, уток), почти треть разводит овец (32,6%). Сельчане русской национальности тоже больше отдают предпочтение разведению коров, нежели другим видам скота, но в общей массе таковых немного – всего четверть (25,9%). Вполне логично предположить, что разность поведения, связанного с разведением скота, обусловлена преимущественно этническими различиями (традициями ведения хозяйства, более высокой ценностью скота и т.п.). Однако это оказалось не совсем так. И это показал сравнительный анализ результатов в разрезе крупных и малых сел. Конечно, хакасов, имеющих на своем подворье какую-либо скотину, оказалось больше, чем русских, причем и в малых, и в крупных селах. Однако русские в малых селах не намного уступают хакасам, проживающим в крупных селах (53,3 против 65,5%). Поэтому можно считать, что в экономическом поведении сельчан наряду с этническим фактором

² Хакассский республиканский статистический ежегодник, 2019: Стат. сб. / Красноярскстат. Абакан, 2019. С. 236.

значительную роль играет и административно-территориальный. Условия проживания в маленьком селе с ограниченными возможностями трудоустройства подталкивают жителей заниматься разведением скота.

Вместе с тем в разведении скота хакасы все же являются более успешными. Об этом можно судить по тому, сколько из них держат на своем подворье несколько видов скота: коров, свиней, овец, птицу. Опять же таковых оказалось больше в малых селах (27,4%), хотя в больших селах удельный вес «успешных» хакасов-скотовладельцев тоже ощутимый – 16,7%. Среди русских – жителей малых сел таковых всего 5%. Можно было бы предположить, что, не имея на данный момент значительное количество скота, последние планируют увеличить свое хозяйство. Но это предположение не подтвердилось: ни один из опрошенных этой группы не выразил намерения в ближайшем будущем расширить хозяйство за счет скотины.

Безусловно, работа с животными требует много сил и времени, что тоже служит сдерживающим фактором для увеличения хозяйства. Сельчанам часто приходится работать и в выходные, и в праздничные дни, и в ночное время. Меньше всего сетуют на недостаток сил и отсутствие времени хакасы, проживающие в малых селах (15,4%). Однако они чаще других сталкиваются с другими трудностями ведения хозяйства: нехваткой денег на корм (58,1%) или удобрения (26,5%), отсутствием необходимой для обработки участка техники (35%) и др. Кроме того, они больше других выразили желание в приобретении трактора (хотя пока на это у них нет денег). Казалось бы, у других меньше трудностей, и они меньше испытывают потребность в расширении своего хозяйства, что можно было бы интерпретировать как успешность домохозяйств. Однако в данном случае потребности хакасов (жителей малых сел) выглядят более реальными. Это подтверждают и другие цифры. Среди хакасов, проживающих в небольших деревнях, меньше всего сельчан, не имеющих в своем хозяйстве никакого скота и не испытывающих в нем потребности (10%), хотя среди других таковые насчитывают от 36,5% до 43,1%.

ЛПХ как фактор благополучия сельчан. Одной из гипотез исследования было предположение о том, что ЛПХ при отсутствии работы может стать альтернативным источником дохода, позволяющим удовлетворять потребности сельской семьи. Для проверки этой гипотезы мы анализировали, в какой мере ЛПХ способствует материальному благосостоянию сельчан.

В исследовании акцент был сделан на разведении скота как более вероятном факторе благополучия сельчан. Выращивание овощей – тоже важная часть хозяйства, и многие сельчане занимаются огородничеством, по крайней мере стараются обеспечить свою семью самыми необходимыми овощами: картофелем, капустой, морковью и др. Однако из-за невысокой рыночной стоимости овощей выращивать их для продажи нерентабельно (по крайней мере в масштабах приусадебных участков, каковые имеются в распоряжении у большинства сельчан). Цены на мясомолочную продукцию и яйца на порядок выше, поэтому с экономической точки зрения производить их с целью реализации более выгодно. В случае если семья занимается хозяйством только для собственного пропитания, разведение скота все равно представляется более целесообразным, поскольку позволяет экономить существенную часть семейного бюджета, так как мясомолочная продукция стоит дороже овощей. Поэтому, на наш взгляд, разведение скота как часть личного подсобного хозяйства в большей степени может способствовать материальному благополучию сельчан, нежели огородничество.

В ходе исследования мы оценили уровень материального достатка респондентов и распределили их на три группы: зажиточные, обеспеченные и бедные³. Сравнение этих групп показало, что в общей выборке (независимо от этнической принадлежности и места проживания) среди *зжиточных* сельчан оказалось больше всего опрошенных, имеющих в своем хозяйстве скот (64,8%). Вместе с тем результаты однофакторного дисперсионного

---

³ К зажиточным мы отнесли тех, кто живет в достатке, может позволить себе крупные покупки; к обеспеченным – тех, кто живет неплохо: одет, сыт, но позволить новую покупку может с трудом; к бедным – тех, кто едва сводит концы с концами, скромно питается или даже не всегда ест досыта.

анализа ANOVA показали, что наличие в домашнем хозяйстве скота действительно влияет на уровень достатка только среди хакасов, проживающих в крупных селах (табл. 2).

Таблица 2

Средние значения показателей материального достатка среди хакасов, проживающих в крупных селах

Не имеют скота (1)	Имеют один вид скота (2)	Имеют несколько видов скота (3)	ANOVA		p	
			F	p	1–3	2–3
1,83	1,87	2,37	10,911	0,000	0,000	0,001

Из табл. 2 видно, чем разнообразнее скотный двор, тем выше уровень материального достатка хакасов. Причем статистически значимые различия есть не только между имеющими и не имеющими скот сельчанами (в табл. 1–3), но и между сельчанами с одним видом скота и несколькими (в табл. 2–3). Другими словами, не только наличие скота в хозяйстве заметно сказывается на уровне достатка, но и разнообразие видов животных, которые в нем содержатся.

Казалось бы, у хакасов в малых селах тоже много скота, причем большинство бедных тоже содержит на своем подворье животных, тем не менее имеющих доходов им хватает преимущественно только на пропитание. Оказалось, что по сравнению с более обеспеченными бедные меньше разводят свиней, овец и птицу, хотя удельный вес имеющих коров примерно одинаковый. Продукты питания, получаемые от коровы, разнообразные (это и молоко, и сметана, и творог), но это преимущественно молочная продукция. На забой обычно выращивают свиней, птицу или овец. Другими словами, обеспечение семьи мясной продукцией (которая является более дорогой) происходит преимущественно за счет более мелкого скота. В целом хозяйство бедняков менее разнообразно: 61,9% из них имеют на своем подворье один вид скота; среди зажиточных больше половины (57,1%) имеют несколько видов скота: коров, свиней, овец, птицу. Поэтому можно считать, что более высокий уровень достатка хакасов в малых селах обеспечивается, во-первых, за счет разнообразия скота, а во-вторых, за счет содержания определенных видов животных (овец, свиней и птицы).

Выводы. Для хакасов земля и все, что с ней связано (степи, леса, пастбища, пасущийся на них скот), имеют высокую ценность. Как отмечают исследователи, «...для хакасского этноса потеря земли равнозначна утрате исторической родины и национальной самостоятельности» [Логачева, 2005: 83]. Поэтому разведение скота для коренного населения является неотъемлемой частью сельского образа жизни. Русские менее склонны заниматься разведением скота, однако условия проживания в небольших селах вынуждают (или благоприятствуют) к занятию животноводческой деятельностью. И в этом смысле ведение ЛПХ в условиях безработицы может стать вполне приемлемой альтернативой официальной занятости. Региональные власти, осознавая это, стимулируют сельское население развивать хозяйство личных подворий. В республике действует несколько программ. Например, в рамках программы для малых и отдаленных сел жителям выплачивается денежная компенсация за содержание скота на своем подворье: на одну корову полагается 3432 руб. раз в полгода, на конематку – 936 руб., на овцематку – 312 руб. (однако компенсация выплачивается только за пять коров, одну конематку и десять овцематок). Безусловно, денежные выплаты – хороший стимул для развития, но в реальности их получают хозяева уже успешных подворий (имеющие достаточное количество скота).

Проживание в крупном селе создает иные условия для сельских жителей. Более широкий рынок труда ставит на первый план нахождение «настоящей» работы. Кроме того, возможностей для развития успешных подворий меньше (из-за меньших площадей пастбищ, конкуренции с крупными сельхозпроизводителями и др.). Поэтому вопрос о поиске более эффективных стратегий экономического поведения для жителей крупных сел пока остается открытым.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Адаменко А.А., Хорольская Т.Е., Петров Д.В. Предпосылки возникновения и востребованность теории этноэкономики в контексте новой экономической реальности // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2020. № 1. С. 104–109. DOI: 10.22394/2079-1690-2020-1-1-104-109.
- Айдарбаков Ф.Ф., Барлыбаев А.А., Барлыбаев У.А., Насыров Г.М., Ситнова И.А. Развитие предпринимательства в сельской местности: этноэкономический аспект (на примере Республики Башкортостан) // Проблемы прогнозирования. 2019. № 3(174). С. 80–90.
- Андреев А.Л. Глобальный мир и этническая революция // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 4. С. 23–36. DOI: 10.14515/monitoring.2017.4.03.
- Ахметов В.Я. Проблемы и перспективы развития несельскохозяйственных видов деятельности в сельских районах Республики Башкортостан // Вестник Евразийской науки. 2019. Т. 11. № 5. С. 3. DOI: 10.15862/03EVCN519.
- Багомедов М.А. Этноэкономика и проблема реализации приоритетного проекта «обеление экономики» Дагестана // Вопросы структуризации экономики. 2014. № 3. С. 12–21.
- Бадмаева Н.В., Кованова Е.С. Этноэкономика как фактор развития регионов (на примере республик Калмыкии и Бурятии) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 3. С. 294–305. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-294-305.
- Бакшеев С.Л. К понятию сущности и места этноэкономики в экономике региона // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. Т. 26. № 5. С. 146–150. DOI: 10.17150/2500-2759.2016.26(5).705-712.
- Бижоев Б.М. Концептуализация этноэкономики: инструментально-методический анализ // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2021. № 11–2. С. 143–148. DOI: 10.17513/vaael.1927.
- Великий П.П. Противоречия в жизненном пространстве села: генезис, настоящее, будущее // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2020. № 4. С. 67–71.
- Великий П.П. Хозяева сельских подворий: дифференциация, проблемы, будущее // Социологические исследования. 2019. № 12. С. 48–60. DOI: 10.31857/S013216250007734-0.
- Великий П.П., Шабанов В.Л. Особенности аграрной самозанятости. Опыт социологического исследования самостоятельного хозяйствования сельских семей. Историческая и социально-образовательная мысль. 2019. Том. 11. № 4. С. 105–121. DOI: 10.17748/2075-9908-2019-11-4-105-121.
- Донгак В.А. Особенности этнического хозяйства тувинцев // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2016. № 1. С. 87–90.
- Жалсанова В.Г. Личное хозяйство сельских жителей: способ выживания или способ развития? (по материалам социологических исследований в Республике Бурятия) // Социодинамика. 2018. № 9. С. 1–7. DOI: 10.25136/2409-7144.2018.9.27201.
- Иванова М.В. Этническая экономика: подходы к определению // Труды Кольского научного центра РАН. 2018. Т. 9. № 7-14. С. 6–13. DOI: 10.25702/KSC.2307-5252.2018.7.7-13.
- Игошева М.А. Экономический ресурс этнической идентичности в условиях современных миграционных процессов // Философская мысль. 2020. № 7. С. 72–84. DOI: 10.25136/2409-8728.2020.7.33513.
- Колесников Ю.С. Этноэкономика в судьбах модернизации Юга России // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2003. Т. 1. № 2. С. 19–24.
- Лебедева Н.Н., Ломовцева О.А. Социальный капитал и модернизация этноэкономики Юга России // Общественные науки и современность. 2006. № 2. С. 109–118.
- Логачева А.С. Хакасия – восприятие населением новых условий жизни // Социологические исследования. 2005. № 9. С. 82–84.
- Нечипоренко О.В. Подсобные хозяйства сельского населения в контексте практик социальной адаптации // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2013. Т. 11. № 2. С. 86–92.
- Ооржак К.-Д.К. Этноэкономика Тувы: современное состояние и перспективы развития // Экономические отношения. 2019. Т. 9. № 3. С. 1759–1774. DOI: 10.18334/eo.9.3.40949.
- Павлов К.В. Этнотерриториальные и национальные модели менеджмента и экономики // Опросы территориального развития. 2016. № 4 (34). С. 3.
- Паникарова С.В., Власов М.В., Чебодаев В.П. Институты развития этноэкономики // Проблемы современной экономики. 2011. № 4. С. 53–57.
- Персидская О.А. Роль ценностных ориентаций молодых тувинцев в пространственном развитии Республики Тыва // Новые исследования Тувы. 2019. № 3. С. 41–51. DOI: 10.25178/nit.2019.3.4.
- Позаненко А.А. «Отдельная типа республика»: структурные особенности пространственно изолированных локальных сельских сообществ // Мир России. 2018. № 4. С. 31–55. DOI: 10.17323/1811-038X-2018-27-4-31-55.

- Рунова Н.Ю. Этническое предпринимательство: анализ основных определений // Экономика, предпринимательство и право. 2021. Т. 11. № 2. С. 323–332. DOI: 10.18334/erp.11.2.111589.
- Симонов С.Г., Ямова О.В., Хаматханова М.А., Арынова З.А. Этническое предпринимательство и местное бизнес-сообщество: опыт взаимодействия на потребительском рынке региона // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2020. Т. 18. № 1. С. 162–171. DOI: 10.24147/1812-3988.2020.18(1).162–171.
- Шабанов В.Л. Ресурсы сельских домохозяйств как фактор производственного потенциала АПК // Островские чтения. 2018. № 1. С. 31–35.
- Aldrich H.E., Waldinger R.D. Ethnicity and Entrepreneurship // Annual Review of Sociology. 2003. № 16 (1). P. 111–135. DOI:10.1146/annurev.so.16.080190.000551.
- Kohlbacher J., Protasiewicz M.P. The Ethnic Economy in CEE Metropolises: A comparison of Budapest, Prague, Tallinn and Wrocław. University of Warsaw: Centre of Migration Research, 2012.
- Lamb N.H., Butler F., Roundy P. Family Firms and Corporate Social Responsibility: Exploring “Concerns” // Journal of Strategy and Management. 2017. № 10 (4): 469–487. DOI: 10.1108/JSMA-02-2016-0010.
- Light I., Gold S.J. Ethnic Economies. San Diego: Academic Press, 2000.

Статья поступила: 16.02.22. Принята к публикации: 17.05.22.

ETHNIC FEATURES OF FARMING, OR WHO HAS MORE LIVESTOCK?

LUSHNIKOVA O.L.

Khakass Research Institute of Language, Literature and History, Russia

---

Olga L. Lushnikova, Cand. Sci. (Sociol.), Senior Research Fellow of the Department of Economics and Sociology, Khakass Research Institute of Language, Literature and History, Abakan, Russia (oltolt@mail.ru).

Abstract. Researchers are studying the personal subsidiary farming to find ways out of the prolonged crisis of the rural areas. The one is as optimal “survival” strategy, especially for the indigenous ethnic groups of Russia, traditionally living in rural areas. However, this strategy isn’t suitable for all because of the difference in ethnic and cultural features and another condition (large/small village). This article attempts to assess economic behavior through the prism of ethnic factor. It compares the features of livestock breeding among main ethnic groups of Khakassia (Russians and Khakass people). The role of the household varies for different groups: it’s a forced way of existence for some; it’s an additional source for others, while yet others don’t consider it as a source of income. Administrative and territorial features also affect peculiarities of livestock breeding. The number of farmsteads and the composition of farm animals vary. The household as the main type of employment has a high potential for the indigenous population. There is such possibility for ethnic majority of the region in small countryside.

Keywords: rural population, countryside, personal subsidiary farm, household, livestock, indigenous population, Khakass people.

REFERENCES

- Adamenko A.A., Khorolskaya T.E., Petrov D.V. (2020) Relevancy and Emergentiveness of the Theory of Ethnoeconomics in the Context of New Economic Reality. *Gosudarstvennoye i munitsipal’noye upravleniye. Uchenye zapiski* [State and Municipal Management. Scholar Notes]. No. 1: 104–109. DOI: 10.22394/2079-1690-2020-1-1-104-109. (In Russ.)
- Aidarbakov F.F., Barlybaev A.A., Nasyrov G.M., Sitnova I.A., Barlybaev U.A. (2019) Development of Ethnic Entrepreneurial Economy: Republic of Bashkortostan Case Study. *Problemy prognozirovaniya* [Studies on Russian Economic Development]. Vol. 30. No. 3: 291–298. (In Russ.)
- Akhmetov V.Ya. (2019) Problems and Prospects for the Development of Non-Agricultural Activities in Rural Areas of the Republic of Bashkortostan. *Vestnik Evraziyskoy nauki* [The Eurasian Scientific Journal]. Vol. 11. No. 5: 3. DOI: 10.15862/03ECVN519. (In Russ.)
- Aldrich H.E., Waldinger R.D. (2003) Ethnicity and Entrepreneurship. In: *Annual Review of Sociology*. No. 16 (1): 111–135. DOI: 10.1146/annurev.so.16.080190.000551.

- Andreev A.L. (2017) Global World and Ethnic Revolution. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskoye i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 4: 23–36. DOI: 10.14515/monitoring.2017.4.03. (In Russ.)
- Badmaeva N.V., Kovanova E.S. (2020) Ethno-Economics as a Factor in the Development of Regions (on the example of the Republics of Kalmykia and Buryatia). *Byulleten' Kalmyt'skogo nauchnogo tsentra RAN* [Bulletin of the Kalmyk Scientific Centre of the RAS]. No. 3: 294–305. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-294-305. (In Russ.)
- Bagomedov M.A. (2014) Ethnoekonomika and Implementation Issue Priority of the “Whitewash Economy” of Dagestan. *Voprosy strukturizatsii ekonomiki* [Issues of Structuring the Economy]. No. 3: 12–21. (In Russ.)
- Bakshiev S.L. (2016) To the Concept of Essence and Place of Ethnoeconomics in the Economy of Region. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskiye i obshchestvennye nauki* [Humanities, Social-Economic and Social Sciences]. Vol. 26. No. 5: 146–150. DOI: 10.17150/2500–2759.2016.26(5).705-712. (In Russ.)
- Bizhoyev B.M. (2021) Conceptualization of Ethnic Economies: Instrumental and Methodological Analysis. *Vestnik Altayskoy akademii ekonomiki i prava* [Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law]. No. 11–2: 143–148. DOI: 10.17513/vaael.1927. (In Russ.)
- Dongak B.A. (2016) Features of Ethnic Economy of Tuvinians. *Ekonomicheskiye i humanitarnye issledovaniya regionov* [Economic and Humanities Researches of the Regions]. No. 1: 87–90. (In Russ.)
- Igosheva M.A. (2020) Economic Resource of Ethnic Identity in the Conditions of Current Migration Processes. *Filosofskaya mysl'* [Philosophical Thought]. No. 7: 72–84. DOI: 10.25136/2409–8728.2020.7.33513. (In Russ.)
- Ivanova M.V. (2018) Ethnic Economy: Approaches to the Definition. *Trudy Kol'skogo nauchnogo tsentra RAN* [Transactions Kola Science Centre]. Vol. 9. No. 7–14: 6–13. DOI: 10.25702/KSC.2307-5252.2018.7.7-13. (In Russ.)
- Kohlbacher J., Protasiewicz M.P. (2012) *The Ethnic Economy in CEE Metropolises: A comparison of Budapest, Prague, Tallinn and Wrocław*. Warsaw: University of Warsaw.
- Kolesnikov Y.S. (2003) Ethnic Economy in Destinies Modernization of the South of Russia. *Ekonomicheskiy vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Economic Bulletin of Rostov State University]. Vol. 1. No. 2: 19–24. (In Russ.)
- Lamb N.H., Butler F., Roundy P. (2017) Family Firms and Corporate Social Responsibility: Exploring “Concerns”. *Journal of Strategy and Management*. No. 10 (4): 469–487. DOI:10.1108/J5MA-02-2016-0010.
- Lebedeva N.N., Lomovseva O.A. (2006) Social Capital and Modernization of Ethnoeconomics of Russian South. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World]. No. 2: 109–118. (In Russ.)
- Light I., Gold S.J. (2000) *Ethnic Economies*. San Diego: Academic Press.
- Logacheva A.S. (2005) Khakassiya: Changing Life Conditions in the Popular Reception. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 82–84. (In Russ.)
- Nechiporenko O.V. (2013) Part-Time Farms of Rural Population in the Context of Social Adaptation Practices. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Philosophy]. Vol. 11. No. 2: 86–92. (In Russ.)
- Oorzhak K.-D.K. (2019) Ethno-Economics of Tuva: Current State and Development Prospects. *Ekonomicheskiye otnosheniya* [Journal of International Economic Affairs]. Vol. 9. No. 3: 1759–1774. DOI: 10.18334/eo.9.3.40949. (In Russ.)
- Panikarova S.V., Vlasov M.V., Chebodaev V.P. (2011) Institutes of Development in Ethno-Economics. *Problemy sovremennoy ekonomiki* [Problems of Modern Economics]. No. 4: 53–57. (In Russ.)
- Pavlov K.V. (2016) Ethno-Territorial and National Models of Management and Economy. *Oprosy territorial'nogo razvitiya* [Territorial Development Issues]. No. 4 (34): 3. (In Russ.)
- Persidskaia O.A. (2019) The Role of Value Orientations of Young Tuvans in the Spatial Development of the Republic of Tuva. *Novye issledovaniya Tuvy* [The New Research of Tuva]. No. 3: 41–51. DOI: 10.25178/nit.2019.3.4. (In Russ.)
- Pozanenko A.A. (2018) “A Separate Little Republic”: Structural Specifics of Spatially Isolated Local Rural Communities. *Mir Rossii* [Universe of Russia]. Vol. 27. No. 4: 31–55. DOI: 10.17323/1811-038X-2018-27-4-31-55. (In Russ.)
- Runova N.Yu. (2021) Ethnic Entrepreneurship: an Analysis of the Main Definitions. *Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo* [Journal of Economics, Entrepreneurship and Law]. Vol. 11. No. 2: 323–332. DOI: 10.18334/epp.11.2.111589. (In Russ.)
- Shabanov V.L. (2018) Resources of Rural Households as a Factor of Agricultural Production Potential. *Ostrovskiy chteniye* [Ostrovsky Readings]. No. 1: 31–35. (In Russ.)
- Simonov S.G., Yamova O.V., Khamathanova M.A., Arynova Z.A. (2020) Ethnic Entrepreneurship and Local Business Community: Experience of Interaction in the Consumer Market in the Region. *Vestnik Omsk-*

- ogo universiteta. Seriya "Ekonomika" [Herald of Omsk University. Series: Economics]. Vol. 18. No. 1: 162–171. DOI: 10.24147/1812-3988.2020.18(1).162-171. (In Russ.)
- Velikiy P.P. (2020) Contradictions in the Living Space of the Village: Genesis, Present, Future. *Regional'nye agrosistemy: ekonomika i sotsiologiya* [Regional Agrosystems: Economics and Sociology]. No. 4: 67–71. (In Russ.)
- Velikiy P.P. (2019) Owners of Private Farmsteads: Differentiation, Problems, Outlook. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 12: 48–60. DOI: 10.31857/5013216250007734-0. (In Russ.)
- Velikiy P.P., Shabanov V.L. (2019) Features of Agrarian Self-employment. Experience of Sociological Research of the Independent Economy of Rural Families. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'* [Historical and Social Educational Idea]. Vol. 11. No. 4: 105–121. DOI: 10.17748/2075-9908-2019-11-4-105-121. (In Russ.)
- Zhalsanova V.G. (2018) The Private Subsidiary Farming of Rural Residents: Survival Way or Development Way? (Based on the Materials of Sociological Research in the Republic of Buryatia). *Sotsiodinamika* [Sociodynamics]. No. 9: 1–7. DOI: 10.25136/2409-7144.2018.9.27201. (In Russ.)

Received: 16.02.22. Accepted: 17.05.22.

В.Л. ДЬЯЧКОВ, В.В. КАНИЩЕВ, А.В. ОКАТОВ

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В РУССКОЙ ДЕРЕВНЕ XX – НАЧАЛА XXI в. (на материалах Тамбовской области)

ДЬЯЧКОВ Владимир Львович – кандидат исторических наук, доцент (roshist@tsu.tmb.ru); КАНИЩЕВ Валерий Владимирович – доктор исторических наук, профессор (valcan@mail.ru); ОКАТОВ Александр Владимирович, кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой теоретической и прикладной социологии (okatov32@gmail.com). Все – факультет истории, мировой политики и социологии Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина, Тамбов, Россия.

Аннотация. В статье с позиций междисциплинарного подхода рассмотрены данные исторических источников и различных форм социологических опросов, которые позволяют характеризовать микромиграционные процессы в сельских социумах типичной аграрной Тамбовской области. Проведен анализ фактов бесповоротного отъезда из сельской местности и возвратной миграции, особенно молодых специалистов советского времени, проявлений маятниковых перемещений нынешних селян и их ранее мигрировавших родственников. Получены подтверждения сделанного ранее наблюдения о роли в возвращении на родину «зова предков». Внимание обращено на исторические и социально-психологические факторы состоявшихся миграций. Предпринята попытка установить направления и субъективные мотивы миграционных планов изученных групп сельского населения, которые во многом, по мнению авторов, являются мечтаниями, отчасти иллюзорными.

Ключевые слова: историческая социология • сельское население • миграции • Тамбовская область

DOI: 10.31857/S013216250019393-5

Представлены результаты проекта по изучению миграционного движения в современной российской деревне. Актуальность работы авторы видят в необходимой для современной науки междисциплинарности и прагматичной полезности изучения нынешнего русского села, особенно в условиях пандемического кризиса. При наличии исследований миграционных процессов на общероссийском уровне и уровне отдельных регионов России редкими являются исследования миграции на уровне отдельных поселений. Такие исследования позволяют видеть и количественные закономерности, и определить мотивы миграционного поведения конкретных людей.

Разнообразие подходов к изучению миграции в российских регионах. В последнее время подобные исследования предпринимали экономисты и социологи регионов страны. Е.В. Мезина на материалах Ставрополя показала, что для большинства респондентов определяющими являются такие факторы миграции, как низкая заработная плата, отсутствие перспективы работы и учебы [Мезина, 2011]. О.А. Козлова и А.А. Проворова, изучив миграционные установки населения Северного региона, определили направления желательного переезда городских и сельских жителей Архангельской области [Козлова, Проворова, 2016]. О.Н. Калачикова и А.П. Будилов представили анализ ответов сельской

Работа выполнена в рамках проекта РНФ № 18-18-00187. Сбор эмпирических данных (анкетирование, глубинные интервью) осуществлен сотрудниками Центра социологических исследований Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина, координатор – студент 4 курса направления подготовки «Социология» С.И. Слетков.

молодежи Вологодской области на вопрос «Какие чувства вы испытываете по отношению к региону проживания?», сравнив данные 2012 и 2016 гг. Хотя в эти годы у опрошенных сохранялся высокий процент позитивного отношения к месту рождения, исследование показало преобладание стремлений к переезду в город по экономическим причинам. Отмечено положительное отношение части молодежи к ритму сельской жизни вкупе с хорошей экологической ситуацией и просторным жильем [Калачикова, Будилов, 2018].

В большинстве исследований процессов миграции анализ направлений выезда/въезда, мотивов миграционных устремлений ведется раздельно, редко рассматривается их историческая «глубина». Но некоторые работы эти подходы учитывают хотя бы на уровне сельского населения областей, районов и даже сельских поселений. Не только отток, но и возвращение как заметное явление конца прошлого столетия отмечали применительно к Тамбовской, Курской, Пензенской областям авторы очерков «Население России в XX в.» [Население России..., 2011]. Среди работ, посвященных историческим аспектам сельской миграции, выделим статью О.М. Вербицкой о миграционных процессах на постсоветском пространстве 1990-х гг.: подробно рассмотрена реализация программ переселения русских людей из бывших республик СССР, показаны сложности их реализации. По мнению автора, многие вынужденные переселенцы не задержались в сельской местности, переехав в большие города [Вербицкая, 2018]. В какой-то мере исторический характер носит раздел демографического исследования Белгородской области Л.Л. Рыбаковским. Отмечая особенности региона, автор обратил внимание на сравнительно большой миграционный прирост в регионе, в 1990–2000-е гг. обеспечивший положительный прирост населения. К сожалению, автор не выделил специфику миграционных процессов в сельской местности Белгородской области [Практическая демография..., 2005].

Из близких нашей теме работ выделим монографию о возвратной миграции коллектива сотрудников Института географии РАН; в её основе – экспедиционные исследования 2014–2016 гг. в ряде областей России, включая Тамбовскую [Между домом..., 2016]. Т.Г. Нефедова и А.М. Старикова обратились к особенностям миграций населения Центра России. Для нашей темы интересны их наблюдения о причинах миграций в Подмосковье и соседних нечерноземных областях, измерения масштабов отходничества, внимание к возвратным миграциям. Для обоснования нашего подхода важны указания этих авторов на использование материалов переписей населения и текущей статистики последних 10 лет, особенно хроногеографического подхода [Нефедова, Старикова, 2020]. М.Б. Денисенко и У.Г. Николаева, изучив миграционную составляющую на микроуровне различных муниципалитетов Костромской области, показали её неоднородность даже в сельской местности [Денисенко, Николаева, 2015].

Н.Е. Покровский, А.Ю. Макшанчикова и Е.А. Никишин показали, как пандемия COVID-19 привела к росту нетипичных миграционных процессов, к массовому оттоку в марте – начале мая 2020 г. жителей Москвы в загородные дома в Московской, Владимирской, Костромской, Вологодской, Нижегородской областях. Для историков интересна мысль о том, что эти процессы протекают в специфических условиях незавершенной урбанизации и одновременно начавшейся постурбанизационной стадии. Правда, не совсем ясно, почему авторы рассматривают только переезд горожан во «вторые дома» (дачи), не учитывая отъезд в родительские дома. Это стало бы более заметно, если социологи обратились бы к материалам областей южнее Московской, где немало крепких сельских поселений с развитым личным подворьем, способным прокормить «возвращенцев» [Покровский и др., 2020].

Методология и эмпирическая база исследования. Тамбовские историки на протяжении двадцати с лишним лет изучают социально-демографические процессы в среде сельского населения юга Центральной России. Анализ статданных показал, что последние 50 лет демографические процессы в деревне Центрального Черноземья развивались как сочетание депопуляции (естественной убыли населения) и девастации (запустения в результате миграции). При этом происходила обратная миграция, особенно в критические

периоды (1990-е, 2020–2021 гг.) в родную для бывших селян среду с установкой пережить «лихие времена» [Исторические исследования..., 2020; Канищев, Жиров..., 2021].

Целью данного исследования мы поставили комплексное изучение современных миграционных процессов на первичном поселенческом уровне с учетом исторической подоплеки. Исследовались расположенные в разных частях Тамбовской области пгт Сосновка (современные жители во многом сохраняют сельский образ жизни), села Подлесное, Туголуково, Искра, Ярославка и Сычевка. По историческим корням их жители были переселенцами из Московского центра России, постоянно участвуя в миграционных процессах. В целом отобранные поселения исторически были типично русскими земледельческими селами, имели разную социальную основу, испытали административные и хозяйственные перемены XX в., существенно определившие процессы выбытия и прибытия населения.

Эмпирической базой исторической части исследования служили данные о миграциях сельского населения на микроуровне, отраженные в электронных базах данных «Подвиг народа» и «Мемориал», печатных Книгах Памяти и книгах «Вернулись с Победой» районов Тамбовской области. В них запечатлены перемещения десятков тысяч сельских жителей в 1920–1950-е гг.¹ Социологическая часть эмпирической базы обеспечена материалами исследований 2018–2021 гг., проведенных методами анкетирования (опроса) и интервьюирования².

Исторический аспект миграционных процессов в сельских поселениях Тамбовской области. После обработки первых результатов опросов в четырех поселениях обнаружилась доля респондентов, родившихся в других территориях (от 20 до 42%). Мы высказали предположение о роли «зова предков» в пополнении сельских поселений уроженцами других мест. Выражение «зов предков» мы используем как метафору. Конечно, у нас больше косвенных обоснований этой метафоры. На основе массовых исторических источников выявлены места давнего переселения уроженцев населённых пунктов, откуда с большой долей вероятности вернулись потомки тех переселенцев [Дьячков и др., 2020]. Проведение новых опросов в 2-х поселениях дополнило наши суждения двумя прямыми и несколькими косвенными фактами.

Источники свидетельствуют, что в миграции из Ярославки и Сычевки первой половины XIX в. заметен факт преодоления аграрного перенаселения «вольных» государственных крестьян. Сотни молодых жителей сел направлялись на юго-восток, заполняя не полностью освоенные угодья Тамбовской губернии. Наиболее из них уходило на юг – в казацкие регионы Дона, Кубани, Нижней Волги, Терека. Изучение «патронимических следов» распространения на новые территории специфически ярославских и сычевских фамилий показало, что некоторые из них ушли в молоканство, и эта своеобразная повышенная социальная активность была погашена властью выселением в Закавказье и Приазовье. Ономастический подход позволил установить сословно-родственные брачные миграционные связи Ярославки и Сычевки с окрестными казёнными селами, полное отсутствие таких связей с помещичьими селениями.

В 1865 г. началось строительство Рязанско-Уральской железной дороги, к Первой мировой войне превратив г. Козлов с прилегающими селениями в одно из «сердец» железнодорожного пространства по линии Смоленск – Транссиб. В жизни Ярославки и Сычевки произошел второй «коренной перелом». Началом его было массовое вовлечение населения в строительство железной дороги в «шаговой доступности» от дома. Далее расширялись обучение и втягивание в различные роды занятий, а потом и переселение.

¹ Обобщенный банк данных «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». URL: <http://podvignaroda.ru>; Обобщенный банк данных «Мемориал». URL: <https://obcd-memorial.ru>

² Опрос был обеспечен необходимым объемом выборки (Сосновка – 846 чел. (n = 9,8% от генеральной совокупности (далее N)), Подлесное – 137 чел. (13,0% от N), Туголуково – 282 чел. (27,4% от N), Искра – 148 чел. (61,9% от N), Ярославка – 306 чел. (30,3% от N), Сычёвка – 125 чел. (33,3% от N). Общий объем выборки – 1844 чел. (15,0% от N). Ошибка выборки 1,62% при уровне значимости 95%. Интервьюирование включало глубинные интервью 13 жителей Ярославки и Сычевки.

За 30 лет после того, как РУЖД прошла рядом с Ярославкой и Сычевкой, их «розы» эмиграции развернулись на 180 градусов. Эмиграция отныне набирала ход по главной линии Козлов – Москва – С.-Петербург (с «отстрелами» «в бок» от Козлова до Москвы). Другим направлением стало оседание железнодорожников ярославско-сычевского происхождения на станциях от Тамбова до Уральска с дальнейшим переходом на Транссиб и КВЖД и оставлением родовых следов от Челябинска до Харбина.

По принципу «один переехал и манит за собой родню» выбирались субрегион, сельский населенный пункт и район в крупном городе внутри региона приема. Так, уроженцы Ярославки Попов П.С. и Попов К.В. были призваны в РККА Рыбинским РВК Красноярского края, их земляки Кобзев С.Г., Конобеев А.Н., Шишков А.И., Конобеев В.А., Брыксин В.Е., Брыксин И.Г. оказались в РККА через Ояшинский РВК Новосибирской обл. Кунцевский РВК Москвы призвал в РККА не менее десятка ярославцев и сычевцев.

Исторические материалы свидетельствуют о масштабах предвоенных миграций. Результаты анализа баз данных участников Великой Отечественной войны показали, что более 70% мигрантов из шести изученных поселений десятки лет назад выехали в столицы и регионы европейской части России, около 10% – в Сибирь и на Дальний Восток, 3–9% – в республики СССР.

Данные социологических опросов и интервью 2018–2021 гг. показывают, что из благоприятных для жизни и карьеры мест (столицы, юго-западный, южный и др. регионы) возврат потомков имел место много меньше отъезда – максимум 40% от указавших рождение за пределами Тамбовской области. Социологический анализ позволил увидеть

Таблица 1

Места рождения некоренных жителей тамбовских сельских поселений

Место рождения	Подлесное		Сосновка		Туголуково		Искра		Сычевка		Ярославка		Общий итог	
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
Свой район	15	29	96	43	30	67	21	49	15	82	13	27	190	44
Другие районы Тамбовской области	10	19	21	9	3	7	1	2	1	6	12	24	48	11
Города Тамбовской области	5	10	35	16	2	4	3	7	0	0	12	24	57	13
Соседние области	2	4	2	1	4	9	2	5	0	0	2	4	12	3
Другие области европейской части РФ	9	17	19	9	2	4	6	14	1	6	5	10	42	10
Сибирь	3	6	9	4	0	0	1	2	0	0	2	4	15	3
Другие государства	3	6	27	12	0	0	0	0	1	6	3	6	34	8
В т.ч. республики СНГ	3	6	26	11	0	0	0	0	1	6	3	6	34	8
Дальнее зарубежье	0	0	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0
Неопределенные	5	9	14	6	4	9	9	21	0	0	0	0	32	7
Итого	52	100	223	100	45	100	43	100	18	100	49	100	430	100

следы миграций предков вдоль железных дорог: современных переселений в Ярославку уроженцев крупных ж.д. узлов Бологое, Москва, Тверь, Рязань.

Масштаб возвращения в родные края потомков тех, кто уехал за пределы РСФСР, примерно равен долям уехавших в этих направлениях до войны. Такое явление понятно с учетом того, что русским людям после распада СССР стало «неуютно» в республиках СНГ. На «малую родину» предков в последние десятилетия потянуло родившихся в соседних областях – 3% современных иммигрантов, почти столько же в процентном отношении, как и мигрировавших в этом направлении до войны.

В среднем 3% участников опросов составили лица, родившиеся в Сибири и на Дальнем Востоке. По удельному весу их меньше, чем среди мигрантов предвоенного времени. Это отчасти подтверждает версию о масштабном выезде жителей азиатской части Российской Федерации в западные районы страны в постсоветский период («западный дрейф»). Вероятно, возврат из восточного «далёка» шел не только на историческую дореволюционную родину предков.

Миграционные установки современных тамбовских селян. Мы пытались выяснить эмиграционные настроения нынешних жителей обследованных селений.

Таблица 2 показывает, что свыше 60% опрошенных не собирается покидать родные места: в современном русском селе средней полосы европейской части остались жить те, кто «прикипел» к сельской жизни. Точно намерены покинуть свои поселения в среднем около четверти респондентов. Около 13% опрошенных попали в разряд сомневающихся. Поэтому доля потенциальных мигрантов из изученных поселений составляет до трети опрошенных.

В изученных селах средний возраст опрошенных и членов их семей 37 лет. Молодежь до 35 лет насчитывает не менее 40%. Теоретически все они могли покинуть село, но частично остаются. Анализ возрастного измерения миграционных установок современных тамбовских селян показал, что желание покинуть родные места обратно

Таблица 2

Миграционные планы жителей тамбовских сельских поселений

Показатели		Подлесное	Сосновка	Тулоуково	Искра	Сычёвка	Ярославка	Общий итог
Собираетесь ли вы покинуть данный населенный пункт?	Хотел(а) бы, но нет возможности	6 4,4%	90 10,8%	57 20,4%	38 26,0%	1 0,8%	36 11,9%	228 12,5%
	Точно нет	96 70,1%	489 58,8%	182 65,0%	77 52,7%	119 95,2%	218 72,2%	1181 64,8%
	Точно да, в ближайшее время (в течение года)	9 6,6%	94 11,3%	10 3,6%	9 6,2%	1 0,8%	13 4,3%	136 7,5%
	Точно да, в течение 1–2 лет	13 9,5%	60 7,2%	9 3,2%	10 6,8%	2 1,6%	14 4,6%	108 5,9%
	Да, через несколько лет (более 2-х лет)	13 9,5%	99 11,9%	22 7,9%	12 8,2%	2 1,6%	21 7,0%	169 9,3%
Итого		137 100,0%	832 100,0%	280 100,0%	146 100,0%	125 100,0%	302 100,0%	1822 100,0%

Таблица 3

Мотивы потенциальной миграции жителей тамбовских сельских поселений (в %)

Мотив миграции	Подлесное	Сосновка	Туголуково	Искра	Сычёвка	Ярославка
Нет возможности получить хорошее образование	18,2	23,3	20,8	15,8	0	18,1
Низкий уровень жизни (низкая зарплата / пенсия или отсутствие работы)	37,9	33,5	37,1	39,9	45,5	45,7
Не устраивает качество медицинского обслуживания	6,1	9,1	1,9	19,7	0	11,8
Мало возможностей для проведения свободного времени (нет кинотеатров, клубов, музеев и т.п.)	21,2	19,3	20,8	18,2	27,3	12,6
Мало магазинов и кафе	6,1	4,6	10,7	3,8	27,3	4,7
Плохая экологическая обстановка	1,5	1,4	0	0	0	0,8
Высокий уровень преступности	0	0,5	0	0	0	0
Низкий социальный и культурный уровень населения (хамство, алкоголизм, наркомания и т.п.)	1,5	5,6	5,7	2,3	0	3,1
Другое	7,6	2,6	3,1	3,0	0	3,1

пропорционально возрасту респондента. Среди молодежи до 25 лет число потенциальных мигрантов достигает 80% и более. Исключение – села Сычёвка и Туголуково (не более 50%). Жители старше 36 лет в большинстве (более 70%) никуда не собираются.

Результаты анализа мотивов потенциальных мигрантов первых опросов свидетельствуют о примерном равенстве материальных и социально-культурных мотивов возможного отъезда из своего населенного пункта. В Сычёвке и Ярославке ситуация различна – материальные факторы, побуждающие к миграции, в Ярославке назвали 50% респондентов, чуть больше опрошенных в 4-х первых селах, в Сычёвке – 73%. Последнее число, на наш взгляд, связано с малым числом желающих уехать из данного села – менее 5% опрошенных. Неодинаковы данные о социально-культурных мотивах: 42% – у респондентов из Ярославки, 27% – у респондентов из Сычёвки. Преобладание социально-культурных запросов жителей трех из шести обследованных сельских поселений несколько необычно. Большинство опросов такого рода, прежде всего, указывает на материальные факторы миграции.

Для молодежи до 25 лет значимо отсутствие возможности получения хорошего образования (до 70% в отдельных поселениях). Трудоспособные граждане (26–45 лет) чаще обращают внимание на низкий уровень жизни (в среднем более половины респондентов этого возраста, в ряде поселений до 80%). Примечательно, что участники опроса свыше 56 лет редко называют низкое качество медицинского обслуживания в качестве причины возможного отъезда из родного поселения.

В результатах опросов невысоки значения морально-психологических факторов «выталкивания» из сельской местности (низкий социальный и культурный уровень населения, уровень преступности). Опрошенные селяне характеризуют свою жизнь как спокойную. Респонденты тамбовских поселений указали на малую роль или вовсе отсутствие роли экологического фактора как причины миграции: «места у нас воздушные».

Ответы на вопрос о желаемом направлении предполагаемой миграции из обследованных поселений (условно миграционные мечты) прозаичны. О желании переехать в райцентр заявили 4 жителя с. Искра и 1 житель с. Ярославка. В другие города Тамбовской области, главным образом в Тамбов, планирует переехать большая часть «мечтателей» – 40–60% респондентов пяти поселений и 100% – с. Сычёвка (здесь областной центр – предмет мечтаний пяти опрошенных). Детальное изучение показало, что в эту пятерку вошли четыре молодые женщины, незамужние, стремящиеся к заведению семьи и детей, в большинстве имеющие среднее специальное или высшее образование,

Таблица 4

Направления миграционных мечтаний опрошенных жителей сел Тамбовской области

Желаемое направление миграции	Подлесное		Сосновка		Туголуково		Искра		Сычёвка		Ярославка	
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
Райцентр	0	0	0	0	9	11	4	7	0	0	1	2
Другие города Тамбовской области	9	64	120	43	34	41	29	48	5	100	31	49
Соседние области	0	0	9	3	4	5	2	3	0	0	1	2
Другие области европейской части РФ	3	21	101	36	28	34	13	21	0	0	22	35
Сибирь	0	0	2	1	0	0	0	0	0	0	0	0
Другие государства	1	7	20	7	3	4	4	7	0	0	4	6
В т.ч. республики СНГ	0	0,0	5	2	2	2	3	5	0	0	1	2
В т.ч. дальше зарубежье	1	7	15	5	1	1	1	2	0	0	3	5
Неопределенное	0	0	7	3	2	2	5	8	0	0	3	5
Итого	14	100	279	100	83	100	61	100	5	100	63	100

ведущие здоровый образ жизни, недовольные уровнем жизни в селе. Свои устремления они надеются реализовать в областном центре. Вероятно, единственный мужчина в этой группе, образованный, без вредных привычек, молодой, разведенный, надеется решить свои семейные и материальные проблемы в Тамбове. Данные тамбовских сел аналогичны материалам опроса сельского населения Архангельской области, которое ориентировано на переезд в крупный город своего региона, не за пределы области [Козлова, Проворова, 2016].

Соседние области Центрально-Черноземного региона как миграционная мечта почти не привлекают опрошенных (максимум 5% в Туголуково). Другие регионы Европейской России, прежде всего Москва, занимают в ответах о планах миграции 21–36%. Нынешние жители тамбовских сел в отличие от предков не думают о переезде в Сибирь. 4–7% респондентов из сел Искра, Подлесное, Туголуково, Ярославка, поселка Сосновка многократно чаще предков мечтают о заграничье. Только в Сычёвке не нашлось таких. Помимо стран СНГ и развитых стран дальнего зарубежья потенциальных мигрантов влекут экзотические места типа ОАЭ, Южной Кореи и острова Бора-Бора в Полинезии (в последнем ответе предполагаем желание поёрничать).

Возвратная миграция: изучить её время и место позволили опросы 2018–2021 гг. Бросается в глаза малый показатель временного отъезда по разным причинам до 1970-х гг. В некоторых изученных населенных пунктах среди опрошенных не оказалось лиц, отъезжавших 1950–1960-е гг. на учёбу/работу. Причины не только в малом числе вернувшихся домой мигрантов тех лет или не уезжавших вообще, но и в небольшой доле среди респондентов людей старше 70 лет. Мог сказаться и случайно небольшой круг опрошенных. В ходе глубинных интервью выяснилось, что в с. Сычёвка живут люди с образованием выше среднего, полученным более 50 лет назад, что не выявил опрос 2020 г.

Рост показателя удельного веса вернувшихся после учёбы в 1970–1980-е гг. до 32–43% объясним: в тот период молодым специалистам в селах создавались условия, которые

способствовали их закреплению на работе, тем более в родных местах. Сравнительно высокий процент возврата после учёбы в 1990-е гг. объясняется расширением в то время возможностей поступить в вузы, техникумы, училища, а также сложностями трудоустройства в городах.

Тенденции 1990-х гг. впоследствии развивались неравномерно. В южных тамбовских сёлах, а также Ярославке в 2000–2010-е гг. доля вернувшихся после учёбы выше, чем в конце XX в. В Сосновке этот показатель остался на прежнем уровне, в Подлесном заметно сократился. В любом случае нельзя говорить о резком сокращении в это время возвратной учебной миграции обследованного сельского населения. Выезд на учёбу за пределы области в Туголуково, Искре, Ярославке составлял 18–27%, а в Подлесном и Сосновке – 95–100%. В первых трёх сёлах еще 35–46% выезжали на учёбу в Тамбов. Другими словами, у большинства опрошенных выезд на учёбу в «дальние края» и областной центр не стал препятствием возвращению домой.

Ответы на вопрос о местах службы в армии дали ожидаемые ответы. Почти все местные призывники проходили военную службу вне области. Анализ периодов отъезда современных жителей обследованных сёл на службу в армию показал низкие значения показателя для 1950–1960-х гг. Полагаем, что это связано с малым числом среди опрошенных мужчин старше 70 лет, в меньшей мере – с высокой степенью невозврата домой солдат призывов тех лет. В Туголуково сравнительно большую долю вернувшихся домой (20%) составили призванные в 1960-е гг. Возможна привлекательность райцентра.

Относительно высокий удельный вес вернувшихся на родину солдат 1980-х гг. мы связываем с привлекательностью сельскохозяйственного труда для части демобилизованных. Об обратном говорят цифры 1990-х гг. Вряд ли в эти годы призывалось малое число жителей изученных сёл. Вероятно, мало из них возвращались на постоянное жительство домой. Данные 2000–2010-х гг. свидетельствуют, что недавние солдаты вновь стали «оседать» скорее дома.

Ответы на вопрос о направлениях отъезда на заработки очередной раз подтвердили известное: большинство селян выезжали на заработки в города плюс трудовая миграция в другие села в большинстве случаев за пределы Тамбовской области.

На вопрос о времени отъезда ответы варьируют. По понятным причинам среди респондентов всех селений мало или вовсе нет людей, вернувшихся с заработков до 1980 г. В 4-х селах спад показателя возврата после трудовой миграции домой в 1990-е гг. объясним недостатком там работы. Рост цифр 2000–2010-х гг. вряд ли связан с увеличением рабочих мест на родине. Скорее всего, родные тамбовские села с умеренным климатом и надежным подсобным хозяйством расценивались многими трудоспособными как тыл вахтовой и маятниковой миграции.

Результаты интервью с жителями тамбовских сел углубили данные опросов по проблемам миграций в 2021 г. в селах Сычевка и Ярославка. В основе построения выборочной совокупности легли методы невероятностной (неслучайной) выборки. В частности, были применены метод типичных представителей. Ключевым признаком, в качестве контрольного, выступили данные архивов о фамилиях коренных жителей сельских поселений. С членами этих семей, в первую очередь, проводилось интервьюирование. Использовался метод «снежного кома», в ходе интервьюирования отбор дополнительных (последующих) респондентов после ссылки на них первоначально отобранных и метод стихийного отбора (метод «первого встречного») – опрашивались жители сельских поселений, встреченные на улицах. Мы пытались найти для интервью людей с «гнездовыми» фамилиями двух сёл. Помимо вопросов о социальных и психологических мотивах современных миграций в программе интервью были вопросы семейной памяти о родственниках-мигрантах.

Современные жители двух сёл помнят немного фактов давних миграций. 46-летняя жительница Ярославки: «Дед по здоровью на фронт не попал, а попал на трудовой. Его отправили в Амурскую область». Вспомнила этот факт она потому, что родилась в Амурской

области. Большинство отвечавших позабыли точные годы отъезда родственников. Типичными были: «Все это в период перестройки было», «Это было до 90-х годов».

Для историко-демографического исследования интересны результаты интервьюирования по вопросу направлений отъезда. Мы просили выделять факты переезда в район Дмитровку, города Мичуринск, Тамбов, Москву, Ленинград (С.-Петербург). Результаты подтвердили традиционное стремление жителей Ярославки и Сычёвки переселиться в Москву – 7 фактов, Тамбов – 4 факта, Мичуринск – 2 факта. Подтвердилось предположение о повышенной миграции в район – минимум 6 человек.

С исторической точки зрения понятно сохранение проявлений локального «брачного рынка»: 2 факта выхода замуж из Сычёвки в Ярославку, 2 – из Ярославки в Дмитровку, 1 – из Ярославки в Сычёвку. С другой стороны, из интервью показали расширение этого «рынка» со второй половины XX в.: выход замуж и отъезд в Мичуринск, Москву, Московскую, Пензенскую, Саратовскую области.

В позднесоветское время никто из жителей Ярославки и Сычёвки, фигурировавших в интервью, не переезжал в республики СССР. Практически нет упоминаний о миграции родственников в Сибирь, на Европейский Север и юг Российской Федерации. Два случая отъезда в дальние и суровые по тамбовским меркам края закончились возвращением на родину. Мы привели факт мобилизации жителя Ярославки на трудовой фронт в Амурскую область. Наиболее интересно для нашего исследования сообщение его внучки о возвращении в родные края: «Причина переезда – сложности с работой. А здесь корни». Другим свидетельством «зова предков» можно признать сообщение жительницы Сычёвки Р.И. Сычёвой об отъезде с мужем в 1960-е гг. в Карелию, затем возвращении в родное село.

По характеру миграции среди родственников участников интервью преобладал безвозвратный отъезд на учёбу – минимум 10 фактов. У интервьюированных имели место отъезд на учёбу и последующая работа в родных сёлах – 7 человек.

Редки упоминания в интервью фактов невозврата в родные сёла после службы в армии. О трёх родственниках: «после армии не вернулись». Из неопределённых по характеру фактов отъезда отметим высказывание одной из участниц интервью про своих детей: «Как выросли, так и уехали».

Ответы на вопрос о занятиях на новых местах жительства разнообразны. По несколько раз названы факты работы инженером, «в больнице», «на заводе». Другие занятия мигрантов назывались единожды: подрывник на угольном карьере, техничка в школе, инспектор ГАИ, бухгалтер, менеджер. Одна из жительниц Ярославки про занятие дочери, живущей в пгт Дмитровка, сказала: «Дома сидит, в огороде копается». Единичен случай выбора уроженцем Сычёвки военной профессии прапорщика. Ещё один из уроженцев села после учёбы в институте недолго служил офицером. Малая тяга к профессиональной службе в армии во второй половине XX – начале XXI в. в сёлах, откуда в довоенные годы вышло немало красных командиров, требует специального изучения. Пока предполагаем, что сказались Великая Отечественная война. В этом контексте интересен ответ 60-летнего жителя Ярославки, который после службы в армии вернулся домой: «Куда я уезжал и где служил? Не скажу (смеется)».

В ответах интервьюированных о периодических наездах родственников типичны формулировки: «Никто из них не возвращался на долгий период. Так, если только на денек погостить». Реже сообщалось: «дочери регулярно навещают, тамбовская дочь каждые выходные, праздники, летом живет с мужем у матери».

Участник интервью в с. Сычёвка местный уроженец В.А. Топильский постоянно живет в Тамбове, имеет дачу в Сычёвке. В июле 2021 г. он в очередной раз «сезонно» жил в селе, но на постоянное жительство переезжать не собирался. В этом факте отражено зафиксированное в научной литературе явление, когда горожане заводят дачи не в садовых товариществах, а в родных сёлах [Между домом..., 2016].

Мы обратили внимание на периодические выезды участников интервью из своих сёл, которые можно оценить как бытовую «маятниковую» миграцию. Сотрудница

Ярославского сельсовета сообщила, что постоянно приходится выезжать в Тамбов и Мичуринск на обучение. Типично высказывание другой жительницы Ярославки: *«Недавно ездила к родственникам в Мичуринск, в Москве была в 2020 году. Постоянно бываю в Тамбове: в больницу, за продуктами».*

Важным в бытовых «маятниковых» миграциях мы посчитали наезды для оказания помощи, участия в ведении личного подсобного хозяйства родственников. Пожилая жительница Ярославки сообщила о дочерях, живущих в Дмитриевке: *«Бывает, приезжают. Я лежала три недели в больнице, они тут все мое хозяйство вели, и за поросятами, и за цыплятами, и помидоры мне посадили и огурцы, всё. А так, ну, приедут на час-два, палас постирать, помогут и обратно».* Р.И. Сычёва ответила короче: *«Дочь из Тамбова помогает по хозяйству».* 4 жителя Сычёвки сказали о детях и родственниках: *«Регулярно навещают, помогают по хозяйству».*

На вопрос о длительном пребывании в родных краях в период пандемии коронавируса в 2020 и 2021 гг. ранее уехавших жителей Ярославки и Сычёвки прямых ответов участницы интервью не дали. Такая ситуация представляется нетипичной. Летом 2020 г. в ходе опросов студентами истфака Тамбовского государственного университета в десятке с лишним сельсоветов области повсеместно выявились – немногочисленные – факты временного пребывания на родине в период карантинных мероприятий ныне жителей больших городов, а также временного отказа от вахтовой работы в Москве и Подмосковье.

Среди давших интервью современных жителей Ярославки и Сычёвки не оказалось желающих уехать из этих мест. К типичным можно отнести высказывание жительницы Ярославки (46 лет): *«Село Ярославку покидать не собираюсь и даже не задумывалась об этом. Я даже не вижу причин, по которым можно было бы уехать. Да и куда?».* Наиболее подробным представляется разъяснение отказа от миграции из родного села 68-летней жительницы Ярославки: *«Мысль покинуть Ярославку возникла (до учебы), но не пришлось. После учебы меня здесь сразу бухгалтером устроили работать. Так и работала. А теперь никуда не собираюсь. Вот если бы меня раньше по направлению куда-нибудь отправили, я бы уехала. А раз я попала в свой колхоз, с одной стороны, обрадовалась, конечно, с другой, нет. Потом прижилась».* Последняя фраза ключевая. Говоря о нежелании уехать, участники интервью упоминали бытовые проблемы в своих сёлах: нехватка рабочих мест, низкое качество медицинского обслуживания, нет чистой воды, магазинов, дорог, уличного освещения, «цивилизации». Вместе с тем звучали заявления типа: *«Я пенсионерка, свет, газ есть. Вроде, нет проблем».* Такие заявления делают люди, привыкшие к современной сельской жизни, готовые терпеть трудности. На них как бы не распространяется закон «возвышающихся потребностей». Вместе с тем они не желают такой жизни своим детям. Можно было услышать: *«Все дети разъехались. Правильно, что им тут делать-то».*

Заключение. Сочетание исторического и социологического подходов к изучению миграции сельского населения на персональном уровне позволило установить разнообразие направлений и мотивов переселений отдельных людей в длинной временной динамике. На материалах 6-ти поселений аграрной Тамбовской области выявлены проявления людских перемещений от традиционной земледельческой миграции (в теплые южные края, затем на богатые плодородной землей лесостепные просторы Сибири) к переселениям, характерным для индустриального общества (в промышленные районы Центра России, добывающие регионы Донбасса и Сибири). В двух селах, расположенных близ железной дороги, проявилось стремление к миграции по «стальным магистралям» по Российской империи и Советскому Союзу.

Исторические данные и воспоминания опрошенных социологами современных сельских жителей не позволяют с большой степенью точности определить мотивы давней миграции их родственников. Наверняка можно сказать, что в меньшей мере это было стремлением к продолжению крестьянской жизни на новой земле, в большей – порывом к неземледельческим занятиям и недеревенскому образу жизни.

Сведения социологических опросов и глубоких интервью позволили выяснить установки сельских мигрантов второй половины XX в. Наиболее заметны факты отъезда сельской молодежи на учебу, затем – поиск престижной для сельских жителей работы и городского комфорта. Исследование показало отсутствие у большинства опрошенных стремления к отъезду с нынешнего места жительства. Но доля потенциальных мигрантов оказалась немалой. Мечтания большинства наших респондентов прозаичны – устремления в города за лучшими материальными благами, в меньшей мере социально-культурными условиями. Преобладают планы переселения в Тамбов и другие близкие к родине места. В некоторых ответах прозвучали в прямом смысле иллюзорные мечтания о переезде в экзотические заграничные места.

Исследование дало возможность выявить истоки и мотивы возвратной миграции. Мы получили дополнительные факты возвращения домой «по зову предков». В некоторых поселениях заметным явлением было возвращение после учебы молодых специалистов, востребованных в советское время в своих селах.

Социологические данные позволили выявить проявления маятниковой миграции, которая трудноуловима по другим источникам. Оказалось, что сельские жители примерно с 1960-х гг. часто совершали поездки по разным делам в близкую внутри-областную округу, в меньшей, но всё-таки заметной мере за пределы области, обычно в гости к родственникам. С другой стороны, родственники, уехавшие из своих сел, не порывали с ними связей, многие продолжали участвовать в сельскохозяйственной деятельности родни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вербицкая О.М. Миграционные процессы на постсоветском пространстве и их влияние на демографический состав населения России (1990-е гг.) // Демографическая история России и регионов: сборник научных трудов. Выпуск II: миграции населения / редкол.: Г.Е. Корнилов (отв. ред.) [и др.]. Екатеринбург: ИИИА УрО РАН, 2018. С. 186–189.
- Денисенко М.Б., Николаева У.Г. Что происходит с сельским населением на ближнем севере России? (на материале Костромской области) // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 70–81.
- Дьячков В.Л., Канищев В.В., Окатов А.В., Слетков И.А. «Зов предков» и миграционные мечтания: география иммиграций и эмиграций в тамбовских селах начала XXI в. // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2020. № 1. С. 23–29.
- Исторические исследования в Центральном Черноземье в 1990–2010-е гг.: коллективная монография / В.Б. Безгин и др. Отв. ред. В.В. Канищев. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2020.
- Калачикова О.Н., Будилов А.П. Отток молодежи из сельской местности: мотивы и возможности регулирования // Социальное пространство. 2018. № 3 (15). С. 1–9.
- Канищев В.В., Жиров Н.А. Естественное движение и миграции сельского населения Черноземного центра России в условиях урбанизации и консервативной модернизации XX–XXI вв. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2021. Т. 23, № 3. С. 115–130.
- Козлова О.А., Проворова А.А. Миграционные установки населения Северного региона (на основе данных социологического опроса) // Динамика и инерционность воспроизводства населения и замещения поколений в России и СНГ. Т. 2: Демографический потенциал регионов России и СНГ: динамика роста и инерционность изменений. Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2016. С. 403–409.
- Между домом... и домом. Возвратная пространственная мобильность населения России / под ред. Т.Г. Нефедовой, К.В. Аверкиевой, А.Г. Махровой. М.: Новый хронограф, 2016.
- Мезина Е.В. Демографические процессы в сельской местности Ставропольского края в контексте региональной безопасности: Автореф. дис. ... канд. экон. наук, М., 2011.
- Население России в XX в. Т. 3. Кн. 2. 1980–1990 гг. / Отв. ред. Ю.А. Поляков. М.: Российская политическая энциклопедия, 2011.
- Нефедова Т.Г., Старикова А.В. Миграции населения как способ адаптации к поляризации пространства в центре России // Социологические исследования. 2020. № 10. С. 24–38.

Покровский Н.Е., Макшанчикова А.Ю., Никишин Е.А. Обратная миграция в условиях пандемического кризиса: внегородские пространства России как ресурс адаптации // Социологические исследования. 2020. № 12. С. 54–64.

Практическая демография. Учебное пособие для вузов. Коллективная монография / Под редакцией Л.Л. Рыбаковского. М.: ЦСП, 2005.

Статья поступила: 24.03.22. Финальная версия: 16.05.22. Принята к публикации: 17.05.22.

SOCIOLOGICAL AND HISTORICAL ASPECTS OF MIGRATION PROCESSES IN THE RUSSIAN VILLAGE OF THE 20th – EARLY 21st CENTURIES (THE CASE OF THE TAMBOV REGION)

DYACHKOV V.L.* , KANISHCHEV V.V.* , OKATOV A.V.*

*Tambov State University named after G.R. Derzhavin

Vladimir L. DYACHKOV, Cand. Sci. (History), Associate Prof. (roshist@tsu.tmb.ru); Valery V. KANISHCHEV, Dr. Sci. (History), Prof. (valcan@mail.ru); Alexander V. OKATOV, Cand. Sci. (Sociology), Associate Prof., Head of the Department of Theoretical and Applied Sociology (okatov32@gmail.com). All – Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russia.

Acknowledgements. The study was financially supported by the Russian Science Foundation (project No. 18-18-00187).

Abstract. Using an interdisciplinary approach we analyze the historical sources and sociological surveys data to characterize micromigration processes in rural communities of a typical agrarian Tambov region. The authors investigate facts of irrevocable departure from the countryside as well as return migration, especially of young specialists in the Soviet era as varying manifestations of pendulum movements of both current villagers and their previously migrated relatives. More confirmation of the earlier observation about a significant role in the return to the homeland of the “call of the ancestors” was obtained. Particular attention is paid to the historical and socio-psychological factors of the migrations that took place. We made an attempt to establish the direction and subjective motives of the migration plans of the studied groups of the rural population, which in many ways, according to the authors, are dreams, partly illusory.

Keywords: historical sociology, rural population, migrations, motives, Tambov region.

REFERENCES

- Verbitskaya O.M. (2018) Migration processes in the post-Soviet space and their impact on the demographic composition of the Russian population (1990s). In: *Demographic history of Russia and regions: a collection of scientific papers*. Issue II: population migration / G.E. Kornilov (ed.) [and others]. Ekaterinburg: IliA UrO RAN: 186–189. (In Russ.)
- Denisenko M.B., Nikolaeva U.G. (2015) What is happening with the rural population in the near north of Russia? (on the material of the Kostroma region). *Sociologicheskiye Issledovaniya* [Sociological studies]. No. 12: 70–81. (In Russ.)
- Dyachkov V.L., Kanishchev V.V., Okatov A.V., Sletkov I.A. (2020) “Call of the Ancestors” and Migration Dreams: Geography of Immigration and Emigration in Tambov Villages at the Beginning of the 21st Century. *Vestnik VGU. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sociologiya*. [Bulletin of VSU. Series: History. Political science. Sociology]. No. 1: 23–29. (In Russ.)
- Historical research in the Central Chernozem region in the 1990–2010s: a collective monograph* (2020) / V.B. Bezgin and others. Responsible. ed. V.V. Kanishchev. Tambov: Derzhavinsky Publishing House. (In Russ.)
- Kalachikova O.N., Budilov A.P. (2018) The outflow of youth from rural areas: motives and opportunities for regulation. *Socialnoye Prostranstvo*. [Social space]. No. 3 (15): 1–9. (In Russ.)
- Kanishchev V.V., Zhirov N.A. Natural movement and migration of the rural population of the Chernozem center of Russia in the conditions of urbanization and conservative modernization of the XX–XXI centuries. *Izvestiya Ural Federal University. Ser. 2, Humanities*. 2021. Vol. 23. No. 3: 115–130.
- Kozlova O.A., Provorova A.A. (2016) Migration attitudes of the population of the Northern region (based on sociological survey data). In: *Dynamics and inertia of population reproduction and replacement of*

- generations in Russia and the CIS*. Vol. 2: The demographic potential of the regions of Russia and the CIS: growth dynamics and the inertia of changes. Yekaterinburg: Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences: 403–409. (In Russ.)
- Nefedova T.G., Averkieva K.V., Makhrova A.G. (eds) (2016) *Between Home and... Home. The Return Spatial Mobility of Population in Russia*. Moscow: Noviy Khronograf. (In Russ.)
- Mezina E.V. (2011) *Demographic processes in rural areas of the Stavropol Territory in the context of regional security*: Abstract of the thesis. dis. ... cand. ec. sc. M. (In Russ.)
- The population of Russia in the XX century*. (2011) T. 3. Book. 2. 1980–1990. Rep. ed. Yu.A. Polyakov. M.: Russian political encyclopedia. (In Russ.)
- Nefedova T.G., Starikova A.V. (2020) Population migrations as a way of adapting to the polarization of space in the center of Russia. *Sociologicheskiye Issledovaniya* [Sociological studies]. No. 10: 24–38. (In Russ.) DOI: 10.31857/S013216250009567-6.
- Pokrovsky N.E., Makshanchikova A.Yu., Nikishin E.A. (2020) Reverse migration in the context of the pandemic crisis: Russia's extra-urban spaces as a resource for adaptation. *Sociologicheskiye Issledovaniya* [Sociological studies]. No. 12: 54–64. (In Russ.)
- Practical demography*. Textbook for universities. Collective monograph (2005) / L.L. Rybakovsky (ed.). Moscow: TsSP. (In Russ.)

Received: 24.03.22. Final version: 16.05.22. Accepted: 17.05.22.

© 2022 г.

И.В. ОБРАЗЦОВ, А.В. ПОЛОВНЕВ

ВОВЛЕЧЕННОСТЬ ШКОЛЬНИКОВ В ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ЗАНЯТИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКОМ

ОБРАЗЦОВ Игорь Владимирович – доктор социологических наук, профессор, заведующий социологической лабораторией, профессор кафедры социологии Московского государственного лингвистического университета (igorobraztsov@rambler.ru); ПОЛОВНЕВ Андрей Викторович – кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник социологической лаборатории, доцент кафедры социологии того же университета (polovnev_av@mail.ru). Оба – Москва, Россия.

Аннотация. В статье анализируются состояние и перспективы развития дополнительного образования детей школьного возраста. Обосновывается вывод о возрастании его роли в формировании личности ребенка как следствие неудовлетворенности граждан качеством школьного образования. На основе результатов всероссийского статистического наблюдения Росстата и данных социологических исследований изучается доступность дополнительного образования и характер вовлеченности в него школьников. Особое внимание уделено изучению особенностей и перспектив развития лингвистической составляющей дополнительного образования. Содержится вывод о необходимости усиления государственного регулирования этой сферы деятельности.

Ключевые слова: дополнительное образование • вовлеченность • школьники • иностранные языки • социология образования

DOI: 10.31857/S013216250016400-3

Введение. В свете концепций «общества знаний» и «обучающего общества» современный социум рассматривается как тип социальных связей, где получение знаний не ограничивается стенами образовательных учреждений и не завершается на определенном этапе жизнедеятельности людей [Социология образования..., 2019; Горшков, Ключарев, 2020]. В этой связи в сферу современных проблем социологии образования вошли вопросы приобретения дополнительных общеобразовательных знаний и профессиональных навыков, всестороннего развития подрастающего поколения.

В Российской Федерации под *дополнительным образованием (ДО)* понимается вид образования, направленный на «формирование и развитие творческих способностей детей и взрослых, удовлетворение их индивидуальных потребностей в интеллектуальном, нравственном и физическом совершенствовании, формирование культуры здорового и безопасного образа жизни, укрепление здоровья, а также на организацию их свободного времени». При этом в отношении детей ДО также «обеспечивает их адаптацию к жизни в обществе, профессиональную ориентацию»¹.

Исследование выполнено в рамках проекта № 075-03-220-013 государственного задания Минобрнауки России ААА-А20-120071690041-3.

¹ Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 13.07.2021). Ст. 75.

Последнее уточнение важно, поскольку предметом нашего рассмотрения выступает дополнительное образование детей школьного возраста. Среди ведущих трендов его развития отмечается *персонализация*, а среди актуальных задач – *проектирование пространства для самореализации личности*².

Говоря о структуре и содержании дополнительного образования детей, следует отметить реализуемые в его рамках дополнительные общеобразовательные программы, которые подразделяются на *общеразвивающие (ДОП)* и *предпрофессиональные (ДПП)*. И если в отношении последних законодатель конкретизирует сферы их применения областями «искусств и спортивной подготовки», то для общеразвивающих программ такая детализация не предусмотрена, т.е. она может включать самый широкий спектр направлений по «адаптации детей в жизни общества» и «развития их творческих способностей».

Данная «размытость» рамочных границ находит отражение и в структуре показателей государственной статистики, в частности, фиксирующей развитие сферы ДОП по направлениям: техническому, естественнонаучному, туристско-краеведческому, социально-педагогическому, в области искусств, в области физической культуры и спорта по общеразвивающим программам (последние два рассматриваются и по предпрофессиональным программам)³. Где, например, в этом далеко не полном перечне «спрятана» лингвистическая составляющая?

Но это не единственная проблема. Содержание дополнительных общеразвивающих программ и сроки обучения по ним «определяются образовательной программой, разработанной и утвержденной организацией, осуществляющей образовательную деятельность» (с. 75 ФЗ от 29.12.2012 № 273-ФЗ). Т.е. к сфере ДО фактически могут быть отнесены только *институциональные формы* так называемой «внеурочной (внеучебной) деятельности учащихся <...>, организуемой на основе вариативной составляющей базисного учебного (образовательного) плана»⁴.

Но жизнь гораздо богаче, и, если есть спрос на дополнительные образовательные услуги, они могут и будут предоставлены не только институциональными, но и неформальными (внеинституциональными) субъектами образовательной деятельности, в т.ч. из сферы прекарной занятости. Исследователи НИУ ВШЭ, используя анализ зарубежного опыта, для обозначения внеинституционального сегмента дополнительного общеразвивающего образования вводят понятие «*досугового образования*», включающее «внеинституционализированную учебную деятельность» [Поливанова и др., 2020: 45–46].

Кроме того, при проведении эмпирических изысканий бывает сложно соотнести понятие «*дополнительные занятия*» то ли с институциональной, то ли с внеинституциональной сферой образовательных услуг, поскольку сами респонденты (учащиеся и их родители) не всегда могут однозначно идентифицировать субъекты предоставления этих услуг.

Все это нужно иметь в виду, констатируя повышенное внимание к проблеме *дополнительного образования школьников*. В последние годы она все чаще становится предметом изучения социологов на уровне научных монографий [Мониторинг эффективности..., 2018; Дополнительное образование..., 2019; Поливанова и др., 2020] и в многочисленных статьях, отражающих различные аспекты этого вида образовательной деятельности [Павленко и др., 2019; Социология образования..., 2019; Косарецкий и др., 2020; Журавлева, 2021; Полякова и др., 2021 и др.].

Лингвистическое направление, связанное с изучением иностранных языков и культур, стабильно входит в первую тройку наиболее распространенных и востребованных видов дополнительного образования детей [Полякова и др., 2021: 2]. Однако его анализу

² Концепция развития дополнительного образования детей // Российская газета. 2014. 08 сентября. URL: <https://rg.ru/2014/09/08/obrazovanie-site-dok.html> (дата обращения: 11.08.2021).

³ Краткая аналитическая справка (Росстат) «Об основных итогах обследования в сфере дополнительного образования и спортивной подготовки детей и взрослых по Российской Федерации». URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/population/obraz/Analit_spravka.pdf (дата обращения: 11.08.2021).

⁴ Глоссарий ФГОС. URL: <https://mosmetod.ru/metodicheskoe-prostranstvo/srednyaya-i-starshaya-shkola/ekonomika/fgos/glossarij-fgos.html> (дата обращения: 11.08.2021).

уделяется неоправданно мало внимания [Войтович, 2012; Образцов, Половнев, 2016; Примаков, 2021]. Настоящая статья, ориентированная на анализ уровня вовлеченности российских школьников в пространство дополнительного образования в целом и в дополнительные занятия по иностранным языкам (ИЯ) (как в рамках институциональной сферы, так и вне ее) в частности, в определенной мере призвана восполнить данный пробел.

Основу эмпирической базы исследования составили: 1) результаты вторичного анализа данных федерального статистического наблюдения Росстата «Качество и доступность услуг»⁵ и 2) данные онлайн-опроса учащихся 8–11 классов Московского региона⁶.

Состояние и перспективы развития дополнительного детского образовательного пространства. Характеризуя масштабы сегмента дополнительных образовательных услуг, следует отметить, что услуги, оказываемые детям, как отмечалось ранее, могут реализовываться только организациями, осуществляющими образовательную деятельность на основании государственной лицензии. В 2016 г. число таких организаций составляло 44,9 тыс., к 2018 г. оно возросло до 56 тыс.

Однако, несмотря на кажущееся разнообразие субъектов образовательной деятельности, большинство из них находится либо в муниципальной (86,7%), либо в федеральной собственности и собственности субъектов РФ (10,4%). Доля частных образовательных организаций незначительна: частная и прочие формы собственности – 2,6% и 0,3% организации соответственно (см. сноску 3), их численность имеет тенденцию к снижению. При этом следует учитывать, что часть таких субъектов образовательной деятельности функционирует, не попадая в систему статистического учета, в т.ч. из-за отсутствия лицензий [Косарецкий и др., 2020: 5].

В обучение по дополнительным образовательным программам в 2016 г. было вовлечено 67,7% детей в возрасте от 5 до 18 лет (в абсолютных цифрах – 21,1 млн чел.) (см. сноску 3). Из их числа около 46% посещали дополнительные занятия в своей общеобразовательной организации – школе, образовательном центре (факультативы, кружки, секции и пр.), и еще около 61% учащихся занимались в других образовательных организациях (на курсах, в центрах, кружках, студиях, группах и пр.)⁷.

⁵ Федеральной службой государственной статистики (Росстат) в 2019 г. проведено выборочное статистическое наблюдение. Методом личного опроса по месту проживания на территории всех субъектов РФ обследовано 48 тыс. частных домашних хозяйств. Единицей отбора на первой ступени выступали счетные участки, на второй ступени – жилое помещение. Единицами наблюдения являлись домохозяйства и все члены домохозяйств. Сбор сведений и заполнение вопросника, содержащих информацию о детях в возрасте до 16 лет, производились со слов одного из родителей (опекуна) или другого осведомленного члена домохозяйства. В открытой базе данных (https://www.gks.ru/free_doc/new_site/GKS_KDU_2019/index.html) зафиксированы сведения о 115120 членах частных домохозяйств. Из общего массива данных членов домохозяйств извлечены и обработаны сведения о 15234 учащихся (13,2% от общего числа опрошенных), проходивших обучение в общеобразовательных организациях в 2018/2019 уч. г. Результаты обработки распространяются на всех школьников, проживающих в частных домохозяйствах, с применением весовых коэффициентов, рассчитанных как обратно пропорциональные вероятностям отбора. Для подвыборок школьников, сформированных по типам населенного пункта и уровням общего образования, максимальный размер ошибки выборки с вероятностью 95% не превышает 2,6%.

⁶ В сентябре–октябре 2020 г. социологической лабораторией МГЛУ при участии авторов проведено онлайн-анкетирование среди школьников, проживающих в г. Москве и Московской области. Всего опрошено 2229 респондентов: 1098 учащихся общеобразовательных учреждений г. Москвы (745 учащихся 8–9 классов и 353 – 10–11 классов) и 1131 школьник из Московской области (803 ученика 8–9 классов и 328 – 10–11 классов). Территориальная квотная выборка учащихся формировалась с учетом квот по муниципальным образованиям (для Московской области) и по административным округам (для г. Москвы) и классам обучения. Приглашение для участия в опросе и отбор респондентов в выборку осуществлялся через социальную сеть «ВКонтакте» на основе заданных параметров при соблюдении контрольных пропорций по муниципальным образованиям (административным округам) и классам обучения. Для выборки школьников 8–11 классов в Москве максимальный размер ошибки выборки с вероятностью 95% не превышает 3%, для школьников 8–11 классов, проживающих в Московской области, – 2,9%.

⁷ Итоги Выборочного наблюдения качества и доступности услуг в сферах образования, здравоохранения и социального обслуживания, содействия занятости населения 2019 г.

Наряду с обеспечением доступности, расширением спектра и развитием системы управления качеством реализации дополнительных общеобразовательных программ, в «Концепции развития дополнительного образования детей» предусмотрено увеличение роли негосударственного сектора в оказании такого рода услуг, а также развитие неформального и информального видов образования.

Таким образом, неформальное образование признается сегодня в качестве важной составляющей современного дополнительного образовательного пространства детей. По данным Росстата, практически каждый пятый школьник (19,8%), посещающий дополнительные занятия, делает это в частном порядке, без оформления договора (с репетитором)⁸.

Развитие системы дополнительного образования детей является одним из приоритетных направлений государственной политики. Так, в программных документах в качестве целевых показателей выделяются доступность и уровень охвата детей дополнительным образованием. Приоритетный проект «Доступное дополнительное образование для детей» (срок реализации до 2021 г.) предусматривал охват качественными дополнительными общеобразовательными программами не менее 70–75% детей⁹. Реализуемый в настоящее время Федеральный проект «Успех каждого ребенка» предусматривает до конца 2024 г. охват 80% детей в возрасте от 5 до 18 лет (URL: <https://edu.gov.ru/national-project/projects/success/>).

Таким образом, государством уделяется значительное внимание развитию детского дополнительного образовательного пространства, но в соблюдении важных критериев его функционирования: доступности и вовлеченности в него детей имеются определенные проблемы материального и регионально-поселенческого характера.

Доступность дополнительного образования и характер вовлеченности в него школьников. По данным Росстата, в 2019 г. дополнительными занятиями было охвачено около 67% российских школьников¹⁰. При этом за последние 5 лет доля школьников, посещавших дополнительные занятия с 2013 по 2017 г., колебалась в диапазоне 60–65% [Мониторинг эффективности..., 2018: 6].

Ожидаемо больший охват дополнительной образовательной деятельностью наблюдается в мегаполисах, где почти 85% школьников посещают дополнительные занятия, а в старших классах их число приближается к 90%. В городах с численностью населения менее 1 млн чел. вовлеченность в сферу дополнительного образования составляет чуть выше 65%, в сельских населенных пунктах на 10 п.п. меньше (табл. 1)¹¹.

Поскольку государство не гарантирует предоставление детям бесплатных дополнительных образовательных услуг, большая часть их оплачивается из семейного бюджета граждан. По данным мониторинга эффективности школы с 2013 по 2017 г. бесплатным дополнительным образованием было охвачено не более 1/3 детей. Обучение остальных школьников (около 65%) в той или иной мере оплачивалось их родителями [Мониторинг эффективности..., 2018: 20].

В целом почти каждая третья семья российских школьников нуждается в дополнительных занятиях, но не имеет возможности их оплачивать из-за финансовых затруднений.

Помимо этого существуют и другие инфраструктурные и социально-экономические барьеры, препятствующие вовлечению детей в пространство дополнительного образования.

(далее – Исследование Росстата). Статистические таблицы. Раздел 2. Таблица 38.2. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/GKS_KDU_2019/Files/38.2.xlsx (дата обращения: 11.08.2021).

⁸ Исследование Росстата. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/GKS_KDU_2019/Files/38.2.xlsx (дата обращения: 11.08.2021).

⁹ Паспорт приоритетного проекта «Доступное дополнительное образование для детей». URL: <http://static.government.ru/media/files/MOoSmsOFZT2nlpFC25lqkn7qZjk iqQK.pdf> (дата обращения: 11.08.2021).

¹⁰ Исследование Росстата. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/GKS_KDU_2019/Files/38.2.xlsx (дата обращения: 11.08.2021). Согласно методическим указаниям по проведению опроса интервьюеры при ответе на вопрос о вовлеченности в ДО фиксировали только занятия, проводимые по определенной программе и способствующие развитию способностей ребенка. Если занятия проводились исключительно в развлекательных целях, такие занятия не учитывались интервьюерами как дополнительные.

¹¹ Составлено по результатам вторичной обработки исследования Росстата 2019 г. (N = 15 234).

Таблица 1

Посещение дополнительных занятий детьми, обучающимися в общеобразовательных организациях (% от числа детей, обучавшихся в общеобразовательной организации в 2018/2019 учебном году)

Показатели	Класс обучения			Всего посещавших дополнительные занятия
	1–4 классы	5–9 классы	10–11 классы	
Мегаполисы	83,8	80,3	89,0	83,6
Города до 1 млн чел.	65,8	65,8	68,9	66,2
Сельские населенные пункты	55,5	55,9	62,6	56,4
Всего посещавших дополнительные занятия	66,4	65,1	73,8	66,8

Например, распространенной причиной, сдерживающей дополнительную образовательную деятельность сельских школьников, является отсутствие необходимых образовательных учреждений в местах их проживания (49%), в городских населенных пунктах – ограниченные возможности из-за отсутствия денежных средств (33,7%), а в мегаполисах, где инфраструктурные проблемы преимущественно решены, на первый план выходит проблема мотивации детей, точнее – отсутствие желания у самого ребенка (32%) (табл. 2)¹².

Таким образом, государственные целевые программы развития детского дополнительного образования должны разрабатываться и реализовываться с учетом региональной и поселенческой специфики: характера развития сети организаций (учреждений)

Таблица 2

Причины, сдерживающие посещение дополнительных занятий школьниками (% от числа детей, обучавшихся в общеобразовательной организации и нуждающихся в дополнительных занятиях)

Показатели	В городских населенных пунктах	В городах с численностью населения 1 млн чел. и более	В сельских населенных пунктах	Всего
Таких образовательных организаций рядом с местом проживания не имеется	8,4	3,8	49,0	20,2
В таких образовательных организациях нет свободных мест	3,8	4,2	1,8	3,2
Нет возможности сопровождать ребенка на занятия	11,8	10,0	12,6	12,0
Имеем ограниченные возможности из-за отсутствия денежных средств	33,7	25,1	25,4	31,3
У ребенка нет желания посещать дополнительные занятия	28,6	32,0	17,5	25,4
У ребенка нет возможности по состоянию здоровья, опасаемся перегрузки	11,6	10,0	4,8	9,7
По другим причинам	22,2	21,4	15,4	20,2
Не определено	3,3	13,5	0,1	2,4

¹² Исследование Росстата. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/GKS_KDU_2019/Files/38.2.xlsx (дата обращения: 11.08.2021).

дополнительного образования, а также соотношения уровня доходов населения со стоимостью дополнительных образовательных услуг.

Основные виды дополнительных занятий со школьниками. В сфере дополнительного образования школьники могут заниматься по разным предметно-тематическим направлениям и одновременно посещать несколько секций, кружков и занятий. При этом интерес к самым популярным (общеразвивающим) направлениям дополнительного образования на протяжении обучения в школе меняется и имеет тенденцию снижения к старшим классам, смещаясь в сторону углубленных занятий по школьным предметам. Так, если в начальной школе спортивные кружки и секции посещают 37% школьников, то в старших классах – около 28%. Занятость по различным видам искусств с 26% в 1–4 классе последовательно снижается до 16% в 5–9 классах и до 11% – в 10–11 классах (табл. 3)¹³.

В старших классах в структуре дополнительных занятий начинают доминировать углубленные занятия по школьным предметам и подготовка к выпускным экзаменам. В 10–11 классах дополнительные занятия по отдельным школьным предметам и по подготовке к ЕГЭ посещает около половины учащихся (54%), что почти в 3,5 раза больше чем в 5–9 классах.

Особого внимания среди школьных предметов, которыми внеурочно занимаются учащиеся общеобразовательных учреждений, заслуживают занятия по иностранному языку. В начальной, основной и средней школе это третье по популярности направление дополнительных занятий, которым занимаются около 15% учащихся с 1 по 9 класс и около

Таблица 3

Вовлеченность школьников в дополнительные занятия по направлениям (% от числа детей, обучавшихся в общеобразовательной организации)

Показатели	Класс обучения			Тип населенного пункта			Всего
	1–4	5–9	10–11	Мегаполисы	Города до 1 млн чел.	Сельские населенные пункты	
Спортивные и оздоровительные занятия	36,9	35,4	27,6	41,3	34,0	32,8	35,0
Обучение музыке, пению, танцам, музыкальное и театральное искусство	26,6	16,5	11,5	23,5	20,2	17,6	20,1
Обучение иностранному языку	15,2	15,8	22,1	29,5	16,7	6,4	16,3
Углубленное изучение отдельных предметов, учебно-исследовательская работа, подготовка к ЕГЭ*	6,8	15,0	53,8	30,0	15,2	10,7	16,7
Занятия творчеством (живопись, фото, видео, кино, литература, прикладное творчество)	12,2	8,2	12,9	14,3	9,9	9,0	10,5
Изучение и конструирование техники, информатика и программирование	3,4	2,9	2,0	2,9	2,9	3,1	3,0
Изучение природы, культуры, краеведение, туризм	1,5	1,5	0,4	1,0	1,2	1,9	1,4
Другие занятия	2,4	1,2	2,6	1,9	2,1	1,4	1,9
Не посещают дополнительные занятия	33,6	34,9	26,2	16,4	33,8	43,6	33,2

Примечание. * Без учета дополнительного обучения иностранному языку, т.к. для него в вопросе предусмотрен был отдельный вариант.

¹³ Составлено по результатам вторичной обработки исследования Росстата.

22% – в 10–11 классах. Вовлеченность в дополнительные занятия иностранными языками дифференцирована местом проживания учащихся. По данному направлению наблюдается *значительная дифференциация* по уровню охвата учащихся, обучающихся в городских и сельских общеобразовательных учреждениях.

Спрос среди школьников на изучение иностранных языков и вовлеченность в дополнительные занятия ими. Подавляющее большинство родителей (85%) считают важным, чтобы их дети свободно владели каким-либо иностранным языком¹⁴, но так как базовый уровень их освоения в школе удовлетворяет далеко не всех, существует объективная потребность в дополнительном углубленном изучении иностранного языка.

Запрос на дополнительные образовательные услуги по иностранным языкам демонстрируют практически треть российских школьников (32,4%), и чем крупнее населенный пункт их проживания, тем выше уровень этого спроса (табл. 4)¹⁵.

Таблица 4

Спрос учащихся общеобразовательных учреждений на дополнительные занятия по иностранному языку (% от числа детей, обучавшихся в общеобразовательной организации)

Показатели	Мегаполисы	Города до 1 млн чел.	Сельские населенные пункты	Всего
Спрос на дополнительные занятия по иностранным языкам	40,7	32,9	25,5	32,4
Отсутствие спроса на дополнительные занятия по иностранным языкам	59,3	67,1	74,5	67,6

Текущий спрос на дополнительные образовательные услуги в области изучения иностранного языка в зависимости от характера его удовлетворения можно подразделить на: реализуемый (удовлетворяемый) и нереализованный (неудовлетворенный). *Реализуемый спрос* характерен для учащихся общеобразовательных учреждений, посещающих дополнительные занятия по иностранным языкам. *Неудовлетворенный спрос* характерен для школьников, нуждающихся в дополнительных занятиях по иностранным языкам, но при этом не посещающих их по разным причинам (отсутствие финансовых возможностей, недостаток времени, отсутствие определенных образовательных услуг в местах проживания, недостаток информации и/или специалистов, предоставляющих такие услуги, и др.).

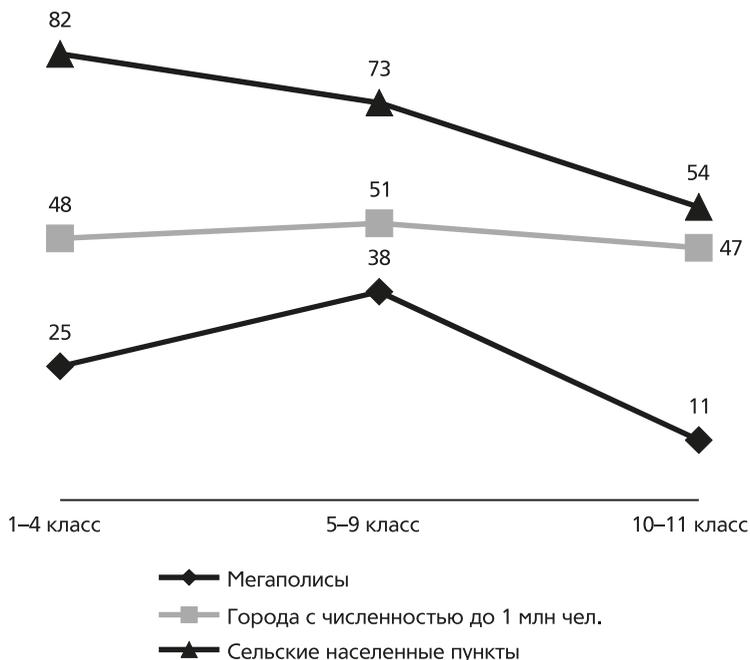
Соотношение величины неудовлетворенного спроса к общему спросу (суммарной численности школьников, посещающих – реализующих спрос – и нуждающихся в дополнительных занятиях по иностранному языку – неудовлетворенный спрос) позволяет определить коэффициент неудовлетворенного спроса и сопоставить его с уровнем нереализованного запроса в разных типах населенных пунктов.

Самый высокий уровень неудовлетворенного спроса наблюдается сегодня среди школьников, проживающих в сельских населенных пунктах. Особенно остро эта проблема проявляется среди учащихся 1–9 классов: коэффициент неудовлетворенного спроса в 1–4 классе составляет 82%, в 5–9 классах – 73%. Несмотря на то, что в 10–11 классах коэффициент неудовлетворенного спроса существенно снижается (до 54%), он по-прежнему преобладает над реализуемым спросом и остается выше, чем в городах (рис. 1).

Превышение уровня неудовлетворенного спроса над реализуемым (значение выше 50%) свидетельствует о явном дефиците данного вида образовательной услуги или отсутствии возможности у большинства нуждающихся в ней школьников получить ее по месту жительства.

¹⁴ ЕГЭ по иностранному языку: за и против. Аналитический обзор ВЦИОМ. 5 августа 2020 г. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ege-po-inostrannomu-yazyku-za-i-protiv> (дата обращения: 11.08.2021).

¹⁵ Составлено по результатам вторичной обработки исследования Росстата.

Рис. 1. Коэффициент неудовлетворенного спроса школьников на дополнительные занятия иностранными языками, $N = 15234$ (в % от суммарного числа школьников, уже посещавших дополнительные занятия по иностранным языкам и не посещавших, но нуждающихся в них)

Совершенно иначе ситуация выглядит в мегаполисах, где общий коэффициент неудовлетворенного спроса колеблется в диапазоне от 11 до 38%, что свидетельствует о наличии образовательных услуг и является показателем развитого рынка дополнительных образовательных лингвистических услуг.

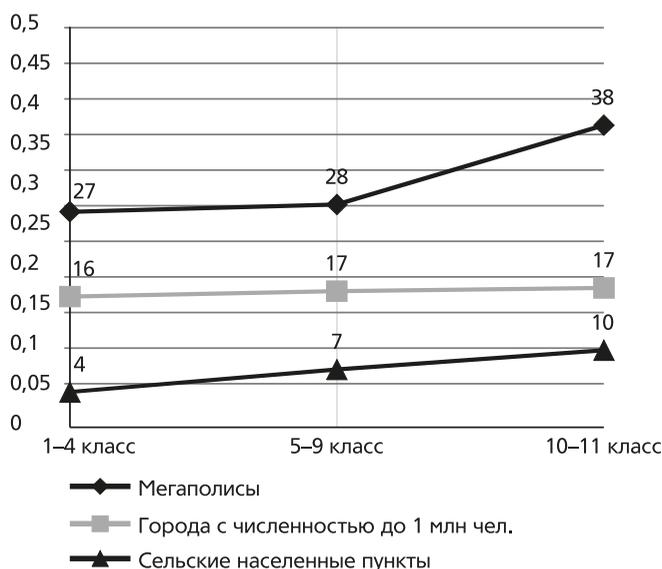
В городах с численностью до 1 млн жителей уровень неудовлетворенного спроса колеблется на всех уровнях общего образования в диапазоне 47–51%, что говорит о том, что потребность в дополнительных занятиях по ИЯ для своих детей может обеспечить только каждая вторая семья.

Результаты исследований показывают, что дополнительные занятия по иностранным языкам посещают около 16% от общей численности всех обучающихся по программам общего образования российских школьников. Интерес к данному виду дополнительного образования при переходе в старшие классы меняется несущественно.

Уровень охвата школьников дополнительными занятиями по иностранным языкам, как и уровень вовлеченности в сферу дополнительного образования, также зависит от типа населенного пункта (рис. 2).

Ярко выраженный интерес городских жителей по сравнению с сельским населением к изучению иностранных языков закономерен и в ценностном, и в организационно-материальном аспектах.

Таким образом, поселенческий фактор в совокупности с соответствующей дифференциацией уровня доходов населения способствуют формированию как в целом образовательного, так и в частности «лингвистического образовательного неравенства». Последнее характеризуется не только уровнем доступности, широтой спектра и качества основных (в рамках школьной программы) и дополнительных лингвистических услуг, но и в плане отложенной перспективы – возможностями для получения гражданами

Рис. 2. Вовлеченность школьников в дополнительные занятия по иностранному языку, $N = 15234$ (в % от числа детей, обучавшихся в общеобразовательной организации в 2018/2019 уч. г.)

качественного образования, высокооплачиваемой работы и социальной мобильности [Примаков, 2021: 341].

Данные исследования, проведенного Росстатом, лишь фиксируют характер спроса на дополнительные лингвистические услуги и уровень вовлеченности в них школьников, не раскрывая социальных мотивов и целевых установок дополнительного изучения ими иностранных языков. Но такие задачи, видимо, напрямую и не стояли перед статистиками.

В определенной мере ответы на эти вопросы содержат результаты исследования, проведенного в Московском регионе осенью 2020 г.

Формы оказания дополнительных лингвистических услуг (на примере Московского региона). Лингвистическая составляющая имеет определенные отличия от других направлений дополнительного развития школьников. Согласно результатам исследования, проведенного социологической лабораторией МГЛУ осенью 2020 г. в Московском регионе ($N = 2229$), большинство учащихся 8–11 классов (около 80%) в ходе освоения школьной учебной программы занимались изучением иностранного языка по 3–5 уроков еженедельно, а более половины из их числа (54%) при этом изучали два иностранных языка. Несмотря на приличный объем плановой лингвистической нагрузки, каждый второй старшеклассник (51%) во внеучебное время посещал дополнительные занятия по иностранному языку.

Как видно, этот показатель практически в два раза выше общероссийских значений (21,7%) и даже превышает показатель по российским мегаполисам (38%). Так, в 2020 г. различные формы дополнительных занятий посещали 57% московских школьников и 45% учеников из Московской области. При этом бесплатными эти занятия были только для 13% школьников-москвичей и 6% для учеников из Московской области. Это свидетельствует как о развитости рынка лингвистических услуг в данном регионе, так и о высоком уровне доходов населения, обеспечивающем дополнительное обучение детей в целом и в области лингвистики в частности.

Основным архитектором дополнительного образовательного пространства ребенка младшего и среднего школьного возраста, в т.ч. в области лингвистики, выступает его

Рис. 3. Популярность видов дополнительных занятий иностранными языками, $N = 2229$: 1098 учащихся 8–11 классов г. Москвы и 1131 учащийся 8–11 классов из Московской области (в % от числа опрошенных)

семья. Среди учеников 8–11 классов только каждый десятый (11%) указал, что решение принималось родителями независимо от его желания, еще 30% «помогли родители» и 39% указали, что такое решение было принято ими самостоятельно. При этом нужно учитывать и фактор родительского примера: родители школьников, владеющие хотя бы одним иностранным языком, составляли в г. Москве 59% и в Московской области 53%.

Мотивация дополнительного изучения иностранного языка у школьников во много обусловлена туристическими перспективами и отдаленными дополнительными возможностями, в т.ч. в области образования и трудоустройства, которые открываются, по мнению школьной молодежи, при знании иностранного языка. Более половины опрошенных школьников ответили, что изучают иностранный язык, чтобы свободно путешествовать, посещать страны изучаемого языка (65%), самосовершенствоваться (59%), читать литературу, СМИ, смотреть фильмы на языке оригинала (50%). Примечательно, что каждый третий старшеклассник рассматривает лингвистическую подготовку как способ подготовки к эмиграции, т.к. не исключает для себя переезд за рубеж для дальнейшей учебы/работы или на постоянное место жительства (38%).

В целом по всем видам дополнительного образования, как мы видели выше, показатель *бесплатных услуг* составляет не более одной трети, но сфере лингвистической подготовки доля услуг, предоставляемых на бесплатной основе, как минимум в три раза ниже остальных направлений дополнительного образования. В этом ее первая особенность.

Вторая особенность связана с распространением такого явления, как *репетиторство*. Оно является самой популярной формой дополнительных занятий ИЯ в Московском регионе. Услугами репетиторов по иностранным языкам в столичном мегаполисе в 2020 г. пользовались 37% московских школьников и каждый четвертый учащийся (25%) подмосковных школ (рис. 3).

Более высокий уровень востребованности услуг репетиторов по иностранным языкам среди школьников в столичном мегаполисе и ранее фиксировался социологами. Например, по результатам опроса ФОМ, проведенного в 2015 г. среди родителей школьников, в Москве услугами репетиторов по иностранным языкам пользовался почти каждый третий учащийся (31%), в то время как по общероссийской выборке – 12% школьников. Важно отметить, что

репетиторство по иностранным языкам является самым распространенным среди предметов школьной программы: математикой с репетиторами в то же время занимались 18% московских школьников, русским языком – 16%¹⁶.

Эти данные также косвенно подтверждаются результатами исследования компании MAXIMUM Education¹⁷, согласно которым в 2021 г. 59% российских учителей были вовлечены в репетиторство и еще 17% задумывались заняться этой деятельностью. Среди учителей иностранного языка в Московском регионе этот показатель выше¹⁸: 75% учителей в Москве и Московской области имели опыт вторичной занятости (подработки) в сфере лингвистических услуг. Из них 64% занимались репетиторством, в т.ч. без юридического оформления – 37% в Москве и 27% в Московской области.

Таким образом, репетиторство как вид дополнительной образовательной деятельности в области лингвистики является как самым распространенным, так и самым трудно поддающимся учету официальной статистики, поскольку как минимум 40% услуг оказывается здесь неофициально, без их юридического оформления. Этот «теневой» характер оказываемых услуг является третьей особенностью реализации лингвистического направления дополнительного образования.

Заключение. Дополнительное образование прочно вошло в структуру образования современных школьников и стало его существенным дополнением в формировании гармонично развитой личности ребенка. Вовлеченность российских школьников в различные формы дополнительного образования, в т.ч. за рамками формальных образовательных организаций, составляет 65–67%. Дальнейшее повышение этого показателя сдерживается низким объемом образовательных услуг, оказываемых на бесплатной основе, а также неравномерно развитой сетью образовательных учреждений этой сферы в разных типах поселений.

Лингвистическое направление является одним из самых востребованных в сфере дополнительного образования и отличается стабильным спросом на всех ступенях общего образования.

Принятые в последние годы решения о снижении роли иностранных языков в школьном образовании – в виде отмены обязательного ЕГЭ по иностранному языку и исключение требований об обязательном изучении в рамках школьной программы двух иностранных языков, неизбежно приведут к притоку новых потребителей в сферу дополнительного лингвистического образования. Без государственного регулирования и контроля в этой сфере, прежде всего через лицензирование, содержание и качество оказываемых лингвистических услуг будут оставаться на усмотрении и совести «игроков» разного уровня квалификации и легитимации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Войтович И.К. Иностранные языки в контексте непрерывного образования: монография. Ижевск: Удмуртский университет, 2012.
- Горшков М.К., Ключарев Г.А. Непрерывное образование в современном контексте: Монография. 2-е изд., пер. и доп. М.: Юрайт, 2020.
- Дополнительное образование детей в России: единое и многообразное / Под ред. С.Г. Косарецкого, И.Д. Фрумина. М.: ВШЭ, 2019.

¹⁶ Репетиторы и домашнее обучение. Опрос родителей школьников по технологии «ФОМнибус» 22–28 июня 2015 г. 1000 респондентов. URL: <https://fom.ru/Nauka-i-obrazovanie/12304> (дата обращения: 11.08.2021).

¹⁷ Онлайн-опрос учителей проводился компанией MAXIMUM Education с 16 по 22 июля 2021 г. по всероссийской выборке (N = 1000). URL: https://maximumeducation.com/news/repeditors_survey (дата обращения: 11.08.2021).

¹⁸ В декабре 2020 г. – январе 2021 г. социологической лабораторией МГЛУ при участии авторов проведено пилотажное исследование среди школьных учителей иностранного языка, проживающих в г. Москве и Московской области. Методом онлайн-анкетирования опрошено 223 респондента: 115 учителей ИЯ общеобразовательных учреждений г. Москвы и 108 учителей ИЯ из Московской области.

- Журавлева И.А. Особенности развития дополнительного образования детей и взрослых в России // *Социология*. 2021. № 1. С. 103–114.
- Косарецкий С.Г., Павлов А.В., Мерцалова Т.А., Анчиков К.М. Дополнительное образование: изменения в контексте реализуемых приоритетов государственной политики // *Мониторинг экономики образования*. 2020. № 17.
- Мониторинг эффективности школы. Дополнительное образование школьников (2013–2017 гг.) / Под ред. Т.Л. Клячко. М.: РАНХИГС, 2018.
- Образцов И.В., Половнев А.В. «Новые» языки в системе школьного образования: социологический анализ на примере оценок и мнений участников лингвистической олимпиады // *Социология образования*. 2016. № 6. С. 76–89.
- Павленко К.В., Поливанова К.Н., Бочавер А.А., Сивак Е.В. Дополнительное образование школьников: функции, родительские стратегии, ожидаемые результаты // *Вопросы образования*. 2019. № 2. С. 241–258. DOI: 10.17323/1814-9545-2019-2-241-261.
- Поливанова К.Н., Бочавер А.А., Павленко К.В., Сивак Е.В. Образование за стенами школы. Как родители проектируют образовательное пространство детей. М.: ВШЭ, 2020.
- Полякова В.В., Юдин И.Б., Кузина Л.С. Вовлеченность школьников в возрасте от 6 до 13 лет в практики дополнительного образования // *Мониторинг экономики образования*. 2021. № 8.
- Примаков В.Л. Лингвистическое образовательное неравенство: постановка проблемы и анализ последствий // *Вестник МГЛУ. Общественные науки*. 2021. № 2(843). С. 326–345.
- Социология образования. Дополнительное и непрерывное образование: Монография / Под ред. Ю.В. Латова. 2-е изд., пер. и доп. М.: Юрайт, 2019.

Статья поступила: 19.08.21. Финальная версия: 09.12.21. Принята к публикации: 14.01.22.

INVOLVEMENT OF SCHOOL CHILDREN IN ADDITIONAL EDUCATION AND FOREIGN LANGUAGE TRAINING ACTIVITIES

OBRAZTSOV I.V.*, POLOVNYOV A.V.*

*Moscow State Linguistic University, Russia

Igor V. OBRAZTSOV, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Department of Sociology, Head of Sociological Laboratory (igorobraztsov@rambler.ru); Andrey V. POLOVNYOV, Cand. Sci. (Sociol.), Assistant Professor, Department of Sociology, Senior Researcher of Sociological Laboratory. Both – Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia (polovnev_av@mail.ru).

Abstract. The article analyzes the state and prospects for the development of additional education for school-age children. The authors come to the conclusion that the role of additional education in the formation of a child's personality is increasing as a result of parents' dissatisfaction with the quality of school education. The authors analyze availability of additional education and involvement of school children in it on the basis of RosStat data and sociological studies. Special attention is paid to the features and development prospects of the linguistic component in additional education. The conclusion is made about the need to strengthen state regulation of this sphere.

Keywords: additional education, involvement, school children, foreign languages, sociology of education.

REFERENCES

- Gorshkov M.K., Klyucharev G.A. (2020) Continuing education in the modern context: monograph, 2nd ed. Moscow: Yurait. (In Russ.)
- Klyachko T.L. (ed.) Monitoring of School Performance. Additional Education of Schoolchildren (2013–2017). Moscow: RANHIGS. (In Russ.)
- Kosaretsky S.G., Pavlov A.V., Mertsalova T.A., Anchikov K.M. (2020) Additional Education: Changes in the Context of the Implemented Priorities of State Policy. *Monitoring ekonomiki obrazovaniya* [Monitoring of the Economics of Education], 17. (In Russ)
- Kosaretsky S.G., Frumin I.D. (eds) (2019) Additional Education of Children in Russia: Unified and Diverse. Moscow: HSE. (In Russ.)

- Latov Yu.V. (ed.) (2019) *Sociology of education. Additional and continuous education: monograph*, 2nd ed. Moscow: Yurait. (In Russ.)
- Obraztsov I.V., Polovnev A.V. (2016) "New" Languages in the School Education System: Sociological Analysis on the Example of Assessments and Opinions of Participants in the Linguistic Olympiad. *Sotsiologiya Obrazovaniya* [Sociology of Education], 6: 76–89. (In Russ.)
- Pavlenko K.V., Polivanova K.N., Bochaver A.A., Sivak E.V. (2019) Additional Education of Schoolchildren: Functions, Parental Strategies, Expected Results. *Voprosy obrazovaniya* [Education Issues], 2: 241–258. (In Russ.)
- Polivanova K.N., Bochaver A.A., Pavlenko K.V., Sivak E.V. (2020) *Education Outside the School. How Parents Design the Educational Space of Children*. Moscow: HSE. (In Russ.)
- Polyakova V.V., Yudin I.B., Kuzina L.S. (2021) Involvement of Schoolchildren Aged 6 to 13 Years in the Practice of Additional Education. *Monitoring ekonomiki obrazovaniya* [Monitoring of the Economics of Education]. No. 8. (In Russ.)
- Primakov V.L. (2021) Linguistic Educational Inequality: Problem Formulation and Analysis of the Consequences. *Vestnik MGLU. Obshchestvennyye nauki* [Bulletin of the MSLU. Social Sciences]. No. 2(843): 326–345. (In Russ.)
- Voitovich I.K. (2012) *Foreign Languages in the Context of Continuing Education: monograph*. Izhevsk: Udmurt University. (In Russ.)
- Zhuravleva I.A. (2021) Features of the Development of Additional Education of Children and Adults in Russia. *Sotsiologiya* [Sociology]. No. 1: 103–114.

Received: 19.08.21. Final version: 09.12.21. Accepted: 14.01.22.

© 2022 г.

В.В. РАДАЕВ

КРИЗИС В СОВРЕМЕННОМ ПРЕПОДАВАНИИ: ЧТО ИМЕННО ПОШЛО НЕ ТАК?

РАДАЕВ Вадим Валерьевич – доктор экономических наук, профессор, руководитель Лаборатории экономико-социологических исследований, первый проректор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (radaev@hse.ru).

Аннотация. В статье обсуждается идея кризиса в современном преподавании, связанного с приходом в университет в 2010-е гг. новых поколений студентов, анализируются его основные элементы. Кризис выражается в подрыве традиционной текстовой культуры и прогрессирующем отказе от накопления культурного багажа, в возникновении альтернативных образовательных возможностей и новых требованиях к подаче образовательного материала, в возрастающих сложностях с удержанием внимания обучающихся и размывании их устойчивой мотивации, в заметном снижении авторитета преподавателя и все более настойчивых попытках поставить под вопрос способы оценивания образовательных результатов, в распространении новой этики и усиливающимся желанием студентов защищать собственные права.

Ключевые слова: кризис • высшее образование • опросы студентов и преподавателей • новая этика • Россия

DOI: 10.31857/S013216250019853-1

Кризис текстовой культуры. Начнем с одной из ключевых проблем – с неготовности студентов нового поколения читать и разбирать сложные академические тексты. Это остро ощущается в социальных и гуманитарных науках, где на таких текстах, как правило, строился, по сути, весь процесс преподавания. Мы, представители старших поколений – люди книжной культуры, были воспитаны на литературе (научной и художественной). Наше обучение опиралось прежде всего на длинные сложные тексты, а литература служила для нас «моделью обобщенного понимания» [Ридингс, 2010]. Большинство наших преподавательских приемов и сегодня базируется на книжной культуре, на работе с текстами.

Тем временем студенты все менее охотно читают предлагаемые длинные сложные тексты (включая обычные академические статьи) или делают это как-то иначе и воспринимают их по-иному. Как правило, они не склонны продираться через сложные текстовые построения и преодолевать сопротивление тугого материала. Формируется принципиально иное отношение к тексту – не как к источнику сокрытого в его недрах смысла, который еще нужно из него добывать упорным трудом, а как к источнику информации, которая должна быть очищена, нарезана, упакована и готова к употреблению, подобно

Статья выполнена при поддержке Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ. Мы благодарим Б.А. Белявского, И.А. Груздева, З.В. Котельникову, А.А. Куракина, И.В. Макарову, И.В. Павлюткину, Д.О. Стребкова, Е.А. Суханову, Е.А. Терентьева, И.С. Чирикова, А.В. Шевчука и М.М. Юдкевич за ценные замечания, высказанные при обсуждении рукописи.

продуктам в супермаркете. Студенты эпохи Интернета привыкли получать информацию небольшими дозами, со значительной долей визуального и звукового сопровождения. На этой почве сформировалось устойчивое стремление к выдержкам и конспектам, дайджестам и википедиям. Такое стремление, разумеется, было и раньше, но сейчас оно превращается в своего рода организующий принцип. Быстро утрачивается – или, скорее, не приобретается – навык так называемого «медленного чтения». На смену ему приходит быстрое просматривание, скольжение по поверхности текста (серфинг), в ходе которого, по некоторым оценкам, выхватывается не более 20% «прочитанного» без особых попыток погрузиться в его содержание [Губайловский, 2019: 121]. Что с этим делать дальше – продолжать предлагать длинные и сложные академические тексты или вовсе отказаться от лонгридов, заменив их на нечто более простое и понятное с содержательной и инструментальной точек зрения?

Отказ от накопления культурного багажа. Современные студенты не только читают, но и в целом учатся по-другому. Представителям старших поколений в бытность студентами приходилось разыскивать достойные источники информации, «вгрызаться» в добытый материал и пытаться его освоить, вытаскивая из него содержательный смысл. Запоминание наиболее ценного приводило к накапливанию важных знаний, которые формировали культурный багаж.

Теперь укрепляется впечатление, что ничего этого не нужно. Источники многочисленны, открыты, и, главное, запоминать ничего не требуется, поскольку все находится под рукой и отыскивается в любой момент в пару кликов. В результате мы все чаще слышим жалобы от старших преподавателей, что многие молодые люди приходят в университет (неважно, в бакалавриат, магистратуру или аспирантуру) со все более низким уровнем базовых знаний и общей культуры в привычном для нас смысле, то есть с меньшим объемом того, что когда-то прочитано, уложено в голове, освоено и запомнилось надолго. Они не знают, как нам кажется, элементарных фактов, то есть не имеют того самого культурного багажа. Разумеется, среди студентов встречается немало блестящих исключений, но в целом картина выглядит именно так. Кстати, в отсутствие выраженного стремления к запоминанию и заучиванию самом по себе нет ничего дурного – излишняя память способна мешать аналитическому мышлению, а механически заученное может вычеркиваться из понимания. Но за этим скрывается более общий вопрос: «Зачем учить, если можно прогуглить?» Он становится ключевым для понимания многих происходящих изменений в сегодняшнем образовании.

Молодежь не стремится искать труднодоступные материалы и тратить много времени на освоение найденного. Они быстро ищут готовую информацию, нередко поглощая и информационный мусор. Часто готовы приступать к любым задачам и находить нужную информацию даже по вопросам, где они не являются экспертами, при этом не стремятся ее запомнить, а сразу начинают с ней работать. В итоге, управляя потоками информации, они потребляют готовые смыслы, не формируя их самостоятельно и не удерживая надолго в голове.

Частным проявлением изменившегося отношения к обучению оказывается возникшее относительно недавно неумение и нежелание студентов задавать какие-либо содержательные вопросы, при том что этот навык всегда считался важным элементом критического мышления [Корешникова, Фрумин, 2020; Радаев, 2020]. «Зачем спрашивать, если можно прогуглить».

Изменение требований к подаче материала. Проблемы у нынешних преподавателей нарастают не только с содержанием, но и с формой подачи образовательного материала. Новое поколение – люди в большей степени визуальной культуры, поэтому преподаватели вынуждены сопровождать лекции непрерывными визуализациями. Движемся мы к этому давно: когда-то писали мелом на доске, затем некоторое время использовались проекторы с прозрачными пленочными слайдами, наконец, появились компьютерные презентации, которые ранее содержали преимущественно выдержки из текстов. Сейчас на их место все чаще приходится ставить картинки, сухой аскетичный

текст воспринимается со все возрастающим трудом. А следующий ожидаемый шаг будет вызван отторжением статичных картинок и требованием видео или хотя бы какой-то анимации на экране, без этого зацепить и удерживать восприятие будет все труднее. Должны ли мы переходить в обучении на видео и тем более к сложным мультимедийным инструментам для повышения вовлеченности студентов [Малошонок, 2016]? У меня нет категоричного ответа на этот вопрос, но сам я начинаю использовать на занятиях видеофрагменты в качестве «затравки» для обсуждения.

Возможно, студенты, с детства привычные к видеоиграм, скоро начнут подталкивать преподавателей к геймификации образовательного процесса с помощью игровых платформ [Караваяев, Соболева, 2017], требовать использования технологий дополненной реальности. В рядах преподавателей есть сторонники превращения обучения в игру. Но не уверен, что все к этому готовы – и с точки зрения цифровых навыков, и психологически.

Раздерганное сознание студентов. Одна из самых сложных проблем преподавания в наше время связана с тем, что все труднее удерживать постоянно ускользающее внимание аудитории. Катастрофически уменьшилось время, в течение которого студенты сохраняют способность фокусироваться на каком-то одном предмете. В позднее советское время считалось, что сохранять внимание студенческой аудитории возможно в пределах 50 минут. Сейчас при записи онлайн-курсов настоятельно рекомендуется не превышать 15 минут на один видеофрагмент, чтобы не потерять внимание слушателя. При пассивном (не слишком заинтересованном) восприятии удержать это внимание еще сложнее. Например, по наблюдениям за американскими студентами они переключаются каждые 19 секунд [Твенге, 2019: 89].

Одна из причин нарастающих сложностей с привлечением и удержанием внимания заключается в том, что студенты все больше «сидят в гаджетах». Они включены в непрерывную коммуникацию и, по существу, находятся в явной зависимости от этой принудительной и поверхностной коммуникации, из которой они уже не в состоянии выйти на сколь-либо продолжительное время. Одно из проявлений этой зависимости – необходимость всегда оставаться на связи и боязнь выпадения из повседневной коммуникации, известная как FOMO (Fear of missing out) [Твенге, 2019: 124]. Основная проблема здесь не в том, что на виртуальную коммуникацию и в целом на смартфоны тратится изрядное количество времени, а в постоянных переключениях и отвлечениях, которые мешают в том числе погружаться в обсуждаемые на занятиях вопросы.

В ходе занятий преподаватель становится жертвой так называемого фаббинга (phubbing) – игнорирования собеседника ввиду постоянного отвлечения на смартфон. Создается эффект хронического социального отсутствия при физическом присутствии. Фаббинг – один из результатов растущей в каждом более молодом поколении зависимости от смартфона и от Интернета, квалифицируемой как все менее контролируемое импульсивное поведение [Максименко и др., 2021; Chotpitayasunondh, Douglas, 2018]. В итоге даже если студентам интересно то, что они слышат на занятии, зачастую они уже не могут оторваться от экрана и пребывают в параллельных мирах. Причем речь идет в том числе о наших лучших студентах.

В свою очередь, перенасыщенность разными формами коммуникации и их наложение друг на друга, подобно волновой интерференции, порождают характерную для нашего времени раздерганность сознания, которую можно назвать болезнью XXI века [Радаев, 2018; 2020]. В первую очередь от этого страдает образование как рутинный процесс, требующий сосредоточенности и длительного погружения. Раздерганности сознания способствуют выработанные привычки параллельно заниматься сразу несколькими делами и выполнять множественные задачи. Подобная многозадачность (multitasking) в безудержном стремлении сэкономить дефицитное время не только влечет за собой неизбежное падение концентрации, но и способна приводить к обесмысливанию учебных занятий, которые все же нуждаются в определенном внимании.

Размывание устойчивой мотивации студента. В прежние времена студенты (по крайней мере, лучшие из них) четко знали, чего они хотят, и настойчиво шли к поставленным целям. Сегодня мы с немалым беспокойством наблюдаем размывание их устойчивой мотивации – к определенным занятиям, выбранной будущей специальности. По инерции в сфере высшего образования на 99% продолжают готовить студентов к определенным профессиям, а жизнь ушла далеко вперед – состав профессий быстро обновляется, а предпочтения сегодняшних студентов меняются еще стремительнее. В результате сегодня 30–40% выпускников не работают по профессии [Кузьминов, Юдкевич, 2021: 15, 381], и это уже никого не смущает.

Новые поколения студентов оказались в ситуации множественного выбора – образовательных программ, элективных курсов, внеучебных занятий, – которого старшие поколения были во многом лишены. Возможность выбирать – это великое благо, но нередко оно способно сыграть и злую шутку. К вечной боязни не успеть что-то важное («опоздать на поезд») добавляются трудности самого выбора из обилия альтернатив («боязнь сесть не в тот поезд»), а уже после совершения выбора часто не отпускает ощущение того, что ты упустил другие возможности (как тебе кажется, лучшие). Это ощущение порождает дополнительные сомнения в правильности избранного пути. На деле «упущенные» альтернативы наверняка ничем не лучше. Но стремление успеть и попробовать как можно больше приводит к отказу от линейных траекторий и периодическим метаниям. В результате, с одной стороны, вместе с возросшей гибкостью у молодых людей снижается лояльность выбранному делу или профессии, группе или организации, что воспринимается весьма болезненно представителями старших поколений, которые привыкли к работе в относительно замкнутых коллективах и их пополнению путем инбридинга (выращивания коллег из своих учеников). С другой стороны, многие дела не доводятся до финальной точки. Результатом становится расстраивающее многих отсутствие реального успеха в избранном деле [Радаев, 2020].

Растущий прагматизм студентов. Дополнительное давление на преподавателей порождается растущим прагматизмом студентов, которые все больше требуют от университета прикладных знаний, чтобы их можно было применять – немедленно или в ближайшей перспективе. Студенты пытаются понять, кем они станут и что им пригодится на будущем поприще. Они хотят быстрых эффектов. В том числе это давление направляется на деавуирование общих теоретических дисциплин. К сожалению, такое стремление к сугубо прикладным навыкам стимулируют и многие работодатели не слишком продуманными высказываниями о бесполезности академического образования.

Игнорировать эти требования вряд ли удастся. Однако отдать формирование учебных программ целиком на откуп самим студентам – тоже не лучшая идея. В этом отношении правильнее последовать простому совету Г. Розовски, в прошлом одного из руководителей Гарвардского университета: «Окончательные суждения по вопросам образования лучше всего оставить за теми, кто имеет профессиональную квалификацию» [Розовски, 2015: 265].

Впасть в другую крайность – забросить теорию и учить одному лишь ремеслу, то есть конкретным прикладным навыкам – тоже неверно и противоречит смыслу фундаментального университетского образования. Что делать в этом случае? Пытаться объяснять, что «нет ничего практичнее хорошей теории»? Но умеем ли мы подобные вещи внятно объяснять? В этом я не вполне убежден. Постепенно мы сдаем позиции и сводим обучение к ремеслу с неизбежными оправданиями, что, дескать, «рынок труда требует». В итоге социология заменяется сначала маркетингом, а затем краткими курсами программирования, политология – пиаром и джиаром, психология – персональным консультированием¹.

¹ Если в 1968 г. студенты французских университетов протестовали против сближения социологии и маркетинга [Ридингс, 2010: 217], то сегодня большинство, похоже, проголосует за маркетинг.

Не так просто объяснить студентам, что наиболее эффективные пути не обязательно самые прямые, что под конкретные рабочие места сегодня обучаться бессмысленно, а задача университета – готовить и выпускать думающих людей, которые смогут сориентироваться и быстро добирать необходимые конкретные навыки на любом рабочем месте, что главное сегодня не знать, а уметь учиться. Но объяснять все же придется.

Появление альтернативных форм образования. Раньше места, где можно было получить хорошие знания, были наперечет, а сейчас возникло множество самых разнообразных опций. Более того, помимо формальных образовательных программ, на которые нужно поступать или за которые требуется платить солидные деньги, ширятся возможности самообразования онлайн, совершенно бесплатно или за скромные денежные суммы. Если в былые времена роль высшего образования в формировании общих жизненных установок молодых людей была, по сути, определяющей, то сейчас ее в возрастающей мере формируют «потусторонние» игроки, включая блогеров разного толка и персональных психологов.

Мы входим в ситуацию, когда эффективность высшего образования для будущей карьеры начинает оцениваться не столь однозначно, как раньше. После 1990-х гг. высшее образование становилось все более массовым, и мы начали двигаться к его всеобщему охвату как к будущему канону. По крайней мере, более 80% родителей, по результатам опросов, хотели, чтобы их дети учились в университетах [Кузьминов, Юдкевич, 2021: 15]. Еще десятилетие назад считалось, что высшее образование – непереносимое условие успеха в профессии и в жизни. В последнее время появляется все больше сомневающихся в его самооценности. Происходит падение оценок его важности для будущей карьеры. По данным опросов ВЦИОМа, доля согласных с тем, что высшее образование обеспечивает успешную карьеру и облегчает достижение жизненных целей, с 2008 по 2018 г. у респондентов в возрасте от 18 до 24 лет упала с 79 до 52%, а в возрасте от 25 до 34 лет – с 74 до 50%. В старших поколениях снижение тоже наблюдается, но оно заметно меньше [Высшее образование..., 2018]. Эти цифры выглядят неожиданными и разочаровывающими для многих из нас. Лучшие университеты своих студентов привлекут в любом случае, в этом сомнений нет. Но если говорить о высшем образовании в целом, не исключено, что многие учебные заведения начнут терять своих абитуриентов, в том числе весьма одаренных, которые сочтут, что решат свои образовательные проблемы самостоятельно. Не исключено, что нам в перспективе придется доказывать необходимость формального высшего образования, о чем мы ранее никогда даже не задумывались.

Такое отношение к нему подготавливается еще в школьные годы. Доля хоумскулеров (обучающихся вне школы) в России пока значительно менее 1%, но она заметно возрастает. На помощь родителям приходят репетиторы и многочисленные онлайн-программы [Поливанова и др., 2020]. Когда родителям говорят, что обучение вне школы и вне университета мешает полноценной социализации юношей и девушек в живой среде среди своих сверстников, моментально следует ответ, что эта живая среда является источником непрекращающегося буллинга и прочих рисков, к которым в период пандемии добавились риски заражения и которым не хочется подвергать собственного ребенка, а нынешние дети прекрасно социализируются в виртуальной среде. Готовы ли мы отстаивать свои прежние позиции?

Снижение авторитета преподавателя. Молодые люди сегодня воспитаны Интернетом и социальными сетями, они сами находят ответы в открытом виртуальном пространстве. Они склонны быстро перепроверять информацию, предлагаемую преподавателем, и находить для себя альтернативные точки зрения. У них возникают свои авторитеты, часто вне научной среды, о которых мы даже не знаем, в лучшем случае что-то слышали.

В процессе информационного поиска во все большей степени в работу вовлекается искусственный интеллект, который постепенно замещает профессиональную экспертизу. Поисковые машины подбирают наиболее подходящие варианты по результатам наших собственных прошлых поисков. Правда, в процессе такого поиска могут возникать «информационные пузыри» [Pariser, 2011], которые в тенденции способны изолировать пользователя от точек зрения, противоречащих ее/его собственным, ранее сложившимся

взглядам и предпочтениям. Как пользователи, мы не всегда это замечаем, а если замечаем, то не слишком об этом заботимся, потому что нам так удобнее.

Во многих случаях алгоритмические решения работают уже лучше оценок профессиональных экспертов, которые содержат изрядную долю субъективности или опираются на теории достаточно общего порядка. Немало примеров на этот счет приводится в книге нобелевского лауреата Д. Канемана [2014: 298], хотя она выпущена в 2011 г., и число их с тех пор наверняка возросло. Естественно, признание этого факта вызывает почти неизменные протесты экспертных сообществ. В самом деле, эксперту не слишком приятно узнавать, что статистическая формула или машинный алгоритм дают лучшие предсказания или совершают более оптимальный выбор, чем ты со всеми своими знаниями, навыками и накопленным опытом.

Когда все можно прогуглить, неизбежно снижается роль профессиональной экспертизы в целом и авторитет преподавателя в частности. Конечно, его социальный и экономический статус «просел» еще в 1990-е гг. Тем не менее преподаватель оставался значимой фигурой, носителем чуть ли не сакрального знания, а сейчас затрагивается уже его/ее профессиональный статус, основа основ – происходит постепенное вымывание разного рода квалифицированных посредников-толкователей (а преподаватель, несомненно, один из них), утрата безусловных авторитетов. Сейчас кажется, что студент все может найти самостоятельно, и на каждое суждение профессора тут же найдется полдюжины альтернатив, которые если и не подрывают позицию преподавателя, то лишают ее былой весомости и исключительности. Знать больше, чем Интернет, в принципе невозможно. В итоге влияние довольно быстро утекает от квалифицированных экспертов к тому, кто умеет оперативнее и лучше упаковывать и подавать информацию [Конец привычного мира, 2021: 8].

Авторитет профессионалов снижается не только в образовании, но и в других сферах доверительных услуг, например в медицине, где врачи с развитием разнообразных интернет-сервисов также утратили монополию на знание. Но к рекомендациям врачей люди все же относятся внимательнее, поскольку речь идет о жизни и здоровье. Преподавателям в этом отношении тяжелее.

Давление на преподавателей и инфляция оценок. Современные студенты требуют к себе повышенного внимания, хотя индивидуальной обратной связи и переживают, если ее не получают, причем безотлагательно. Все более ценятся преподаватели, проявляющие заботу о студенте и желание помочь [Lerner et al., 2021], выполняя своего рода «родительскую» функцию, к которой, видимо, не все готовы, а многие и не планируют готовиться. Требование индивидуальных фидбэков – лишь одна сторона дела. Многие преподаватели жалуются, что студенты все активнее оспаривают получаемые оценки. Конечно, это было всегда, но сегодня стало более настойчивым, а временами даже агрессивным. Речь идет не только об итоговых баллах за курс, но и о текущих (промежуточных) оценках. От преподавателей начинают требовать высылать ведомости с проставленными отметками не только за каждый элемент контроля по программе, но и за все без исключения семинары и домашние работы, вдобавок с завидным упорством запрашивать объяснения, почему поставлена та или иная оценка (разумеется, если она кажется заниженной). Выглядит так, как будто преподаватель все чаще должен оправдываться за собственные действия.

Откуда берется эта склонность студентов к избыточной калькуляции собственных усилий и выставляемых оценок? Вряд ли здесь возможен простой и однозначный ответ. Многие привычки приносятся из школы с ее электронными журналами и упрощенными оценочными системами. В целом влияние школы на будущих студентов наверняка велико, но к нему дело, конечно, не сводится. Эти склонности закрепляются университетом, вводящим свои стандартизирующие цифровые инструменты типа Learning Management Systems с открытым доступом к промежуточным результатам обучения. Своеобразный парадокс заключается в том, что чем больше мы формализуем процесс обучения, чем детальнее становится учет, тем больше мы провоцируем формальные запросы со стороны

студентов в стиле «какая у меня текущая оценка на данный момент». Важным фактором обострившейся борьбы за оценки является борьба за студенческие рейтинги и скидки с платы за обучение. Тем более число и доля коммерческих студентов в последние годы заметно выросли. Конечно, многое зависит от общих правил самого университета, от формируемой им институциональной среды. Чем демократичнее порядки, тем больше желания и возможностей у студентов для разного рода требований и опротестований.

Если прямое давление на преподавателя не срабатывает, то в ход могут пустить инструменты институционального представительства – например, привлекаются студенческие советы или студенческие омбудсмены.

Вокруг оценивания образовательных результатов формируются реальные конфликты, причем не поколенческие, а ролевые, с ними сталкиваются и пожилые, и молодые преподаватели. К делу подключаются родители, называющие себя «представителями студента» (при том, что речь идет о совершеннолетних молодых людях), а иногда профессиональные юристы, направляющие формальные запросы и грозящие университету судом.

По результатам Мониторинга преподавательской и научной жизни НИУ ВШЭ, проведенного Центром внутреннего мониторинга в декабре 2021 г., подавляющее большинство (80%) из 809 опрошенных преподавателей и преподающих научных работников в течение 2021 г. хотя бы раз сталкивались с ситуацией, когда студент использовал давление и/или манипуляцию для получения более высоких оценок. При этом в своей педагогической практике, помимо давления со стороны самих студентов, 12% опрошенных преподавателей сталкивались с ситуациями давления и попыток вмешательства в процесс оценивания с целью изменить оценку в пользу студента со стороны родителей студентов, 8% – со стороны студенческих организаций, 5% – со стороны студенческих омбудсменов. Риску предположить, что подобное происходит и в других университетах.

Нарастающее давление со стороны студентов по поводу оценок подталкивает другой процесс, называемый инфляцией оценок, когда преподаватели ставят «отлично» все возрастающему количеству студентов. Некоторым из них не хочется тратить время и нервы на объяснения и споры со студентами. Кто-то из новичков еще не усвоил академические правила, у кого-то оказались не отстроены методики и критерии оценивания, некоторые попросту экономят усилия и не хотят тратить время на адекватное дифференцированное оценивание студентов, которые всегда учатся по-разному и в разной степени мотивированы. Находятся те, кто уступает давлению студентов и идет по легкому пути, есть и такие, кто пытается с помощью завышения оценок повысить свою популярность².

Попытка подорвать университетскую иерархию. Чего хотят наши студенты в отношении оценивания образовательных результатов? Нарастающее требование четких алгоритмических решений (прозрачных, заранее известных) нацелено на устранение неопределенности. Студенты усиленно заботятся о личной безопасности, хотят в максимально возможной степени гарантировать себе положительный исход. По объективным причинам им сложно выигрывать споры с администрацией и преподавателями по поводу действующих правил (тем более их устанавливают не они), не хватает студентам и компетенций для оспаривания сугубо профессиональных вопросов. Поэтому они пытаются воздействовать через смену самого типа аргументации: производится перевод сугубо профессиональных и организационных вопросов учебного процесса в моральную плоскость с рассуждениями о справедливости и несправедливости или в политическую плоскость с заявлениями о попрании студенческих прав.

Важно понять, что перед нами нечто большее, нежели извечное выпрашивание или выбивание лучших оценок и обычная борьба за студенческие рейтинги, попытки получить стипендию, не потерять скидку с оплаты обучения или не «вылететь» из вуза за академическую

---

² Разумеется, это касается не только России. Например, в США отмечался устойчивый тренд, связанный с инфляцией оценок в университетах, который тянется с начала 1980-х годов. См.: URL: <https://gradeinflation.com/> (дата обращения: 26.04.2022).

неуспеваемость. Идущая полным ходом проблематизация системы оценивания становится попытками подрыва власти оценивающего, осознанным или неосознанным желанием сломать традиционную академическую иерархию, перевести отношения «преподаватель – студент» в горизонтальную плоскость, избавиться от односторонней зависимости студента от преподавателя, попытаться договориться «на берегу» по поводу конечного итога.

Это борьба не против системы, а за перераспределение власти в свою пользу *внутри* нее, когда превосходство преподавателя легко объявляется доминированием, которое в свою очередь интерпретируется как принуждение и насилие, причем по самым рутинным вопросам. Возникают и риски того, что такое истолкование поведения преподавателей в терминах злоупотребления доминирующим положением приведет к возрастающей токсичности отношений со студентами вместо их желаемой гармонизации.

Будем надеяться, что подобный дурной сценарий не реализуется. Но огорчает общее снижение отношенческой культуры. К сожалению, за студенческими выпадами зачастую стоят плохо скрываемые подозрения в изначально дурных намерениях преподавателя – не просто в субъективности, но в стремлении к произволу. Большинству преподавателей такое отношение закономерно кажется несправедливым, более того, оскорбительным.

Тренд к превращению университета в супермаркет. Все чаще просматриваются попытки уподобить университет супермаркету: представить студентов в качестве клиентов, а преподавателей – в качестве тех, кто оказывает им образовательные услуги. Это попытка дезавуировать логику наставничества и заменить ее квазирыночной логикой. Разумеется, такой подход большинству из нас, преподавателей, не может нравиться, так как подрывает сами основания университета как академической корпорации, которая не может сводиться к логике «ты – мне, я – тебе».

Этому способствует и развернувшийся процесс коммерциализации образования, который работает как общий фон, и конкретное увеличение числа и доли коммерческих студентов, которые, по всей видимости, считают, что они «заплатили за услуги» и их нужно обучать, а заодно и развлекать, как в любом современном торговом центре. Причем идеи так называемого «академического капитализма», постепенно подчиняющего образование рыночной логике, произрастают одновременно и сверху, и снизу – и от университета, и от студентов [Slaughter, Rhoades, 2004]. Идея о том, что студенты все больше воспринимают себя в качестве потребителя услуг высшего образования, далеко не нова [Tomlinson, 2017]. Интересно, что рост потребительских настроений сегодня причудливым образом сочетается с запросами на удовлетворение эмоциональных потребностей, которые, в свою очередь, подвергаются рационализации. В системе «академического капитализма» логика потребительства сочетается с повышенной эмоциональной чувствительностью [Gretsky, Lerner, 2021; Lerner et al., 2021], «потребитель образовательных услуг» становится все более нервным, требующим внимания, и это еще один из источников неудовлетворенности и давления на преподавателей, которые часто воспринимаются студентами как «высокомерные» и «отстраненные».

Распространение новой этики. Кризисная ситуация может возникать не только вследствие каких-то негативных явлений, но и в результате разрыва в коммуникации – из-за различного понимания одних и тех же вопросов представителями разных групп (в том числе поколенческих). Подобная ситуация характерна для распространения так называемой новой этики, которая связана с серьезными подвижками в понимании границ допустимого и недопустимого в общении между людьми, в том числе между преподавателями и студентами [Конец привычного мира, 2021].

В высокой степени новая этика проявляется в возросшей толерантности к разного рода отклонениям и переводе их в разряд нормы с общим требованием равенства всех людей.

У молодых людей возникает своего рода гиперчувствительность, когда любой намек может быть воспринят как оскорбление, как так называемая микроагрессия, и когда нарастает желание избавиться от малейшей несправедливости путем немедленного наказания виновных – например, путем отстранения или даже увольнения неугодного

преподавателя. Например, американские студенты еще с первой половины 2010-х гг. требуют от администрации университета создания так называемых «безопасных пространств» (safe spaces) с нулевым уровнем толерантности к отклонениям, избавляющих от точек зрения, которые могут задеть их чувства, и от общения с теми, кто не согласен с их мнением [Lukianoff, Haidt, 2015]. Побочным продуктом становятся ограничения свободы слова, а многие сложные проблемы при таком подходе останутся неосмысленными или будут обсуждаться слишком плоско и формально.

С одной стороны, мы должны радоваться повышенной толерантности наших молодых коллег, но, с другой – не могут не смущать некоторые формы реагирования, когда требования толерантного отношения сопровождаются растущей агрессией по отношению к нетолерантным, которая без труда может перерасти в кампании коллективной травли [Конец привычного мира, 2021], процветание «культуры отмены».

Заключение. Итак, современные преподаватели сегодня оказались в непростой ситуации, когда к привычной перегруженности учебными занятиями, требованиям академической продуктивности и бюрократическим обременениям добавились возрастающие сложности в отношениях с новыми поколениями студентов, которые, в свою очередь, зеркалируют множественные изменения в окружающем нас мире. И мы часто оказываемся не готовыми не только к грядущим, но и к уже совершившимся переменам. Рассмотренные нами проблемы были усугублены пандемией коронавируса, которая заставила форсированным порядком переводить образование в онлайн. Для разрешения этих проблем и ответа на сакраментальный вопрос «что делать?» мы прежде всего должны сформулировать для себя общие принципы, которыми намерены руководствоваться в дальнейших действиях. Эта тема, заслуживающая отдельного внимания, изложена нами в другой работе [Радаев, 2022].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Высшее образование: путь к успеху или лишняя трата времени и денег. М.: ВЦИОМ, 2018. URL: <https://infographics.wciom.ru/theme-archive/society/social-problems/education-skills/article/vysshee-obrazovanie-put-k-uspekhу-ili-lishnjaja-trata-vre> (дата обращения: 27.04.2022).
- Губайловский В. Искусственный интеллект и мозг человека. М.: Наука, 2019.
- Канеман Д. Думай медленно... Решай быстро. М.: АСТ, 2014.
- Караваев Н.Л., Соболева Е.В. Анализ программных сервисов и платформ, обладающих потенциалом для геймификации обучения // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. № 8. С. 14–25.
- Конец привычного мира. Путеводитель журнала «Нож» по новой этике, новым отношениям и новой справедливости. М.: Альпина нон-фикшн, 2021.
- Корешникова Ю.Н., Фрумин И.Д. Профессиональные компетенции педагога как фактор сформированности критического мышления студентов // Психологическая наука и образование. 2020. № 6. С. 88–103.
- Кузьминов Я.И., Юдкевич М.М. Университеты в России: как это работает. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021.
- Максименко А.А., Дейнека О.С., Духанина Л.Н., Сапоровская М.В. Фаббинг: особенности аддиктивного поведения молодежи // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 4. С. 345–362.
- Малошонок Н.Г. Взаимосвязь использования Интернета и мультимедийных технологий в образовательном процессе со студенческой вовлеченностью // Вопросы образования. 2016. № 4. С. 59–83.
- Поливанова К.Н., Бочавер А.А., Павленко К.В., Сивак Е.В. Образование за стенами школы. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020.
- Радаев В.В. Преподавание в кризисе. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022 (в печати).
- Радаев В.В. Миллениалы: как меняется российское общество. 2-е изд. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020.
- Радаев В.В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 15–33.
- Ридингс Б. Университет в руинах. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2010.

- Розовски Г. Университет. Руководство для владельца. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015.
- Твенге Дж. Поколение I. Почему поколение Интернета утратило бунтарский дух, стало более толерантным, менее счастливым – и абсолютно не готовым ко взрослой жизни. М.: Рипол-Классик, 2019.
- Chotpitayasunondh V., Douglas K.M. The Effects of “Phubbing” on Social Interaction // *Journal of Applied Psychology*. 2018. Vol. 48. No. 6. P. 304–316.
- Gretsky M., Lerner J. Students of Academic Capitalism: Emotional Dimensions in the Commercialization of Higher Education // *Sociological Research Online*. 2021. Vol. 26. No. 1. P. 205–221.
- Lerner J., Zbenovich C., Kaneh-Shalit T. Changing meanings of university teaching: the emotionalisation of academic culture in Russia, Israel and the US // *Emotions and Society*. 2021. Vol. 3. No. 1. P. 73–93.
- Lukianoff G., Haidt J. The Coddling of the American Mind. *The Atlantic*. September 2015. URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2015/09/the-coddling-of-the-american-mind/399356/> (дата обращения: 27.04.2022).
- Pariser E. *The Filter Bubble: What the Internet is Hiding from You*. L.: Viking, 2011.
- Slaughter S., Rhoades G. *Academic Capitalism and the New Economy: Markets, State, and Higher Education*. Baltimore. L.: The Johns Hopkins University Press, 2004.
- Tomlinson M. Student perceptions of themselves as ‘consumers’ of higher education // *British Journal of Sociology of Education*. 2017. Vol. 38. No. 4. P. 450–467.

Статья поступила: 21.04.22. Принята к публикации: 19.05.22.

CRISIS IN THE MODERN UNIVERSITY TEACHING: WHAT WENT WRONG?

RADAEV V.V.

National Research University Higher School of Economics, Russia

Vadim V. RADAEV, Dr. Sci. (Econ. and Sociol.), Prof., Head of Laboratory for Studies in Economic Sociology, First Vice-Rector, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia (radaev@hse.ru).

Acknowledgements. This work was supported by the Program for Basic Research of the National Research University Higher School of Economics. We thank for valuable comments B.A. Belyavsky, I.S. Chirikov, I.A. Gruzdev, Z.V. Kotelnikova, A.A. Kurakin, I.V. Makarova, I.V. Pavlyutkin, A.V. Shevchuk, D.O. Strebkov, E.A. Sukhanova, Ye.A. Terentiev, and M.M. Yudkevich.

Abstract. Crisis in the university teaching is examined as a result of an inflow of the new generations of university students in the 2010s. It is reflected in the undermining of traditional textual culture and the progressive rejection of the accumulation of cultural baggage, in the emergence of alternative educational opportunities and new requirements for the packaging of educational material, in increasing difficulties with retaining the attention of students and blurring their stable motivation, in a marked decline in the authority of the teacher and increasingly persistent attempts to question the ways of evaluating educational results, in the spread of new ethics and the increasing desire of students to protect their own rights.

Keywords: crisis, higher education, surveys of students and teachers, new ethic, Russia.

REFERENCES

- Chotpitayasunondh V., Douglas K.M. (2018) The Effects of “Phubbing” on Social Interaction. *Journal of Applied Psychology*. Vol. 48. No. 6: 304–316.
- Gretsky M., Lerner J. (2021) Students of Academic Capitalism: Emotional Dimensions in the Commercialization of Higher Education. *Sociological Research Online*. Vol. 26. No. 1: 205–221.
- Gubaylovsky V. (2019) *Artificial Intelligence and Human Brain*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Higher Education: A Way to Success or Excessive Waste of Time and Money (2018). Moscow: VCIOM. URL: <https://infographics.wciom.ru/theme-archive/society/social-problems/education-skills/article/vysshee-obrazovanie-put-k-uspekh-u-ili-lishnjaja-trata-vre> (accessed 27.04.2022). (In Russ.)
- Kaneman D. (2014) *Thinking, Fast and Slow*. Moscow: AST. (In Russ.)
- Karavayev N.L., Soboleva E.V. (2017) An Analysis of Software Services and Platforms Having Potential for the Gamification of Teaching. *Nauchno-Metodicheskiy Elektronnyi Zhurnal Kontsept* [Science and Methodical E-Journal Concept]. No. 8: 14–25. (In Russ.)

- Koreshnikova Yu.N., Froumin I.D. (2020) Professional Competencies of the Teacher as a Factor Enabling a Critical Thinking of the Students. *Psikhologicheskaya Nauka i Obrazovaniye* [Psychological Science and Education]. No. 6: 88–103. (In Russ.)
- Kouzminov Ya.I., Yudkevich M.M. (2021) *Universities in Russia: How It Works*. Moscow: HSE University Publishing House. (In Russ.)
- Lerner J., Zbenovich C., Kaneh-Shalit T. (2021) Changing meanings of university teaching: the emotionalisation of academic culture in Russia, Israel and the US. *Emotions and Society*. Vol. 3. No. 1: 73–93.
- Lukianoff G., Haidt J. (2015) The Coddling of the American Mind. *The Atlantic*. September. URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2015/09/the-coddling-of-the-american-mind/399356/> (accessed 27.04.2022).
- Maksimenko A.A., Deyneka O.S., Dukhanina L.N., Saporovskaya M.V. (2021) Fubbing: Peculiarities of Addictive Behavior of the Youth. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 4: 345–362. (In Russ.)
- Maloshonok N.G. (2016) Interdependence of the Internet Use and Multimedia Technologies in the Educational Process with a Student Involvement. *Voprosy Obrazovaniya* [Education Studies]. No. 4: 59–83. (In Russ.)
- Pariser E. (2011) *The Filter Bubble: What the Internet is Hiding from You*. L.: Viking.
- Polivanova K.N., Bochaver A.A., Pavlenko K.V., Sivak E.V. (2020) *Education Beyond the School Walls*. Moscow: HSE University Publishing House. (In Russ.)
- Radaev V.V. (2022) *Teaching in Crisis*. Moscow: HSE University Publishing House. (In Russ.) (in print).
- Radaev V.V. (2020) *Millennials: How Russian Society Is Being Changed*. 2d ed. Moscow: HSE University Publishing House. (In Russ.)
- Radaev V.V. (2018) Millennials compared to previous generations: an empirical analysis. *Sociologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3: 15–33. (In Russ.)
- Readings B. (2010) *The University in Ruins*. Moscow: HSE University Publishing House. (In Russ.)
- Rosovsky H. (2015) *The University: An Owner's Manual*. Moscow: HSE University Publishing House. (In Russ.)
- Slaughter S., Rhoades G. (2004) *Academic Capitalism and the New Economy: Markets, State, and Higher Education*. Baltimore. L.: The Johns Hopkins University Press.
- The End of the World as We Know It. A Guide of the Knife Journal on the New Ethic, New Relationships and New Justice*. Moscow: Alpina Non-Fiction, 2021. (In Russ.)
- Tomlinson M. (2017) Student perceptions of themselves as 'consumers' of higher education. *British Journal of Sociology of Education*. Vol. 38. No. 4: 450–467.
- Twenge J.M. (2019) *iGen: Why Today's Super-Connected Kids Are Growing Up Less Rebellious, More Tolerant, Less Happy and Completely Unprepared for Adulthood*. Moscow: Ripl-Classic. (In Russ.)

Received: 21.04.22. Accepted: 19.05.22.

© 2022 г.

Д.Г. ПОДВОЙСКИЙ, А.К. СПИРКИНА

В ТИШИНЕ..., МЕЖ ЛЮДЕЙ...: МОЛЧАНИЕ КАК ПРЕДМЕТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

ПОДВОЙСКИЙ Денис Глебович – кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии и философии истории философского факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова; доцент кафедры социологии Российского университета дружбы народов; ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН (dpodvoiskii@yandex.ru); *СПИРКИНА* Анастасия Константиновна – аспирант социологического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук (spirkina.ak@yandex.ru). Оба – Москва, Россия.

Аннотация. В статье обосновывается оригинальная концептуализация молчания как социального явления посредством когнитивно-методологического инструментария теории практик и социологии повседневности. Различные интерпретации молчания, которые можно встретить в социально-гуманитарных текстах, напрямую связаны с формой употребления слова «молчание» в быденном языке. Зачастую они заимствуют из последнего не только само понимание данного феномена, но и окружающие молчание таинственность и нелогичность, не удовлетворяющие исследователя, стремящегося к ясности. Понятие «молчание» нередко используется как метафора, что поэтизирует и мифицирует дискурс о нем. Следование за молчанием по лабиринтам бытового и художественного языка оборачивается разговорами о «безмолвии природы», Бога, души, мест и пространств, «молчании народов» и обществ, других «фантастических» формах молчания, понятных интуитивно, но не поддающихся прямому научному изучению. Концепция молчания как практики, по мнению авторов, способна вывести разговор о нем на более «плотный» эмпирический уровень и показать, как здесь-и-сейчас в мире повседневности люди могут молчать в типовых социально организованных ситуациях.

Ключевые слова: молчание • концептуализация молчания • социальные практики • социальное действие • социология повседневности • микросоциология

DOI: 10.31857/S013216250019659-7

Такое разное молчание. Любой социализированный человек знает, что молчание окружающих его людей может иметь много смыслов и значений. Общество регламентирует и оценивает молчание от случая к случаю неодинаково. Молчание может быть обязательным или неприемлемым, желательным, допустимым, неприличным, предосудительным, расцениваться как напряженное, странное, тягостное, великодушное, достойное, уклончивое, как проявление робкого нрава и застенчивости, слабости или, наоборот, силы, глупости/незнания или мудрости и т.п. в зависимости от социальных обстоятельств и культурных норм. Например, юридически значимое «хранение молчания» в разных ситуациях может быть правом (право не давать показаний против себя), обязанностью (в зале суда) или наказанием, когда молчание, обычно в паре с изоляцией, составляет дисциплинарно-исправительную меру для осужденных [Молчание в праве, 2021: 91–94]. Одно дело молчать как «тварь бессловесная», не сметь промолвить слово, высказать свое мнение, подать голос, другое – молчать под пыткой, сохраняя стойкость. Люди умеют тихо

ненавидеть, проклинать, завидовать, «стиснув зубы», следуя моральному долгу или приличиям («вздыхать и думать про себя: когда же черт возьмет тебя!»); они также умеют тихо любить («сердце верное любви молчать обязано»). Молчаливое согласие и одобрение отличаются от молчаливого отказа, сопротивления и саботажа. Действительно, молчание других безразлично людям, и потому оно подвергается оценке с разных сторон (и разными сторонами) в конкретных ситуациях социального взаимодействия. Требования множества неформальных, нефиксируемых – и зачастую непроговариваемых – норм предписывают то тут, то там держать язык за зубами или, наоборот, порицают молчание.

В большинстве социальных ситуаций взрослому человеку приходится заниматься исполнением своих ролей по более или менее заданному сценарию, в той или иной мере регламентирующему способы молчания и говорения. Чем больше молчание человека преодолевает рамки уместного, тем интенсивнее недовольство других и тем обычно более неловко ему самому. Поэтому он чувствует, что хочет следовать этим сценариям, и чтобы другие им тоже следовали.

Однако нам недостаточно указать на простую возможность получения с помощью молчания социального вознаграждения или лишения каких-либо привилегий. Интереснее другое – функции молчания в социальной жизни оказываются исключительно разнообразными. С помощью молчания можно вступать в коммуникацию (и покидать ее), осуществлять социальные ритуалы, идти по духовному пути, достигать взаимопонимания или вводить в заблуждение. Молчание может быть формой искусства, поэзией, шуткой, игрой и т.д. Множественность эмпирических воплощений, отягченная «немногословным характером», делает из молчания вещь принципиально туманную и сложную для интерпретации. Поэтому приходится признать, что без предметного разговора понятного в молчании довольно мало.

Чтобы подобный разговор был начат, нужно выяснить: о чем, собственно, идет речь? Что понимается под «молчанием»? Ответ на этот вопрос, к сожалению, не является очевидным и простым. Уже при беглом обзоре соответствующей литературы и анализе быденного языка становится понятно: никакого корпуса текстов, посвященных какому-то единому четко очерченному молчанию, не существует, а бытовые выражения о молчании настолько разные (и по настроению, и по контекстам употребления), что невозможно поверить, что все они говорят об одном и том же.

Молчание интерпретируется в религии и теологии, языкознании, философии, социальной психологии, истории, антропологии и этнографии, литературе и быденном языке (напр.: [Корбен, 2020; Богданов, 1997; Шульц, Любимова, 2018: 84–93]). Хотя каждая из этих областей вносит в осмысление вопроса свой вклад, разнодисциплинарные представления о молчании напоминают лоскутки, из которых никак не складывается единая картина. Почему? Во многом дело обстоит именно так, потому что молчание – изначально не научный термин. Поэтому неудивительно, что понимание исследуемого объекта «вытаскивается» из естественного языка, где «молчание» живет бурной и насыщенной жизнью, но не цельной и упорядоченной.

Анализ молчания как речевого акта, осмысленного духовного опыта или стратегии поведения представляется ценным и перспективным, однако трудность состоит в том, что молчание – категория, склонная к поэтизации. Кто действительно неустанно «разрабатывал» тему молчания и делал это весьма плодотворно – это авторы стихов и поэм, романов, сценариев, либретто, текстов популярных песен, философских изречений и народной мудрости. Творцы культуры создали огромное облако смыслов, вложенных в «молчание» на уровне образов. Разные «молчания» так сильно «расползлись» по языку, что могут уже не иметь друг с другом почти ничего общего, выполняя различные языковые функции и ведя вполне автономное существование.

Буквальная и метафорическая формы молчания. «Молчание» как слово используется в разных жанрах и дисциплинах, имеет множество смысловых оттенков. Не будем перебирать их все до единого. Вместо этого стоит начать с более общего и, вероятно, гораздо более важного различия: все семантическое поле употребления слова

«молчание» можно условно разделить на две области (отчасти пересекающиеся). Внутри обыденного языка, наряду с *молчанием в буквальном смысле*, – описывающим эмпирически фиксируемую ситуацию, когда человек не произносит слов, – есть множество языковых форм, представляющих то, что можно назвать *молчанием в метафорическом смысле*. Например, «молчание» как избегание в речи какой-то определенной темы в определенных обстоятельствах (гораздо лучше здесь подошли бы «дискурсивные табу» или «умолчания»), «молчание» надындивидуальных социальных существ (например, «молчание русского народа»¹, или выражения типа «идеология / политика / культура молчания»... etc.), неживых² и, в принципе, неговорящих акторов, в том числе божественное или природное молчание (молчание мест и пространств: неба, гор, руин, заброшенного пустыря... etc.), а также такие словесные формы, в которых молчание выступает активным действующим лицом, способным «владеть» помещением, «обитать» в нем..., и прочее. Все перечисленное относится к случаям, когда слово «молчание» употребляется в переносном значении. Иногда такие формы довольно похожи на буквальное молчание, а иногда связаны с ним не намного больше, чем просто тем, что так же называются.

«Ритуализированное» молчание, когда общество запрещает человеку произносить слова в рамках конкретной социальной практики, означает, что человек молчит в буквальном смысле. Молчание как элемент в структуре здесь-и-сейчас речевой коммуникации означает то же самое. Религиозные формы практик молчания тоже предполагают особым образом молчащих людей. Метафорически понятие «молчание» может означать практически что угодно. В лучшем случае может оказаться, что метафорическое молчание просто распространяется на нечеловеческих «персонажей» и тождественно «тишине»³, но, что более вероятно, оно охватывает гораздо более широкий и принципиально неоднородный комплекс собственных воплощений в физическом, духовном и социальном мирах.

Например, божественное молчание именно потому не совсем буквальное, что Бог – это «не совсем человек», и непонятно, можно ли Ему приписывать способность говорить, аналогичную человеческой, и на том же основании считать, что Он молчит, и Его молчание поучительное, предостерегающее, тягостное, убивающее, мудрое... Если природа вкладывает смысл в свое молчание («действует» при помощи молчания), то уж, по

¹ Русскому народу, или даже России, как бы мы ни определяли эти культурно-исторические «сущности», приписывается множество вариаций молчания как специфического lifestyle или *modus vivendi/orogandi*, наделенных различными позитивными, негативными или амбивалентными коннотациями. В области социально-политической, по-видимому, лидирует русское молчание как проявление пригнобленного смирения и долготерпения. Отчего, собственно, народ [в финале «Бориса Годунова»] «безмолвствует» – то ли от ужаса, то ли от бессилия и покорности, то ли от того и от другого вместе? (хотя в обоих случаях речь идет об особом отношении к власти)? Существует мнение, что эта пушкинская фраза, столь точно описывающая отечественные политические реалии разных эпох, на самом деле отсылает к изречению Мирабо: «Молчание народа – урок для королей». С другой стороны, молчание России порой весьма эффектно и патетически превозносится (например, у А.С. Хомякова: «В молчанье сердца сокровенна, глагол творца прияла ты»).

² Молчание робота или голосового помощника (типа Siri или Алисы) при этом – особая тема, включенная в более общий контекст вопросов коммуникации с участием «акторов», наделенных не человеческим, а искусственным интеллектом.

³ В этом смысле нам настолько же помогает тот факт, что в русском языке есть разные слова для «молчания» и «тишины», как англо-, франко-, испано- (и т.д.) говорящим мешает то, что слово «silence» – это и тишина, и молчание одновременно. Семантические сферы «тишины» и «молчания» в русском языке пересекаются, но не совпадают полностью. Обусловлено это тем, что «тишина» чаще всего противоположна «шуму», а «молчание» – звучащей речи. Русский в этом плане не одинок: в иврите, например, также различается молчание как отсутствие звуков («sheket») и молчание как отсутствие речи («shtika»). Последнее производится тем, кого считают в принципе способным на речь. Английскому же «silence» куда труднее отличить «живость» акторов, производящих это самое «silence», как и носителям большинства других языков, нечувствительных к этой разнице, где решение этого вопроса целиком перекладывается на контекст употребления.

крайней мере, она должна уметь если не говорить человеческим языком, то думать, а мы в этой ее способности не уверены.

Ясно, что смыслы и значения буквального молчания могут отличаться и ситуативно, и культурно-исторически – как раз эта вариативность и порождает интерес к изучению молчания. Однако в данном случае мы понимаем, что «ментальный пласт» привязывается к какому-то одному осязаемому событию. У исследования молчания, понятого буквально, есть объект с более или менее понятными эмпирическими характеристиками, объект, который при всей своей «молчаливой таинственности» все же не утекает сквозь пальцы.

Можно показать проведенную нами границу иначе. С одной стороны от нее находится молчание как идея («идею» здесь следует понимать в платоновском смысле), с другой – молчание как практика. Ключевым здесь является то, что у «молчания как идеи» есть, если можно так выразиться, какая-то внутренняя «молчательная суть», которая всякий раз кладется в основу метафоры. Дозировка «молчательной сути» может быть разной, но она обязательно должна быть в составе, как действующее вещество в таблетке. Как раз чувство «на самом деле наличия» этой сути – и есть чувство, что о каком бы молчании ни шла речь, у них будет что-то общее – общая идея. Практику же просто видно и слышно (или, если в нашем случае слышно не очень хорошо, ее точно можно *сделать*). Она никогда не «внутри», но находится на поверхности.

Наверное, ясно, что сама граница была проведена, чтобы сказать в итоге: нас будет интересовать скорее то, что «в буквальном смысле», то, что «практика». Это так. Но этот выбор делается просто в пользу эмпиричности. Он не отменяет существования отрезанного нами куска (языковой) реальности и не снимает ответственности за ее, возможно, неоправданное упрощение.

«Метафорическое молчание», однако, – это не метафизический демон, которого необходимо непременно изгнать из «эмпирически точных» социологических текстов. Напротив, это ключевой из возможных способов концептуализировать молчание в социологии. Когда, например, речь заходит о «молчаливом поколении», воспитанном военным временем и ориентированном на терпение, осторожность в словах, следование своему долгу и правилам без пререканий и жалоб, – это, конечно, «метафора». Но это все же не просто «философия», парящая над пропастью. Если метафора «молчаливого поколения» родилась в связи с эмпирически наглядным молчанием людей, значит между выбором стратегии молчания в конкретных ситуациях и принадлежностью к поколению действительно может иметь место некая корреляция. Если это так, то исследование подобной связи было бы существенным вкладом в изучение молчания – в данном случае со стороны характеристики участвующих в молчании индивидов, «молчаливых» по определенным «макросоциологическим» причинам. Однако обоснованность концептуализированного молчания все равно не позволяет нам поставить знак равенства между ним и молчанием в буквальном смысле, так же, как нельзя поставить его между теоретическим и эмпирическим уровнями знания.

Метафорические понятия можно изобразить как «бледность буквальности», ее «разбавленность» или «подражание». Они выходят «на другой уровень» осознания реальности, и это делает их такими привлекательными и в эвристическом, и в художественном смысле. Но чересчур «воздушные» исследовательские объекты и факты, установленные насчет них, разочаровывают своей неуловимостью.

Особые «опосредованные» виды диалогового молчания также относятся к варианту метафоры. Молчание лицом к лицу и молчание «в письменной форме», замещается ли последнее многоточиями, междометиями, эмодзи или просто долгими паузами, откровенными игнорированиями или даже включениями собеседника в «черный список» контактов, нельзя приравнять друг к другу хотя бы потому, что роль «посредника» (канала связи) велика, во многом определяет правила общения и решает судьбу диалога. Поскольку «считывание» лица, позы, жестов и самой включенности в переписку при дистантной текстовой коммуникации невозможно, определенная чуткость и «надежность в угадывании»

смысла молчания улетучивается. Мы не знаем, отвлекся ли собеседник, расстроился, обрадовался, просто долго пытается подобрать правильные слова, или «может быть, твое письмо затерялось, не дошло» и т.п. В случае если общение письменное, очень сложно догадаться, почему ответа не поступает тогда, когда он ожидается. Молчание в телефонной трубке или с использованием видеосвязи – уже гораздо ближе к тому, что происходит в «живом диалоге», и более открыто для переноса значений из обычного молчания, но тоже так или иначе ограничено (трансформировано) участием неживого «третьего» (технического медиума).

Впрочем, оба обсуждаемых семантических пласта понятия молчания действительно имеют множество пересечений, и настаивать на онтологической заостренности разделяющей их границы не имеет особого смысла. К проведенному разделению, по-видимому, стоит относиться как к аналитически важному, хотя и подвижному фронтиру, не как к запретной черте, за которой начинается зловещий мрак псевдонаучных иллюзий и заблуждений.

Молчание как эмпирический социальный феномен: ситуационный контекст, прагматическая образность и смысл. Теперь, когда от «молчания» отпали все его языковые формы, которые не относятся к тому, что человек здесь и сейчас наблюдаемо «ничего не говорит», становится очевидно: дефиниция «не говорит» ни на что не годится. Ведь как физик может измерить только уровень освещенности, но не темноту комнаты, социолог может исследовать только то, что *видно, слышно*, – то, что эмпирически фиксируемо. К примеру, диалог в очереди в поликлинике, корреляция на экране компьютера, театральная сцена, футбольный матч – все это может быть каким-то образом эмпирически схвачено наблюдателем. И к этому эмпирически схватываемому и фиксируемому можно применить весь арсенал исследовательских методов, доступных нашей дисциплине, начиная с непосредственного наблюдения, записей на всевозможные носители и их анализа, заканчивая опросами, экспериментами и прочими социологическими препарированиями. С тем, *чего не видно и не слышно*, ничего подобного сделать не получится.

Действительно, даже когда люди высказываются, понять их порой бывает непросто, когда же они молчат – понять их еще сложнее. Иван Васильевич во всем известном фильме, обращаясь к режиссеру Якину, справедливо заметил: «... Как же тебя понять, коли ты ничего не говоришь?» Поэтому любой интерпретатор речевых или прочих действий мог бы посоветовать: если даже в словах человеческих в иных случаях обнаруживается не так много ясного, то в молчании – и того меньше. Но означает ли сказанное, что социологически исследовать молчание невозможно?

Это, к счастью, не так. Молчание и правда, хотя бы чисто акустически, противоположно речи. Но ведь если нет слов, должно быть что-то помимо них. И дело даже не в том, что социология совсем не похожа на оптику, а потому что ключевым элементом социального в принципе является не слово и не его отсутствие, а *связь* (обычно между людьми). С одной стороны, связь может быть показана через понятия «коммуникации» и/или «социального действия». Тогда нам не нужно слово, но нужен (пред)полагаемый человеком смысл, вложенный в знаковое выражение. Здесь важно, что и сказанные слова, и молчание что-то *означают*, они как бы «не просто так», т.е. являются семантически нагруженными, притом интересубъективно. Важнейшая характеристика молчания с этой точки зрения – наличие «получателя» и допущение, что он будет трактовать сообщение/действие более или менее так, как «отправитель» и хотел (иначе вашего молчания, как и слов, никто [правильно] не оценит и не поймет, а интеракция развалится!). Поэтому можно говорить с некоторой долей условности (опять же в значительной мере метафорически) о существовании и эмпирическом хождении «языка» или, точнее, «языков» молчания, разумеется, обладающих высокой степенью социокультурной относительности и вариативности. С другой стороны, социальная связь, о которой идет речь, может быть показана как соединение элементов практического рутинного «исполнения» молчания (разных форм), где тоже нужно не слово, но возможность посмотреть и описать «как это

делается». В обоих случаях молчание интересно не само по себе, но как правилосообразное, институционально и/или ситуационно определенное действие.

Таким образом, молчание – не просто практика «неговорения» внутри каким-то образом фреймированных – или, иначе сказать, социально-упорядоченных – ситуаций. Фактически люди часто молчат, находясь внутри какой-то социальной ситуации. Однако зачастую они не фокусируются на молчании и не используют его как инструмент, который был бы неотделим от правильного или успешного выполнения какой-либо практики. Молчание обычно просто наличествует как фон какой-нибудь другой интенции ума. Тогда можно сказать, что человек и не говорит, и не молчит – он просто делает что-то иное. И в данном случае как раз не имеет смысла заниматься исследованием феномена молчания. Другое дело, когда молчание – это «основное» действие, или хотя бы одно из ключевых, когда без молчания это самое действие, или цепочка действий, теряет смысл.

Что вы хотите сказать своим молчанием? Почему понимание всех вышеописанных нюансов, связанных со словами и языком, нам так необходимо? Приведем один пример. В литературе, посвященной теме молчания (разной, но особенно философского толка), часто встречается мысль, что молчание есть некий невербализированный мыслительный процесс, который (как и любой мыслительный процесс), по Э. Гуссерлю, обязательно должен быть «о (чем-то)» (напр., см.: [Эпштейн, 2006]). Если молчит – значит молчит «о чем-то». Тот факт, что «молчать о чем-то» существует как довольно ходовое выражение в бытовом языке, еще больше подкрепляет данную идею. Эта форма рассуждения концентрируется в знаменитом афоризме раннего Витгенштейна: «о чем невозможно говорить, о том следует молчать», и из него делается вывод: «значит, у молчания и речи есть *общий предмет*. Именно невозможность говорить о чем-то делает возможным молчание о том же самом... Если бы не было разговора, не было бы и молчания – не о чем было бы молчать» [там же: 179]. Особенно интересно в данном отрывке, как изящно его автору – Михаилу Эпштейну – удается сочетать довольно строгие феноменологические ходы с явно поэтической формой речи. Сочинение, из которого приводится фрагмент, посвящено не феномену молчания как таковому, но «глубокомысленному молчанию» как ключевой характеристике русской культуры. То, что она (русская культура) не может выразить словами, является *предметом ее молчания*.

Из приведенного рассуждения видно, что обороты «молчать» и «не говорить» в нем свободно заменяются одно на другое и принимают значение «дискурсивных табу» («то, о чем не говорят»). Дискурс, однако, противоположен своему отсутствию, а вовсе не мысленаправленному молчанию. Русские (и любые другие люди) могут о чем-то говорить, а о чем-то не говорить – и то, и другое интересно изучать. Молчание же как процесс, действие и практика – феномен если не мыслительный, то, во всяком случае, микроуровневый (и Гуссерль бы с этим согласился). Можно называть и политическую пассивность «молчанием», или «замалчиванием», но остается вопрос: может ли в таком случае быть достойно проделана (несомненно, «захватывающая») работа по операционализации того, что мы собираемся изучать?

Если опуститься с замысловатых герменевтических небес на землю банальной языковой реальности, станет очевидно, что «молчать о чем-то» – это ни больше, но и не меньше, чем словесный оборот. Ключевой вопрос: в каком случае он используется? Обычно человек, наблюдающий молчание другого, говорит о нем что-то вроде: «я не понимаю, о чем он молчит». «Молчит» здесь легко заменяется на «думает», хотя первый вариант звучит поэтичнее. Индивид не знает, о чем думает другой, и поэтому спрашивает самого себя (риторически!) – «о чем он (она) молчит?». Но сам молчащий *ни о чем не молчит*. Человек может сказать в ответ: «я думаю о...», но странно будет сказать: «я молчу о...». Приведенный вопрос используется индивидом в этом смысле как характеристика внешних объектов или людей, о субъективной реальности сознания которых он может только догадываться, но не как характеристика самого себя. Когда налицо ситуация несостыковки

или несправедливости, но люди не высказывают недовольства, не обсуждают проблему – это не значит, что они молчат «о чем-то».

Есть и омонимичный оборот – тоже «молчать о чем-то», но он совсем другой, и используется в совсем других случаях: «молчи об этом», «я промолчал о нашей ссоре» и т.д. Это – об умолчании, сокрытии информации. Замечательное выражение «я уже молчу о...», тождественное «не говоря уже о том, что...», в принципе опасно воспринимать дословно и тем более применять к нему гуссерлевскую феноменологию, потому что проблемы начнутся уже на уровне логики: почему тут говорится, что «я молчу о чем-то», если сразу после этих слов я скажу то, о чем я молчу? Но здесь важен даже не ответ на вопрос «почему», а то, что так просто говорят, и все.

Оборотов со словами «молчать», «молчаливый», «молча» – десятки, и все они могут выполнять разные функции в живой речи. Взять хотя бы такой бытовой диалог: «И как мне это сделать?» – «Молча». Все знают, что в данной фразе ни о каком молчании на самом деле не говорится, потому что она означает примерно «перестань страдать и надоедать мне своими вопросами, а просто возьми и сделай...». Эта дерзкая реплика условно не запрещает при выполнении дела напевать песенки, вести светские переговоры с окружающими, бубнить себе под нос ругательства.., в общем, она разрешает и *не молчать*.

Выше были обрисованы контуры «молчания» как слова: как люди говорят о молчании, как о молчании может говорить социолог и что значит иметь «молчание» объектом исследования. Постараемся найти не просто несколько границ, формирующих молчание как объект, но целую координатную плоскость, в которую его можно было бы поместить. Для решения этой задачи небесполезно попробовать ответить на вопрос: молчание – это «слово» или «действие»?

Концептуальная локализация молчания: между словом и действием. Считается, что между «словом» и «действием» пролегает бездонная пропасть. И, в частности, для социологии это обстоятельство является большой головной болью. Имеется в виду, что человек с поразительной регулярностью говорит одно, а делает другое. И речь даже не о том, что люди портят друг другу настроение, не выполняя своих обещаний. Проблема в фундаментальной несоизмеримости мира слов и мира практических действий (вспомнить хотя бы знаменитый парадокс Лапьера). Представляется, будто это действительно – разные миры или регионы человеческого опыта. Да, каким-то образом связанные, пересекающиеся, но разные.

Тогда в каком из них находится молчание? Иначе говоря: молчание – это о мире мыслимом или о мире осязаемом? Кажется очевидным, что молчание – это *не-слова*, и потому, наверное, молчание – это скорее действие. Но если молчание – действие, то что оно делает, как если не что-то сообщает?

Даже если водораздел между «словом» и «действием» действительно такой болезненно-принципиальный, каким на первый взгляд кажется, эту границу, созданную «для всех практических целей», можно и реконструировать – для собственных практических целей. Молитва или мантра, признания в любви или обычные извинения делают порой слишком много дел, чтобы не быть чем-то вроде «слова-действия». Эти и все подобные «социально-ритуальные» озвучивания определенных фраз являются и словами, и действиями одновременно – обитателями срединного мира. Дж. Остин, британский философ языка, назвал такие речевые акты «перформативными высказываниями». Перформативное высказывание – это не то чтобы слова, а скорее словесное действие для достижения определенной цели. Вообще, в повседневной жизни многие высказывания можно считать перформативными, то есть многие из них используются, чтобы что-то изменить, вызывать какие-то эффекты и последствия в той части мира, который сможет их услышать и, если получится, понять.

Если «слово» может обрести вторую идентичность и стать «действием», может ли тогда «действие» быть «словом»? Это возможно, например, в лингвистике, где «не-слово», которому надо быть понятым «как слову», становится «знаком» (или, в частности, «нулевым знаком» – когда отсутствие информации само по себе несет в себе информацию: как

неработающий светофор говорит о том, что движение теперь регулируется дорожными знаками). В конце концов, нет никаких препятствий к тому, чтобы просто слушать слова и смотреть на действия⁴, в одном и том же «мире», если не отсылать ни к их «глубинному смыслу», ни к ценностям, ни к мотивациям, из-за которых «слова» и «действия» не дружат в социологической теории.

Что остается от молчания, если элиминированы его метафорические воплощения, а вложенный в молчание смысл недоступен? Можно легко заметить: когда мы думаем о микроуровне (буквально понятого) молчания, мы очень быстро приходим к разговору об эмоциях, жестах, позах, а также к анализу обстановки и ситуационного контекста. Считывание «выражения лица» и фона взаимодействия – сложнейшая (хотя и рутинная) интерпретативная работа, чаще всего выполняемая людьми в их повседневных взаимодействиях с такой легкостью и точностью, которые не перестают удивлять всякий раз, когда за этим наблюдаешь. Понимание, что «неловкая пауза»⁵ в разговоре уже наступила, и возникающее попутно ощущение нервозности и желание ее заполнить, или ультратонкое ощущение, что собеседник обиделся и поэтому молчит, суть результаты работы интерпретирующей машины. Хотя и то, и другое иногда на деле не оправдывается (не каждый участник разделял «неловкость» паузы, и не всегда собеседник правильно угадывает обиду), оба случая показывают довольно высокую чувствительность внутреннего механизма контроля за соблюдением установленного микросоциального порядка и, собственно, его воспроизводства.

Коллективно разделяемое («правильное») считывание ситуации случается далеко не всегда. Бывает, человек понимает ситуацию как несправедливую или абсурдную, но видит, что в ответ на это другие люди молчат – то есть, как будто считают, что происходит что-то вполне нормальное. На плечи человека, который пытается понять, как быть в этой ситуации, ложится двойная нагрузка – когнитивная и поведенческая. Во-первых, он должен объяснить для себя, почему все молчат. Во-вторых, он должен принять нужную стратегию поведения: поступать так, как было бы логично для него самого (если он смог для себя это сформулировать), или поступать так же, как все остальные. Совершить действительно свободный выбор из этих двух альтернатив оказывается непросто.

В контексте политической жизни эта проблема описана, например, немецкой исследовательницей Э. Ноэль-Нойман в концепции «спирали молчания» [Ноэль-Нойман, 1996]. Человек не хочет остаться в изоляции, поэтому не будет высказываться, если ощущает себя в меньшинстве. Спираль молчания формирует, в частности, то, как проявляется так называемое «общественное мнение» – феномен, наделенный определенной властью лишать отдельных индивидов «свободы слова» и принуждать отказываться от мнения личного в пользу «мнения общественного», или, во всяком случае, от его публичного выражения. Кроме концепции «спирали молчания» этот эффект рассматривается и в бесчисленных исследованиях подчинения (ложному или абсурдному) групповому/авторитетному мнению (самые известные из которых, наверное, – эксперименты американских психологов С. Аша и С. Милгрэма).

«Социальная психология молчания» работает и в обратную сторону. Молчание – это не только то, что может делать человек «по отношению» к группе, но и то, что может делаться группой по отношению к индивиду. «Молчащая группа», особенно референтная, добивается в итоге, что человек чувствует себя изолированным. Изоляция, социальный остракизм или игнорирование, исходящее от значимых для человека других, – один из самых мощных способов ударить по его психике. Если он не найдет возможности вернуть себя в коллектив

⁴ Напр., в рамках конверсационного анализа, где «нужно отображать слышимые участниками детали разговоров (в том числе паузы. – Прим. Д.П., А.С.), составляющие естественную структуру взаимодействия. Это не детали речи, это детали действий, предпринимаемых собеседниками, т.е. практики разговора» [Корбут, 2015: 126].

⁵ Паузы в разговоре, вообще, не всегда бывают именно «неловкими», но в большей степени к этому оказывается склонна англо-американская культура, где молчание в диалоге чаще понимается как нарушение контакта и взаимопонимания.

или перестать считать эту группу для себя значимой и найти новую группу, которая будет ценить его как участника, он рискует получить серьезную психологическую травму. Это то психологическое допущение, которое лежит в основе многих социальных явлений: нежелание быть изгнанным, отвергнутым, исключенным (см.: [Williams, 2001]).

Есть и такие типы практик молчания, которые состоят в более продуктивных симбиотических отношениях с изоляцией – прежде всего религиозные или околорелигиозные практики. Речь о христианском отшельничестве (богоугодном пустынночестве), обетах молчания разных конфессий от трапистов до мусульман-суфиев, практике исихазма и молчаливой молитвы, сессине (дзен-буддийском ретрите), випассане (медитативной практике Тхеравады), мауне (индуистской практике молчания и «информационного голодания»), медитации и т.д., и т.п. Безусловно, разноконфессиональные молчания молчат неодинаково. Тем не менее самоизоляция (физическая и/или ментальная) как необходимое условие обращения сознания к себе нужна для большинства подобных практик.

М. Шелер, например, называет мистическое знание не просто «молчаливым», но, более того, тем, что в принципе держится на молчании, «прирожденным противником языка и сформулированного выражения вообще». Мистики видят в языке «источник глубочайших, непреодолимых заблуждений и ошибок, в отношении того “знания”, к которому они как мистики стремятся... Вот почему во всех ... мистических орденах, общинах и сектах ... совершенно независимо от позитивного содержания религий и метафизик, ... мы находим фундаментальное понятие социологии знания “*sanctum silentium*”. Молчание о “тайнах” – это не только заповедь и норма [поведения] по отношению ко всем, кто находится вовне, как в случае со служебными, профессиональными и прочими тайнами, но и составная часть самого метода открытия знания. Например, в секте квакеров единство мнений и воли членов общины должно проявляться в молчаливой молитве, пока один из членов, охваченный “самим святым духом”, не найдет подходящих для данного момента слов, чтобы высказать истинную цель воли общины и самого Бога» [Шелер, 2002: 362–363].

Кажется, *sanctum silentium* дает понять, что привычная нам логика, где знание пополняется словами и мыслями, здесь не работает. Слова проигрывают безмолвию по уровню познания, потому что способны только множить незнание, разделяя единое и усложняя простое. Естественно, это создает методологическую «черную дыру» для исследователя: никто не станет и пытаться словами передать ему свой мистический духовный опыт.

Если даже паузы внутри пространства разговора лицом к лицу способны вызывать у нас «неловкость» и нарушать иллюзию взаимопонимания, какими «антисоциальными» тогда могут оказаться полноценные практики, составленные из молчания и самоизоляции целиком, смысл которых заключается в фокусировке сознания на себе и на собственных внутренних процессах? С одной стороны, это верно, с другой – не совсем.

Например, практика коллективной молчаливой медитации не создает вербальной социальности, зато сохраняет соприсутствие участвующих «здесь и сейчас», поддерживающее интерсубъективное пространство [Pagis, 2010: 319]. Каким образом оно поддерживается? Люди, участвующие в коллективной медитации в одном общем зале, реагируют на других (на тех, кто среди них нарушает тишину) и думают о других (о тех, кому они сами могли бы помешать). Покашливания, взгляды и шевеления одних заставляют других, сидящих рядом, войти в режим «коллективного отвлечения» от практики на какое-то короткое время и тоже тяжело вздохнуть, хихикнуть, откашляться, почесать ногу, улыбнуться и т.п. При этом упорное соблюдение неподвижности и молчания всей остальной массой медитирующих заставляет нарушителей все-таки вернуться к практике. Хотя внутренний опыт прошедших через коллективную медитацию может отличаться, им все равно остается важно знать, что происходящие с ними в практике странности «нормальны», то есть то же самое уже было у других. Таким образом, прошедшие через практику думают, что имеют общий опыт и могут понять друг друга, только благодаря тому факту, что они участвовали в одном и том же событии [ibid.: 323].

Интерсубъективность молчания можно наблюдать в читальном зале библиотеки (экзаменационной аудитории, офисе...), где действия, которые совершают сидящие, индивидуальны

(у каждого свое), но соприсутствие, с одной стороны, ограничивает и помогает не отвлекаться, с другой – разрешает немного совместно отвлечься, если по близости кто-то нарушит тишину. Этот микросоциальный эффект поддерживается не только желанием человека разделить с другими собственную ответственность за нарушение правил тишины и молчания («если другим можно говорить, то и мне можно»), но и желанием разделить ответственность «провинившегося» другого, формируемого чувством эмпатии или тем, что И. Гофман назвал «покровительственными мерами аудитории», или тактом. Даже если умение не отвлекаться от медитации или чтения ни на какие внешние раздражители хорошо развито, «практикующие» продолжают понимать, что они находятся среди других людей, и продолжают в определенной степени ориентироваться на это знание, еще раз подтверждая для нас интерсубъективную прочность «коллективно-индивидуального» молчания.

* * *

В какой мере и почему феномен молчания можно считать потенциально или актуально перспективной темой социологического анализа? Отскакивающая от зубов у прилежного студента дефиниция социального действия (по Макс Веберу) гласит: социальным действием является поступок индивида (действие или неделание чего-то), имеющий субъективный смысл и в этой своей осмысленности направленный на другого или других (реальных или воображаемых, присутствующих или отсутствующих). Уточнение насчет *неделания* здесь весьма принципиально и полезно: в ряде случаев имеет место именно воздержание от активной поведенческой реакции, тем не менее, это воздержание является и осмысленным, и направленным на другого. Если же мы признаем слово, например слово сказанное, произнесенное, озвученное, разновидностью действия, то и молчание как сознательное воздержание от словесной артикуляции мыслей, чувств, мнений, настроений и т.п. тоже должно считаться действием. Люди (не спящие и не находящиеся «без сознания») обычно молчат не так, как молчат рыбы. Человеческое молчание есть своего рода тишина умышленная/тишина с умыслом. Иначе говоря, молчание предстает в глазах социолога как действие постольку, поскольку оно является молчанием *зачем-то и/или почему-то*, а социальным становится потому, что его осмысленность отсылает к Другому (не обязательно к конкретному, в единственном числе, но и, как вариант, к Другим, или «обобщенному Другому», институту, коллективу, группе). Молчание у гроба под минорный аккомпанемент или без всякого аккомпанемента, безусловно, должно считаться действием. Таковым же является ситуативно уместный и ловко применяемый навык светского виртуоза, о котором упоминает Пушкин («с ученым видом знатока хранить молчанье в важном споре»), как и «многозначительное» молчание приятеля восьмиклассницы из песни Виктора Цоя, тактично дающего возможность подружке выболтаться, пощebetать о всякой «ерунде»...

В пространственном и временном измерениях социальной жизни эмпирических форм бытования молчания существует великое множество. Молчание как специфический вариант осмысленного человеческого поведения и особая коммуникативная стратегия оказывается порой не менее говорящим и красноречивым, чем слова. Социокультурный феномен молчания универсальный и многоплановый, полный семантических оттенков, тонкостей и нюансировок становится достойной междисциплинарной головоломкой для наук о человеке – существе, научившемся в процессе исторической эволюции своего вида наполнять богатой палитрой смыслов не только слова и звуки, но и тишину...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Богданов К.А. Очерки по антропологии молчания. Homo tacens. СПб.: РХГИ, 1997.
 Корбен А. История тишины от эпохи Возрождения до наших дней. М.: Текст, 2020.
 Корбут А. Говорите по очереди: нетехническое введение в разговорный анализ // Социологическое обозрение. 2015. Т. 14. № 1. С. 120–141.
 Молчание в праве (доктрина, практика и техника): монография / Под ред. А.С. Гамбаряна. М.: Юрлитинформ, 2021.
 Нозль-Нойман Э. Общественное мнение: открытие спирали молчания. М.: Прогресс, 1996.

- Шелер М. Социология знания // Теоретическая социология: Антология: в 2 ч. М.: Кн. дом «Университет», 2002. Ч. 1. С. 350–373.
- Шульц В.Л., Любимова Т.М. Молчание как конструкт дискурса в социолнгвистике // Социологические исследования. 2018. № 12. С. 84–93.
- Эпштейн М.Н. Слово и молчание: метафизика русской литературы. М.: Высшая школа, 2006.
- Pagis M. Producing intersubjectivity in silence: an ethnographic study of meditation practice // *Ethnography*. 2010. Vol. 11. P. 309–328.
- Williams K.D. *Ostracism: the power of silence*. N.Y.: The Guilford press, 2001.

Статья поступила: 01.04.22. Принята к публикации: 19.04.22.

IN THE QUIET..., BETWEEN PEOPLE...: SILENCE AS A SUBJECT OF SOCIOLOGICAL STUDY

PODVOYSKIY D.G.* ***, SPIRKINA A.K.****

*Lomonosov Moscow State University, Russia; **RUDN University, Russia; ***Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia; ****State Academic University for the Humanities, Russia

Denis G. PODVOYSKIY, *Cand. Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Lomonosov Moscow State University; Associate Prof., RUDN University; Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (dpodvoiski@yandex.ru); Anastasia K. SPIRKINA, Postgraduate Student of the Faculty of Sociology, State Academic University for the Humanities (spirkina.ak@yandex.ru). Both – Moscow, Russia.*

Abstract. The article justifies an original conceptualization of silence as a social phenomenon using the cognitive-methodological tools of the theory of practices and the sociology of everyday life. Various interpretations of “silence” found in social and humanitarian texts are directly related to the forms of using the word “silence” in everyday language. Often they borrow from the latter not only the very understanding of this phenomenon, but also mysteriousness and illogicality surrounding silence, which do not satisfy the researcher who seeks clarity. The concept of “silence” is often used as a metaphor that poeticizes and mystifies the discourse about it. Following silence through the labyrinths of everyday and literary language turns into talk about the “silence of nature”, God, hearts, places and spaces, “silence of peoples” and societies and other “fantastic” forms of silence that are understandable only intuitively, but not amenable to direct scientific study. The concept of silence as a practice, according to the authors, is able to return the conversation about it to a more “dense” empirical level and show how here and now in the world of everyday life people can be silent in typical socially organized situations.

Keywords: silence, conceptualization of silence, social practices, social action, sociology of everyday life, microsociology.

REFERENCES

- Bogdanov K.A. (1997) *Essays on the anthropology of silence. Homo tacens*. St. Petersburg: RHGI. (In Russ.)
- Corbin A. (2020) *A history of silence: from the Renaissance to the present day*. Moscow: Tekst. (In Russ.)
- Epstein M.N. (2006) *Word and Silence: Metaphysics of Russian Literature*. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.)
- Gambaryan A.S. (ed.) (2021) *Silence in law (doctrine, practice and technique): Monograph*. Moscow: Yurlitinform. (In Russ.)
- Korbut A. (2015) Turn-talking: non-technical introduction to conversation analysis. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review]. Vol. 14. No. 1: 120–141. (In Russ.)
- Noelle-Neumann E. (1996) *Public Opinion: Discovery of the Spiral of Silence*. Moscow: Progress. (In Russ.)
- Pagis M. (2010) Producing intersubjectivity in silence: an ethnographic study of meditation practice. *Ethnography*. Vol. 11: 309–328.
- Scheler M. (2002) Sociology of Knowledge. In: *Teoreticheskaya Sotsiologiya: Antologiya: in 2 parts*. Moscow: Кн. дом «Университет». Part 1: 350–373. (In Russ.)
- Schulz V.L., Liubimova T.M. (2018) Silence as a discourse construction in sociolinguistics. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 12: 84–93. (In Russ.)
- Williams K.D. (2001) *Ostracism: the power of silence*. New York: The Guilford press.

Received: 01.04.22. Accepted: 19.04.22.

© 2022 г.

Т.Н. ЛИТВИНОВА, Ц. ЦЭЦЭНБИЛЭГ, А.С. ЖЕЛЕЗНЯКОВ

ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКО-МОНГОЛЬСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ГЛАЗАМИ ГРАЖДАН ДВУХ СТРАН

Литвинова Татьяна Николаевна – доктор политических наук, Одинцовский филиал МГИМО МИД России, профессор кафедры регионального управления и национальной политики, Одинцово, Россия (tantin@mail.ru); Цэцэнбилэг Цэвээний – кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной педагогики Института иностранных языков РУДН, Улан-Батор, Монголия (tsetsenbilegts@gmail.com); Железняков Александр Сергеевич – доктор политических наук, ФНИСЦ РАН, руководитель Центра политологии и политической социологии, Москва, Россия (zhelezniakovas@yahoo.com).

Аннотация. Анализируются результаты социологических опросов, проведенных в 2020–2021 гг. в России (N = 624) и Монголии (N = 692) для выявления взглядов граждан двух стран о состоянии российско-монгольских отношений, важных в контексте понимания предпосылок и перспектив Большого Евразийского партнерства. Выявлены очень высокие индексы позитивного восприятия россиянами Монголии и монголами России. В то же время во взаимовосприятии россиян и монголов отмечена асимметрия. В частности, при оценке уровня взаимной осведомленности монгольские респонденты дали гораздо более высокую оценку своей осведомленности о российской культуре, чем россияне – осведомленности о культуре современной Монголии. Более 2/3 респондентов в обеих странах положительно оценили российско-монгольские отношения. Это говорит о хороших социально-культурных предпосылках для сотрудничества двух стран в разных сферах, включая международную систему разделения труда.

Ключевые слова: общественное сознание • взаимное восприятие народов • российско-монгольские отношения • Большое Евразийское партнерство

DOI: 10.31857/S013216250018709-2

Сближению России и Монголии в XXI веке в рамках Большого Евразийского партнерства, связанного с проектом экономического коридора «Китай – Монголия – Россия» [Лузянин, 2021], способствует позитивное взаимное восприятие граждан этих стран. В.А. Родионов и Нямдолжин Адьяагийн связывают позитивный образ России в Монголии с особой ролью России в обретении независимости страны, с высоким вкладом СССР в развитие ее экономики, глубоким проникновением советской культуры в монгольское общество (преимущественно через получение высшего образования в СССР) [Родионов, Нямдолжин, 2021: 31]. Ранее социологи уже отмечали положительный настрой приграничного российского населения (в Иркутской области, Республике Бурятия и Забайкальском крае) к активному сотрудничеству с Китаем и Монголией [Бадараев, Цэцэнбилэг, Хатанболд, 2019: 109]. Хотя в 2018 г. авторами уже проводились параллельные опросы в России и Монголии о взаимном восприятии граждан двух стран [Литвинова, Железняков,

---

Статья подготовлена при поддержке РФФИ и Министерства культуры, образования, науки и спорта Монголии, проект № 19-511-44012 «Межцивилизационное взаимодействие России и Монголии в контексте Большого Евразийского партнерства».

2019], однако они не включали изучения мнений граждан о проблемах и перспективе взаимодействия России и Монголии в контексте Большой Евразии.

Эмпирическую базу нового исследования составили результаты опросов, проведенных в России и Монголии по единому исследовательскому инструментарию (анкете). В Монголии опросы проводились методом стандартизированного интервью (N = 692) в 6-ти аймаках (Увс, Хувсгул, Орхон, Сэлэнгэ, Сухбаатар, Умноговь) осенью 2020 г.¹ В России в марте–июле 2021 г. проводился интернет-опрос (N = 624) на платформе Webanketa, который охватил Москву, Московскую область, Санкт-Петербург, Белгородскую область, Новосибирскую область, Краснодарский край, Приморский край, Амурскую область, Республику Хакасия, Республику Калмыкия, Республику Тыва и Республику Бурятия².

При анализе ответов респондентов рассчитывались индексы восприятия стран Евразии, по методике расчета Индексов ВЦИОМ³ на базе построения Индекса социальных оценок⁴. Каждый индекс рассчитывается как разность между ответами, с одной стороны, «очень положительное», «положительное» и «скорее положительное», а с другой стороны, «скорее отрицательное», «отрицательное», «очень отрицательное». Этот индекс может принимать значение от –100 до 100 пунктов; чем выше его значение, тем лучше отношение респондентов к конкретной стране. В список стран Евразии вошли страны ШОС, а также Турция и Республика Корея.

Как показал опрос, наиболее позитивное отношение россияне испытывают к Казахстану, Южной Корее и Монголии (табл. 1).

Таблица 1

Восприятие россиянами стран Евразии

Страны	Восприятие, %						Индекс восприятия у россиян
	Очень положительное	Положительное	Скорее положительное	Скорее отрицательное	Отрицательное	Очень отрицательное	
Казахстан	16,2	37,1	41,9	2,8	0,9	0,9	90,5
Южная Корея	23,8	35,2	35,2	3,8	0,9	0,95	88,6
Монголия	21,9	36,2	32,4	7,6	1,9	0	80,9
Китай	15,2	34,3	35,2	9,5	2,8	2,8	69,5
Индия	9,5	37,1	37,1	11,4	3,8	0,9	67,6
Узбекистан	8,6	26,7	46,6	11,4	4,7	1,9	63,8
Киргизия	6,7	29,5	44,8	14,3	2,8	1,9	61,9
Таджикистан	6,7	24,8	46,8	14,3	5,7	1,9	56,2
Турция	11,4	27,6	37,1	17,1	2,8	3,8	52,4
Пакистан	5,7	12,4	46,7	22,8	9,5	2,8	29,5

¹ Применена многоступенчатая стратифицированная выборка. 36% опрошенных пришлось на молодежь от 16 до 29 лет, респонденты от 30 до 39 лет – 25%, от 40 до 49 лет – 15%, от 50 до 59 лет – 15%, 60 лет и старше – 9%, что примерно соответствует возрастной структуре населения Монголии. Среди опрошенных 51% женщин, 49% мужчин.

² Среди респондентов преобладала молодежь 16–29 лет – 46%, это объясняется распространением анкеты через социальные сети (случайная выборка). В возрастной когорте от 30 до 39 лет – 14% опрошенных, от 40 до 49 лет – 11%, от 50 до 59 лет – 14%, старше 60 лет – 15%. Среди опрошенных 53% женщин, 47% мужчин.

³ Методика расчета индексов. URL: <https://wciom.ru/ratings/ocenka-vlastei/> (дата обращения: 12.12.2021).

⁴ Индексы социальных оценок. URL: <https://wciom.ru/ratings/indeksy-socialnykh-ocenok/> (дата обращения: 12.12.2021).

Таблица 2

Восприятие монголами стран Евразии

Страны	Восприятие, %						Индекс восприятия у монголов
	Очень положительное	Положительное	Скорее положительное	Скорее отрицательное	Отрицательное	Очень отрицательное	
Россия	16,9	44,8	25,9	4,2	1,4	0,6	81,4
Южная Корея	9,5	33,5	34,2	8,8	2,5	0,4	65,5
Китай	2,6	11,3	26,4	22,4	18,8	10,8	40,3
Индия	4,3	12,4	36	16,5	6,1	1,2	28,9
Турция	6,2	13	32,9	17,1	7,1	1,6	26,3
Казахстан	2,9	14,3	34,8	19,9	5,2	1,2	25,7

В ответах монгольских респондентов по индексу позитивного восприятия Россия с большим отрывом лидирует среди всех перечисленных стран (табл. 2).

Сравнивая индексы восприятия у россиян и монголов, мы видим, что они почти одинаковы (примерно 81 балл) и очень высоки, т.е. люди этих двух стран воспринимают друг друга очень позитивно. Примечательно, что, несмотря на активную экономическую деятельность в регионе в первую очередь КНР, а также на высокую заинтересованность России и Монголии в реализации транспортного коридора «Китай – Монголия – Россия», россияне и монголы с большей симпатией относятся к Южной Корее, чем к Китаю.

Что касается взаимного интереса граждан двух стран (табл. 3), то интерес россиян к Монголии ниже, чем интерес монголов к России: только чуть более 26% россиян в той или иной степени проявили интерес к Монголии, в то время как в Монголии, в свою очередь, интерес к России проявил около 51% респондентов. Это расхождение можно объяснить большой долей среди опрошенных россиян жителей центральной России (54% респондентов), очень далеких от Монголии, а также молодых людей, не заставших активную фазу советско-монгольской дружбы. Со стороны же монголов соседство с такой крупной страной, как Россия, предполагает более выраженный интерес.

Таблица 3

Взаимный интерес граждан исследуемых стран, %

Степень интереса	Интерес россиян к Монголии	Интерес монголов к России
Очень интересуюсь	12,1	11,0
Скорее интересуюсь	14,5	39,5
Скорее не интересуюсь	42,3	39,5
Совсем не интересуюсь	31,1	10,1

Существенная асимметрия наблюдается и в ответах на вопрос об источниках знаний о стране-соседе. Подавляющее большинство (80%) российских респондентов назвали в качестве источника своих знаний о Монголии школу. В то же время монгольские респонденты ответили, что получили знания о России не только в школе (66%), но также из СМИ и Интернета (15%), из окружения по совместной работе, учебе с россиянами – чуть менее 10%, долго учились или работали в России 3% монголов, имеют друзей в России 4% респондентов. Таким образом, если для большинства опрошенных россиян

Монголия – далекая малознакомая страна из школьных учебников, то среди монголов многие лично общались с людьми из России.

Респондентам также было предложено оценить свои знания о стране-соседе в различных сферах, их оценки интегрировались при помощи индекса знаний по аналогии с индексом восприятия стран.

Область наибольшей осведомленности россиян о Монголии – это история, что связано, скорее всего, с высокой значимостью в истории России периода «монголо-татарского ига» XIII–XV вв. В проведенном авторами опросе в 2018 г. россияне среди известных личностей Монголии чаще всего ожидаемо называли Чингисхана (90%) и Батыя (75%), гораздо меньше россиян знали о таких деятелях революционной и социалистической Монголии XX в., как Сухэ-Батор (40%), Х. Чойбалсан (30%) и Ю. Цэдэнбал (29%) [Литвинова, Железняков, 2019: 135]. Скорее всего, и в этом опросе респонденты ориентировались на свои преимущественно школьные знания о времени монгольских завоеваний. В то же время более чем по половине сфер знаний россиян о Монголии (монгольский язык, кино, литература и др.) наблюдаются отрицательные индексы знаний (табл. 4).

Таблица 4

Уровень знаний россиян о Монголии⁵

Сферы	Самооценки знаний, %					Индекс знаний о Монголии
	Очень хорошие	Хорошие	Средние	Незначительные	Совсем не знаю	
Политика	0,9	10,4	28,6	30,5	29,5	–20
Экономика	0,9	17,1	35,2	20,9	25,7	6,7
Культура	5,7	25,7	29,5	20,9	18,1	21,9
История	6,7	24,7	39,0	19,1	10,5	40,9
Достижения науки	2,8	10,5	23,8	35,2	27,6	–25,7
Быт, хозяйство	6,7	19,1	30,5	27,6	16,2	12,4
Национальная кухня	10,5	21,9	26,7	22,8	18,1	18,1
Традиции и обычаи	11,4	20,9	31,3	20,9	15,2	27,6
Литература	1,9	5,7	17,1	38,1	37,1	–50,5
Легенды и сказки	4,7	7,6	22,8	30,5	34,3	–29,5
Музыка	3,8	8,6	22,8	31,4	33,3	–29,5
Кино	1,9	6,7	12,4	26,7	52,4	–58,1
Знаменитости	2,8	6,7	23,8	28,6	38,1	–33,3
Природа	7,6	27,6	29,5	15,2	0,2	29,5
Язык	0,04	1,8	7,1	8,6	82,4	–82,0

Знания монголов о России гораздо более обширные и асимметричные (табл. 5). Ни одна сфера российской жизни не получила отрицательного индекса знаний среди монголов. В то же время современные монголы обладают, по их самооценке, высокими знаниями о повседневной российской культуре (кинематографии, музыке и т.д.), хотя реже считают себя хорошо знающими историю России. Это объясняется, прежде всего, высокой

⁵ В таблицах 4 и 5 выделены сферы, индекс знаний о которых превышает 40 баллов.

долей среди респондентов монголов среднего и старшего возраста, изучавших русский язык в школе или получивших образование в СССР, хорошо знакомых с советской песенной культурой. Надо также учитывать, что с 2007 г. во всех средних школах Монголии введено преподавание русского языка с 7-го класса в объеме 2–3 часа в неделю, в Монголии ежегодно проводятся фестивали российского кино.

Таблица 5

Уровень знаний монголов о России

Сферы	Самооценки знаний, %					Индекс знаний о России
	Очень хорошие	Хорошие	Средние	Незначительные	Совсем не знаю	
Политика	8,4	18,4	27,7	10,1	19,2	25,2
Экономика	7,1	18,6	25,7	11,7	20,5	19,2
Народное искусство	5,5	16,5	27,9	11,6	22,5	15,8
История	7,2	18,2	31,4	12,9	17,5	26,4
Научные достижения	9	20,1	24,3	12,1	19,9	21,4
Быт и хозяйство	8,5	21,1	28,3	11,0	17,8	29,1
Национальная кухня	11,8	19,9	28,5	11,0	16,9	32,3
Обычаи и традиции	8,8	20,5	28,5	10,4	18,1	29,3
Литература	11,1	22,5	29,5	14,5	11,4	37,2
Сказки и легенды	13,3	25,1	29,5	14,2	7,9	45,8
Музыка	12,4	26,7	30,6	14,3	9,4	46,0
Кино	19,5	29,5	26,7	10,0	8,4	57,3
Известные люди	11,4	23,8	29,2	12,3	12,4	39,7
Природа	10,8	19,9	26,2	15,3	14,7	26,9
Язык	7,1	16,8	27,9	14,7	18,9	18,2

В российской и монгольской анкете в вопросе «Как вы оцениваете российско-монгольские отношения?» несколько отличались предложенные варианты ответа. Подавляющая часть (более 2/3) респондентов из России оценила российско-монгольские отношения положительно – как «очень хорошие» (35%) и «хорошие» (34%); только 22% отметили, что они «могли бы быть лучше», а 7% заявили, что наши отношения «плохие». У монгольских респондентов также абсолютно преобладали позитивные оценки: 5% назвали наши отношения «очень хорошими», 20% «дружескими», 48% «хорошими», 8% «средними» и только 2% «плохими», еще 7% респондентов из Монголии затруднились дать ответ.

В отличие от опросов в 2018 г. респондентам из России и Монголии в 2020–2021 гг. задавался также допускающий несколько выборов вопрос о том, «В какой сфере сотрудничества с другими странами, особенно со странами Евразии, могут быть достигнуты наибольшие для нашей страны успехи?». Ожидаемо, что россияне среди приоритетных отраслей сотрудничества в Евразии назвали промышленность (57%), науку (57%), туризм (52%) и энергетику (50%). Монголы же среди приоритетных сфер сотрудничества выделили сельское хозяйство (27%), промышленность (14%), добывающую отрасль (12%), образование (10%) и туризм (10%). Конечно, выбор оптимальных областей экономического сотрудничества – задача экспертов, но и ответы «обычных людей» показывают понимание ими возможностей сотрудничества России и Монголии на основе международного разделения труда.

Как видим, проведенные опросы продемонстрировали высокий взаимный интерес респондентов России и Монголии, что является хорошей предпосылкой для развития не

только двустороннего сотрудничества этих стран, но и их многостороннего сотрудничества со странами Евразии. Расчет индексов положительного восприятия стран Евразии жителями двух стран показал, в частности, что у россиян наиболее высокие индексы получили Казахстан, Южная Корея, Монголия и Китай, причем последний уступает в глазах россиян Монголии более чем на 10 пунктов. Среди монголов по индексу восприятия Россия абсолютно лидирует, а Китай уступает ей почти на 25 пунктов. Эти сопоставления показывают, что хотя в современной Евразии главными экономическими и политическими «игроками» являются РФ и КНР, но у Монголии есть хорошие шансы сохранять с Россией особо близкие отношения, связанные с очень сильной взаимной комплиментарностью. В то же время во взаимовосприятии россиян и монголов есть и элементы асимметрии. Так, при оценке уровня взаимной осведомленности монгольские респонденты проявили гораздо большую осведомленность о российской культуре, чем россияне – о культуре современной Монголии. Единственная выраженная область знаний современных россиян, по их самооценке, о Монголии – это история, причем речь идет о знаниях скорее истории средневекового «ига», чем истории Монголии XX–XXI вв. Тем не менее правомерен вывод, что ожидаемая реализация проектов Большого Евразийского партнерства с участием России и Монголии основывается в значительной степени на высоком уровне взаимного доверия и позитивного восприятия народов обеих стран, что подтверждается результатами проведенных в 2018 и 2020–2021 гг. исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бадарев Д.Д., Цэцэнбилэг Ц., Хатанболд О. Формирование региональной платформы в контактных зонах экономического коридора «Китай-Монголия-Россия» // Известия Восточного института. 2019. № 4. С. 102–113.
- Литвинова Т.Н., Железняков А.С. Взаимное восприятие образов России и Монголии в контексте трансцивилизационного взаимодействия // Социологические исследования. 2019. № 5. С. 119–129.
- Лузянин С.Г. Россия – Монголия – Китай: исторические и современные трансформации // Восток (Oriens). 2021. № 5. С. 141–152.
- Родионов В.А., Нямдолжин А. Политический образ Владимира Путина в Монголии // Власть. 2021. Т. 29. № 1. С. 30–36.
- Суходолов А.П., Даваасүрэн А., Кузьмин Ю.В., Суходолов Я.А. Торгово-экономические связи Монголии и России: история и современное состояние, вызовы и перспективы // Russian Economic Bulletin. Российский экономический вестник. 2021. Том 4. № 4. С. 318–329.

Статья поступила: 07.02.22. Финальная версия: 12.05.22. Принята к публикации: 16.05.22.

PROSPECTS FOR RUSSIAN-MONGOLIAN COOPERATION IN THE EYES OF THE CITIZENS OF THE TWO COUNTRIES

LITVINOVA T.N.*, TSETSENBILEG Ts.***, ZHELEZNIAKOV A.S.***

* Moscow State Institute of International Relations, Russia

** Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Mongolia

*** Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russia

---

Tatiana N. LITVINOVA, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof. of Regional Governance and National Politics Department, Moscow State Institute of International Relations, Odintsovo, Russia (tantin@mail.ru); TSETSENBILEG Tseveenyi, PhD in Social Science, Associate Prof. at Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Ulaanbaatar, Mongolia (tsetsenbilegts@gmail.com); Aleksandr S. ZHELEZNIAKOV, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Principal Researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the RAS, Moscow, Russia (zhelezniakovas@yahoo.com).

Acknowledgements. The authors acknowledge support of RFBR the Ministry of Culture, Education, Science and Sports of Mongolia (grant № 19-511-44012 "Inter-civilizational interaction of Russia and Mongolia in the context of the Great Eurasian Partnership").

Abstract. The paper analyzes the results of sociological research conducted in Russia ($N = 624$) and Mongolia ($N = 692$) in 2020–2021 to identify the views of citizens of the two countries on the state of Russian-Mongolian relations, which are important in the context of understanding the prerequisites and prospects for the Greater Eurasian Partnership. The results showed very high indexes of positive perception by Russians of Mongolia and by Mongols of Russia. At the same time, there is asymmetry in the mutual perception of Russians and Mongols. In particular, when assessing the level of mutual awareness, Mongolian respondents gave a much higher assessment of their awareness of Russian culture than Russians awareness of the culture of modern Mongolia. More than 2/3 of respondents in both countries positively assessed Russian-Mongolian relations. This demonstrates good socio-cultural prerequisites for cooperation between the two countries in various fields, including the international system of division of labor.

Keywords: public consciousness, mutual perception of peoples, Russian-Mongolian relations, Greater Eurasian partnership.

REFERENCES

- Badaraev D.D., Tsehtsehbileg Ts., Khatanbold O. (2019) Formation of the regional platform in the contact zones of the China-Mongolia-Russia economic corridor. *Oriental Institute Journal*. No. 4: 102–113. (In Russ.)
- Litvinova T.N., Zhelezniakov A.S. (2019) Mutual Perception of Images of Russia and Mongolia in the Context of Trans-civilization Interaction. *Sotsiologicheskie Issledovaniia*. No. 5: 129–138. (In Russ.)
- Luzyanin S.G. (2021) Russia – Mongolia – China: Historical and Contemporary Transformations. *Vostok (Oriens)*. No. 5: 141–152. (In Russ.)
- Rodionov V.A., Nyamdoljin Adiya. (2021) Political Image of Vladimir Putin in Mongolia. *Vlast'*. Vol. 29. No. 1: 30–36. (In Russ.)
- Sukhodolov A.P., Davaasuren A., Kuzmin Yu.V., Sukhodolov Ya.A. (2021) Trade and Economic Relations of Mongolia and Russia: History and Current State, Challenges and Prospects. *Russian Economic Bulletin*. Vol. 4. No. 4: 318–329. (In Russ.)

Received: 07.02.22. Final version: 12.05.22. Accepted: 16.05.22.

Н.Г. ЧЕВТАЕВА

ПАТРИМОНИАЛИЗМ В СЛУЖЕБНЫХ ОТНОШЕНИЯХ РОССИЙСКОГО ЧИНОВНИЧЕСТВА (ПО МАТЕРИАЛАМ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ ЭМПИРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

ЧЕВТАЕВА Наталия Геннадьевна – доктор социологических наук, заведующая кафедрой управления персоналом, Уральский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Екатеринбург, Россия (che13641@gmail.com).

Аннотация. В научный арсенал социологии управления предлагается включить малоизвестные результаты анкетных опросов рядового провинциального российского чиновничества, организованного редакцией специализированного журнала «Спутник чиновника» в 1911–1914 гг. В оценках чиновничества предреволюционной эпохи прослеживается мысль, что чем в большей степени карьера и судьба рядового чиновника зависят от благорасположения начальника, тем в меньшей степени запросы населения воспринимаются чиновничеством. Преодоление этого патримониализма в служебных отношениях российские чиновники справедливо связывали с внедрением объективных оценочных процедур с участием независимых комиссий и даже товарищеских судов в кадровых решениях. Скептически оценивая эффективность вертикального контроля в форме бесчисленных сенаторских ревизий, опрашиваемые настаивали на необходимости социального контроля со стороны общества и предоставлении населению большей доли самоуправления. Идеи дореволюционных чиновников коррелируются со стратегическими задачами «надлежащего государственного управления» современного российского общества.

Ключевые слова: социология управления • патриониальная бюрократия • чиновничество как социальная группа • социальный контроль

DOI: 10.31857/5013216250019217-1

Серьезным фактором, сдерживающим реформирование государственной службы в России, являются традиции патриониальной бюрократии. В классической концепции М. Вебера патриониализм базируется на традиционном господстве личной воли, на зависимости рядового чиновника от «начальства», на фаворитизме. Подобная система служебных взаимоотношений внутри государственного аппарата ориентирует рядового чиновника при принятии решений, прежде всего, на проявление лояльности руководству, оставляя заботу об интересах населения лишь политической декларацией. Неудивительно, что социум демонстрирует устойчивое недоверие к чиновничеству. Российская классическая литература, улавливая эти настроения, рисует уничижительный и нелюбимый образ чиновника: «канцелярская крыса», «приказная строка», «чернильные души», «лютое отродье», «крапивное семя». «Чиновничество или бюрократия, – писал, например, в конце XIX в. видный российский социальный мыслитель Е.П. Карнович, – нигде в своей массе не пользовались особым расположением населения, на них смотрят как на какую-то недружелюбную по отношению к народу силу» [Карнович, 1911: 4].

Представленная далее реактуализация опыта первых анкетных опросов рядового дореволюционного российского чиновничества позволяет глубже разобраться в причинах устойчивого негативного восприятия российским обществом служителей государства, используя возможности экспертного взгляда на изъяны работы административного аппарата.

Методология проведения первых анкетных опросов чиновничества в дореволюционной России. Для анализа мнений век назад часто использовалась сложившаяся в дореволюционной социологии методика, которая напоминает современный

«корреспондентский способ опроса». Организаторы эмпирического исследования разрабатывали «программы для собирания сведений», содержащие опросные ведомости-«анкеты». Такая «анкета» изначально не предполагала привычную сегодня детальную разработку опросного листа, а содержала лишь общий перечень вопросов, на которые предлагалось ответить читателям специализированных журналов или газет. Именно такие «опросные ведомости»-анкеты стали использоваться для сбора сведений и о жизни чиновничества.

В начале XX в. у российских чиновников, которым долгое время запрещалось выступать в печати, впервые появляются свои печатные издания (журналы «Почтово-телеграфный вестник», «Полицейский вестник»), начинающие организовывать анкетные исследования о жизни чиновников отдельных ведомств. Наиболее массовые опросы уже среди чиновничества самых различных ведомств и канцелярий удалось провести журналу «Спутник чиновника», издававшемуся в 1911–1914 гг. (с 1913 г. в названии журнала появился подзаголовок «Товарищеский журнал чиновников всех ведомств»). Опросные ведомости-«анкеты» содержали два блока открытых вопросов: общие вопросы о состоянии государственных учреждений в целом (о дисфункциональных моментах управления, о видении путей реформирования деятельности администраций) и «личные листки» для анализа личного опыта отдельного служащего (удовлетворенность социальным и материальным положением; оценки системы наказаний и поощрений; проблемы организации труда чиновничества; психологическая атмосфера повседневной жизнедеятельности). Обобщенные очерки-сводки материалов анкеты, а также экспертные статьи-заметки чиновников были представлены на страницах «Спутника чиновника».

В заслугу инициаторам эмпирических исследований можно поставить тот факт, что им удалось получить достаточно откровенные оценки респондентов (по терминологии того времени, «сведующих людей»), минимизировав риски получения социально ожидаемых ответов и заглушив боязнь рядового провинциального чиновника перед публичным обсуждением своих профессиональных проблем: *«много стоило труда победить инертность товарищей, успокоить их болезненную подозрительность и страх перед профессиональным органом, заговорившим об общих наших нуждах»* [Несколько слов к товарищам, 1912: 4–5]. Неудивительно, что когда на страницах журнала чиновники выступали уже со своими собственными экспертными заметками, то редко кто из них рисковал подписываться, ограничиваясь либо инициалами, либо вовсе оставаясь безымянными авторами.

«Ведь надобно ж зависеть от других»? Анализ «изъянов государственной службы», представленный по результатам опросов чиновничества, демонстрирует проявление патримониализма в системе служебных взаимоотношений. Действительно, главными проблемами организации труда чиновников начала 1910-х гг. были, по их собственным оценкам, неравномерность распределения ответственности, необоснованная дифференциация оплаты труда и зависимость судьбы чиновника от произвола начальника.

Анкетные ответы отмечают распространённую практику, когда *«...за упущения по деятельности учреждения подчинённые несут даже большую кару, чем начальники. Начальникам делают замечания или переводят их, а подчинённых увольняют»* [К чему сводятся..., 1912: 2]. Такая асимметрия ответственности противоречила тому, что «начальники» далеко не всегда были компетентнее подчиненных. Например, статья под броским названием «Патриции и плебеи» пестрит выражением долго копившегося недовольства рядового чиновничества по отношению к начальству: *«Поучиться у подчиненных мешает им (начальству. – Прим. автора) ложный стыд, боязнь уронить свой начальственный престиж»* [Патриции и плебеи, 1913: 4]. За эмоциями обиды за свое униженное положение просматривается понимание социальных последствий некомпетентности чиновничества: *«Следствием этого бывает то, что ответственные должности являются достоянием выскочек или покупаются за деньги. Все это вместе отражается на деле, а качества нашей деятельности отражаются уже вне нас – на обществе, на государственных интересах, которым призваны служить мы все – и плебеи, и аристократы чиновничества»* [там же].

Огромная дифференциация в оплате труда чиновников разных ведомств, высшего и низшего чиновничества, – еще один элемент «правил игры», который вызывал возмущение чиновников царской администрации. Как писал один из них, если «...сравнить оклады, присвоенные более или менее однородным должностям, то, прежде всего, бросится в глаза полная их бессистемность, часто граничащая с вопиющей несправедливостью» [Пора подумать..., 1912: 5]. В ответах чиновников на анкеты «Спутника чиновника» мы находим и самоочевидные рецепты преодоления указанной неравномерности: «...все эти ненормальности возможно устранить, во-первых, уничтожением столь значительной разницы в окладах однородных должностей в различных учреждениях, во-вторых, установлением известной постепенности в окладах, в зависимости от класса должности» [там же: 6–7]. Предполагалось, что улучшение материального положения рядового чиновничества позволит правительству отбирать более пригодных и достойных госслужащих [Карнович, 1911: 5].

Большое недовольство в среде служилого люда вызывала система увольнения – печально известный «третий пункт», ставивший судьбу и карьеру чиновника в прямую зависимость от воли и благорасположения начальства. Речь идет о статье 1239 принятого при Николае I «Устава о службе по определению от Правительства» (отделение третье), в которой определен следующий порядок увольнения: «Чиновников, кои по убеждению начальства неспособны к исполнению возложенных на них должностей.., предоставляется начальникам, от коих в общем порядке зависит увольнение от должностей, сими чиновниками занимаемых, увольнять по своему усмотрению» [Свод уставов..., 1857: 261]. Отдавая решение вопроса о прекращении службы на «усмотрение» начальства, законодатель лишал уволенного чиновника какой-либо возможности обжаловать принятое решение: «для увольнений в порядке "третьего пункта" обжалование категорически исключено» [Алексеев, 1913: 7].

Третий пункт рассматривался самими российскими чиновниками как своего рода рудимент крепостного права, который должен быть отменен: «Существование "третьего пункта" и зависимость движения по службе от единоличного усмотрения начальства ставят чиновника в рабскую подчиненность и парализует всякую возможную выяснения перед правительством незаконных действий начальников» [К чему сводятся..., 1912: 3]. В своем неприятии норм «третьего пункта» чиновники были не одиноки. Например, известный юрист дореволюционной эпохи Н.М. Коркунов тоже отмечал, что данная норма третьего пункта ставит служащих «в совершенную зависимость от произвола начальства» (цит. по: [Добробаба, 2020]).

Современные исследователи дореволюционного чиновничества тоже отмечают специфическое проявление корпоративности и патримониализма этой профессиональной группы, когда личные симпатии начальника, порой вопреки служебной пригодности служащего, становились определяющим фактором его карьерного роста [Иванов, 2012; Огородов, 2017; Чевтаева, 2009]. Чем в большей степени чиновник зависел от субъективной оценки начальства, тем в меньшей степени – от оценок и мнений населения.

Пути преодоления бюрократического патримониализма. Преодоление патримониализма в системе взаимоотношений начальника и рядового служащего лежало, как считали век назад, прежде всего, в формировании объективных критериев оценки чиновника. Сами чиновники ратовали за прозрачность при приеме на госслужбу посредством «специальных экзаменационных комиссий, составляемых по каждому ведомству из компетентных лиц по выбору чиновников» [Патриции и плебеи, 1913: 3]. Не менее важной казалась объективность в «делах об увольнении» путем внедрения коллегиальной системы принятия решений: «Для достижения возможно большей справедливости в деле увольнения чиновников ... право увольнений передать дисциплинарному суду, в котором обязательно участвуют с правом голоса лица, выбранные чиновниками из своей среды» [К чему сводятся..., 1912: 3].

Важным элементом преодоления патримониализма считалась и практика расширения социального контроля – не только сверху вниз, со стороны «начальства», но и снизу

вверх, со стороны населения. Чиновники откровенно говорили о неэффективности централизованного контроля в форме непрерывных сенаторских ревизий. «Власть ревизующего сенатора почти не ограничена. Ему предоставлены все меры пресечения, все способы следствия. ...Каковы конечные результаты сенаторских ревизий? Истребили они казнокрадство, служебные злоупотребления? ...Увы! Подобная надежда – плод наивности» [Трудная борьба, 1913: 3–4].

Век назад, как и в наши дни, самым действенным инструментом преодоления бюрократизма и казнокрадства многие эксперты считали налаживание контроля со стороны общества за деятельностью госаппарата, вовлечение населения в процесс принятия решений. Е. Карнович в этой связи прямо писал, что исправить или ослабить общественное нераасположение к чиновничеству можно предоставлением населению большей доли самоуправления, что поможет ему понять сложность управления общественными делами [Карнович, 1911: 5].

Итак, уже самые первые опыты сбора эмпирической социологической информации о российских чиновниках, анкетные опросы «Спутника чиновника» начала 1910-х гг., позволяют обнаружить диссонанс между декларируемыми целями государственного управления, связанными со служением обществу, и реальными критериями оценки работы госслужащих. По результатам опросов, судьбы и карьеры чиновников зависели отнюдь не от того, как успешно они служили обществу, а, главным образом, от их умения добиваться благорасположения «начальства». Предложения по реформированию государственной машины, представленные в дореволюционной социологии, оказываются очень созвучны современным задачам формирования объективных и прозрачных механизмов оценки работы государственных и муниципальных служащих, поиска путей привлечения общества к принятию государственных решений. Такое постоянство проблем реформирования государственной службы и профессиональной деятельности госслужащих заставляет задуматься о том, насколько сильно за столетие изменилось российское общество.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев П. Третий пункт // Спутник чиновника. Товарищеский журнал чиновников всех ведомств. 1913. № 5. С. 3–8.
- Добробаба М.Б. Эффективность дисциплинарной ответственности государственных служащих в Российской империи // Право: история и современность. 2020. № 3(12). С. 7–17.
- Иванов В.А. Служебная пригодность или личные симпатии начальника: окладное содержание служащих местных государственных учреждений России в середине XIX в. // Вестник РУДН. Сер. История России. 2012. № 1. С. 20–31.
- К чему сводятся желания чиновничества (От редакции) // Спутник чиновника. 1912. № 11. С. 1–4.
- Карнович Е. Русские чиновники в былое и настоящее время // Спутник чиновника. 1911. № 1. С. 4–5.
- Несколько слов к товарищам (редакция) // Спутник чиновника. 1912. № 16. С. 3–8.
- Огородов А.С., Саранчук С.Ю., Чевтаева Н.Г. Корпоративная сплоченность профессионального сообщества в условиях нестабильности рынка труда промышленного региона // Вестник РУДН. Сер. Социология. 2017. Т. 17. № 1. С. 83–95.
- Патриции и плебеи // Спутник чиновника. Товарищеский журнал чиновников всех ведомств. 1913. № 3. С. 1–6.
- Пора подумать о равномерной оценке чиновничьего труда // Спутник чиновника. 1912. № 10. С. 5–7.
- Свод уставов о службе гражданской. Книга первая. Устав о службе по определению от Правительства // Свод законов Российской империи, повелением Государя Императора Николая Первого составленный. Т. 3. СПб.: В Типографии Второго отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1857. URL: <https://runivers.ru/bookreader/book388154/#page/149/mode/1up> (дата обращения: 23.01.2022).
- Трудная борьба // Спутник чиновника. 1913. № 5. С. 3–6.
- Чевтаева Н.Г. Социология чиновничества в России: дореволюционное наследие и современность // Мир России. 2009. Т. 18. № 3. С. 85–113.

Статья поступила: 01.03.22. Финальная версия: 25.04.22. Принята к публикации: 26.04.22.

PATRIMONIALISM IN OFFICIAL RELATIONS OF RUSSIAN OFFICIALS: ON THE MATERIALS OF PRE-REVOLUTIONARY EMPIRICAL STUDIES

CHEVTAEVA N.G.

Ural Institute of Management, a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia

---

Natalia G. CHEVTAEVA, Dr. Sci. (Sociol.), Head of the Department of Personnel Management of the Ural Institute of Management, a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Yekaterinburg, Russia (che13641@gmail.com).

Abstract. The reactualization of the little-known empirical research experience of ordinary provincial bureaucracy in pre-revolutionary Russia is presented, conducted by the magazine "Sputnik Chinovnika" from 1911 to 1914. The analysis of questionnaires sharpens the problem: the evaluation of the official's work does not depend on the expectations of the population, but is entirely determined by the benevolence of the boss. It is necessary to cancel the infamous "third point" of the Civil Service Charter, when at the sole discretion of the chief, any objectionable official can be dismissed. Overcoming official disenfranchisement, involving independent commissions in solving personnel issues, developing social control on the part of society, providing the population with a greater share of self-government to understand the complexity of public administration – this is the way to establish trust between society and an official.

The inclusion in the scholarly arsenal of the experience of the formation of the sociology of officialdom in Russia demonstrates the heuristic value of studying the life world of this professional group; it allows us to understand which organizational and personal factors can become a brake, which are a driver of good governance, proper public administration in the interests of society.

Keywords: good governance, everyday work of an official, arbitrariness of the authorities, public consent.

REFERENCES

- A few words to the comrades (editorial office) (1912). *Sputnik chinovnika* [Sputnik official]. No. 16: 3–8. (In Russ.)
- Alekseev P. (1913) The third point. *Sputnik chinovnika: tovarishcheskij zhurnal chinovnikov vseh vedomstv* [Sputnik official. The friendly journal of officials of all departments]. No. 5: 3–8. (In Russ.)
- Chevtaeva N.G. (2009) Sociology of officialdom in Russia: pre-revolutionary heritage and modernity. *Mir Rossii* [Universe of Russia]. Vol. 18. No. 3: 85–113. (In Russ.)
- Code of statutes on civil service. Book one. Charter on service as determined by the Government (1857). *Svod zakonov rossijskoj imperii poveleniem Gosudarya Imperatora Nikolaya-Pervogo sostavlennyy* [Code of Laws of the Russian Empire, compiled by the order of the Sovereign Emperor Nicholas I]. Vol. 3. St. Petersburg: In the Printing House of the Second Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery. URL: <https://runivers.ru/bookreader/book388154/#page/149/mode/1up> (accessed 01.23.2022). (In Russ.)
- Dobrobaba M.B. (2020) Efficiency of disciplinary responsibility of civil servants in the Russian Empire. *Pravo: istoriya i sovremennost'* [Law: history and modernity]. No. 3 (12): 7–17. (In Russ.)
- Hard struggle (1913). *Sputnik chinovnika* [Sputnik official]. No. 5: 3–6. (In Russ.)
- It's time to think about a uniform assessment of bureaucratic labor (author not specified) (1912). *Sputnik chinovnika* [Sputnik official]. No. 10: 5–7. (In Russ.)
- Ivanov V.A. (2012) Serviceability or personal sympathies of the chief: salary maintenance of employees of local state institutions of Russia in the middle of the XIX century. *Vestnik RUDN. Ser.: Istoriya Rossii*. [RUDN Journal of Russian History]. No. 1: 20–31. (In Russ.)
- Karnovich E. (1911) Russian officials in the past and present. *Sputnik chinovnika* [Sputnik official]. No. 1: 4–5. (In Russ.)
- Ogorodov A.S., Saranchuk S.Yu., Chevtaeva N.G. (2017) Corporate cohesion of the professional community in the conditions of instability of the labor market of the industrial region. *Vestnik RUDN. Ser.: Sotsiologiya*. [RUDN Journal of Sociology]. Vol. 17. No. 1: 83–95. (In Russ.)
- Patricians and plebeians (without author) (1913). *Sputnik chinovnika: tovarishcheskij zhurnal chinovnikov vseh vedomstv* [Sputnik official. The friendly journal of officials of all departments]. No. 3: 1–6. (In Russ.)
- What are the desires of officialdom reduced to (From the editorial board) (1912). *Sputnik chinovnika* [Sputnik official]. No. 11: 1–4. (In Russ.)

Received: 01.03.22. Final version: 25.04.22. Accepted: 26.04.22.

Бороноеву Асалхану Ользоновичу – 85 лет!

25 июня отмечает свой юбилей человек, с чьим именем неразрывно связана институционализация социологии в Ленинграде – Санкт-Петербурге, – Асалхан Ользонович Бороноев – организатор и первый декан (1989–2000) факультета социологии Санкт-Петербургского (Ленинградского) государственного университета, почетный профессор СПбГУ, заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук.

Родился юбиляр в деревне Старый Хогот Иркутской области. Ему не исполнилось и года, когда умер отец. Детство Асалхана Ользоновича пришлось на тяжелые военные и послевоенные годы. После службы в Советской Армии в войсках ПВО в 1959 г. поступил на философский факультет Ленинградского университета, с которым оказалась неразрывно связана вся его жизнь. Наибольшее влияние на А.О. Бороноева оказал известный философ и декан философского факультета ЛГУ с 1951 по 1960 г. – Василий Петрович Тугаринов, который пригласил его

в аспирантуру и нацелил на научную работу. Установке своего учителя о том, что настоящий университетский преподаватель должен обязательно быть погружен в активную научную и исследовательскую деятельность, Асалхан Ользонович следует и по сей день.

Научная карьера А.О. Бороноева началась в 1968 г. на кафедре философии для гуманитарных факультетов ЛГУ, где за двадцать лет он прошел путь от ассистента до заведующего кафедрой. Именно в это время советские ученые все чаще начали обращаться к социологии и использовать социологические теории в борьбе с догматизмом в гуманитарных науках. В 1964 г. в ЛГУ был создан Научно-исследовательский институт комплексных социальных исследований (НИИКСИ), в 1987–1990 гг. А.О. Бороноев был его директором. Это были сложные и полные драматизма годы перестройки и идеологического противостояния, оказавшие значительное влияние на социальные науки. Бороноев неуклонно отстаивал принципы теоретического и методологического многообразия социологии. В 1989 г. в ЛГУ было принято решение об открытии факультета социологии и Асалхан Ользонович был назначен деканом-организатором. Он не только успешно справился с этой работой, но и возглавлял вновь созданный факультет вплоть до 2000 г., определив основные векторы его развития. Именно он заложил прочный фундамент социологического образования в Санкт-Петербургском государственном университете, сформировал творческий коллектив, всегда поддерживал перспективные направления исследований. А.О. Бороноев основал и до 2015 г. возглавлял кафедру теории и истории социологии.

Вклад Асалхана Ользоновича в институционализацию социологии в нашей стране трудно переоценить. Занимаясь организацией факультета социологии, он прекрасно понимал, что академическая наука не может существовать и развиваться без знания своих корней и истоков. А потому сохранение исторической памяти является важным направлением деятельности учебного заведения. В 1993 г. он возродил и возглавил Социологическое общество им. М.М. Ковалевского. По его инициативе был введен и празднуется в России День социолога – 14 ноября, а на карте Санкт-Петербурга появились значимые для каждого социолога места. Была восстановлена могила М.М. Ковалевского на Никольском кладбище Александро-Невской лавры, установлены мемориальные доски на домах, где жили М.М. Ковалевский и П.А. Сорокин.

Следующим важным шагом на пути становления социологии как академической дисциплины и практической деятельности являлось формирование научного сообщества. Коммуникация между представителями разных регионов, стран, поколений и научных школ играет ключевую роль в этом процессе. А.О. Бороноев всегда уделял большое внимание созданию площадок, обеспечивающих возможности для взаимодействия ученых. По его инициативе на факультете

социологии СПбГУ уже более 15 лет проводятся ежегодные Ковалевские чтения, также он является организатором Санкт-Петербургских социологических чтений. Несмотря на непреходящий интерес Асалхана Ользоновича к истории российской социологии, он всегда подчеркивает важность обмена опытом с коллегами из других стран. При его непосредственном участии факультет социологии поддерживает прочные контакты со многими вузами Германии, Китая, Турции, Польши, Монголии. Международная коллаборация воплощается в организации совместных мероприятий и реализации академического обмена для преподавателей и студентов.

А.О. Бороноев известен и как прекрасный и глубокий педагог, к нему тянутся студенты и коллеги. Для него всегда особое значение имели обеспечение интеграции молодежи в академическое сообщество, поддержка студенческих инициатив. Под его руководством защищено 63 кандидатские и 15 докторские диссертаций. При его поддержке и активном участии с 2011 г. на факультете социологии работает Социологическая школа СПбГУ – ежегодный съезд студентов старших курсов, магистрантов, аспирантов, молодых специалистов и преподавателей, заинтересованных в социологической науке.

Научная литература и периодика – элемент, без которого не может существовать ни одна наука. А.О. Бороноев – один из основателей и член редколлегии «Журнала социологии и социальной антропологии», инициировал издание периодического сборника «Проблемы теоретической социологии», много лет является членом Редакционного совета журнала «Социологические исследования».

Он внес весомый вклад в сохранение и реконструкцию российского социологического наследия. Лейтмотивом исследований научной школы по изучению истории отечественной социологии под руководством А.О. Бороноева является комплексное представление отечественных социологических традиций в осмыслении актуальных проблем российского общества и его истории, а также изучение теоретического наследия и судеб российских социологов. Под его редакцией переизданы многие ключевые работы российских ученых: П.А. Сорокина, Е.В. Де Роберти, Н.И. Кареева, М.М. Ковалевского, К.М. Тахтарева. В 2014 г. А.О. Бороноев выпустил книгу «Социология и социологическое образование в Санкт-Петербургском государственном университете».

Асалхан Ользонович – ученый, чьи труды хорошо известны не только в России, но и далеко за ее пределами. Им опубликовано около 400 работ по этнической социологии, социальной антропологии, истории отечественной социологии, в том числе учебное пособие «Основы этнической психологии» (1991), книга «Россия и русские. Характер народа и судьбы страны» (соавтор Смирнов П.И., 2-е изд. – в 2001 г.), «Сибирь. Проблемы сибирской идентичности» (2003), «Проблемы сибирской ментальности» (2004). Начиная с 2015 г. область научных интересов А.О. Бороноева связана с изучением концепта малой родины, в настоящее время под его руководством реализуется фундаментальный проект «Феномен малой родины и его место в конструировании социально-культурных символов и ценностей гражданской идентичности».

А.О. Бороноев серьезно интересуется восточной прозой и поэзией – китайской, японской, персидской литературой, отмечая фундаментальный характер и глубину культуры, создавшей её. Свою любовь к красоте художественного слова он принес и в университет – доброй традицией на факультете является празднование Дня поэзии 21 марта. Вечера поэзии объединяют студентов и преподавателей, именитых профессоров и известных поэтов, литераторов, редакторов, корреспондентов таких изданий, как журнал «Аврора», «Литературная газета». В дружеской обстановке взаимного интереса расцветают поэтические таланты, а по итогам встреч было опубликовано несколько сборников стихов под символическим названием «Социология души». Именно это название наиболее точно характеризует творческий путь А.О. Бороноева, для которого социология – это не только призвание и профессия, но и состояние души.

М.В. ЛОМОНОСОВА, к. соц. н.,
Е.С. БОГОМЯГКОВА, к. соц. н.

КЛЮЧАРЕВУ ГРИГОРИЮ АРТУРОВИЧУ – 65 лет!

23 мая отметил свой юбилей доктор философских наук, профессор, специалист в области социальной философии, социологии образования и науки, главный редактор нашего журнала Григорий Артурович Ключарев.

После окончания в 1979 г. физического факультета Московского государственного педагогического института имени В.И. Ленина (МГПИ) Григорий Артурович продолжил обучение в аспирантуре МГПИ по специальности «философия физики». В 1985 г. защитил кандидатскую диссертацию, а в 1995 г. – докторскую «Эволюция понятий в современном человековедении».

Профессиональный путь Григория Артуровича начался в его родном МГПИ и в Правлении Всесоюзного общества «Знание» в качестве референта секции общественно-политических знаний. С 1993 г. он сосредоточился на научно-исследовательской работе, был ведущим научным сотрудником и ученым секретарем Российского независимого института социальных и национальных проблем, заведующим отделом, ученым секретарем Института комплексных социальных исследований РАН. С 2005 г. работает в Институте социологии РАН (ныне – Институт социологии ФНИСЦ РАН), в настоящее время – главный научный сотрудник, руководитель Центра социологии науки и образования, зам. директора по международному сотрудничеству ФНИСЦ РАН. Г.А. Ключарев имеет большой опыт руководства научными коллективами и исследовательскими проектами, в том числе международного уровня, осуществленными при поддержке ведущих научных фондов – РФФ, РФНФ, РФФИ, а также Института образования взрослых РАО (г. Санкт-Петербург), НИУ ВШЭ, Школы непрерывного образования Ноттингемского университета (Великобритания) и ряда других.

За более чем сорокалетний период научной и педагогической деятельности Григорий Артурович подготовил и опубликовал свыше 200 научных трудов, в том числе более 20 монографий, учебников и учебных пособий по проблемам непрерывного и дополнительного образования, образовательных систем, взаимодействия образования и науки, экономики образования, политики в сфере образования и пр.

Ключарев концептуализировал роль непрерывного образования в социально-экономическом развитии общества. Исследует создание образовательных систем и современные практики в сфере государственной научной политики, в том числе подготовки научных кадров. Изучает взаимодействие социальных субъектов, участвующих в процессах создания, трансфера и коммерциализации наукоемкой продукции. Особая тема его научных изысканий – институционализация дополнительного образования. В поле его научных интересов входит и теоретическая социология. Им обосновывается, что философско-онтологическая проблематика переходит в эпистемологию, взаимодействуя с ценностно-историческим контекстом социальных исследований.

Несмотря на интенсивную научно-исследовательскую работу, Григорий Артурович не оставлял преподавательскую деятельность. С 1975 г. он читает авторские курсы по социологии образовательных систем, истории и философии науки и техники в МГПИ, НИУ МЭИ и ряде других вузов. При его участии в качестве консультанта и научного руководителя подготовлены и защищены 6 кандидатских и 2 докторские диссертации.

Много лет является членом редколлегий общероссийских научных журналов, таких как «Социологическая наука и социальная практика», «Вестник Института социологии» и др. С 2017 г. Григорий Артурович является главным редактором СоцИса, продолжая традиции ведущего социологического журнала страны.

За высокие достижения в научной сфере Г.А. Ключарев награжден Благодарностью Председателя Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации,

---

Почетной грамотой Президиума РАН, Серебряной медалью имени Питирима Сорокина «За вклад в науку».

Григорий Артурович пользуется заслуженным авторитетом среди коллег. Его отличает чувство такта, вдумчивое отношение к делу и тонкое понимание сотрудников. Он открыт для диалога и готов поддержать новые идеи, благодаря опыту и мудрости помогает их развить.

Редакция, редколлегия и редакционный совет журнала искренне поздравляют Григория Артуровича с юбилейной датой и желают творческой энергии, открытости новому и научных достижений.

Размышления над новой книгой

© 2022 г.

Г.А. КЛЮЧАРЕВ

ОБ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ АВТОНОМИИ В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМ ИСПОЛНЕНИИ

КЛЮЧАРЕВ Григорий Артурович – доктор философских наук, руководитель Центра социологии образования и науки Института социологии ФНИСЦ РАН, профессор кафедры философии, социологии, политологии имени Г.С. Арефьевой Национального исследовательского университета «Московский энергетический институт», Москва, Россия (Kliucharev@mail.ru).

Аннотация. Заложенный одним из основателей высшего образования в Европе Вильгельмом фон Гумбольдтом принцип университетской автономии и академических свобод непросто приживается в российской высшей школе. Государственное (федеральное) управление, которое мы назвали «институциональным исполнением», определяет основные формы деятельности университетов. Тем не менее вхождение в Болонский процесс (ЕГЭ, ГИФО, образовательные кредиты и др.), успешная реализация мегапроектов «5-100» и «2030» позволяют говорить об устойчивом развитии сферы высшего профессионального образования. Обсуждается вопрос о доступности качественного образования и преодоление неравенств.

Ключевые слова: российские университеты • высшее профессиональное образование • доступность качественного образования • государственная политика

DOI: 10.31857/S013216250020079-9

Вышла в свет современная энциклопедия российского высшего профессионального образования (ВПО) и его важнейших институтов – университетов и вузов [Кузьминов, Юдкевич, 2022]¹. Очень подробно, со знанием дела (у обоих авторов за плечами многолетний опыт создания и развития успешного крупного университета) в книге рассмотрен самый широкий круг вопросов, связанных с современной высшей школой. Авторы продемонстрировали, «каким образом социально-экономический контекст влияет на институты высшего образования: их устройство, функционирование и результаты», что «понять национальную систему высшего образования можно только в сравнительной перспективе, рассматривая ее как часть глобальной системы производства знаний» (с. 611). Это очень важный и существенный методологический подход, который выгодно отличается от редких иных работ по данной проблематике.

Основной «герой» книги – это государство. Оно открывает и закрывает университеты, ранжирует их на лидеров, середнячков и отстающих, определяет размер и механизмы финансирования и утверждает выбираемых ректоров. Российское государство, а точнее – правительство федерального уровня – главный актер, бенефициар, стейкхолдер ВПО. Оно задает правила игры на рынке образовательных услуг, определяет допустимую степень университетской автономии и академических свобод, иногда делает некоторые либеральные «послабления» в секторе негосударственного (частного) образования. Через

---

¹ Далее ссылки на рецензируемую книгу даются в круглых скобках.

систему высшего образования государство воспроизводит и трансформирует в желательном для него направлении социальную структуру общества, явно или неявно реализует основополагающие ценности и ключевые принципы организации образовательных систем – элитаризм, эгалитаризм или меритократию.

В нескольких разделах книги подробно рассматривается история становления российской высшей школы и ее переход в современность. Этот период охватывает последнее столетие – от рабфаков и квотирования набора учащихся (в том числе по классово-сословному и национальному признакам) до революционных по своей сути болонских преобразований и мегапроектов типа «5-100» или «2030». Так, в соответствующей главе, посвященной радикальной трансформации системы образования в 1920–1930-х гг., авторы обстоятельно разбирают, как государство стремилось целенаправленно пополнить ряды научно-технической и творческой интеллигенции из числа молодежи путем создания особых образовательных траекторий, тем самым усиливая неравенство в доступности образования. Процесс оказался непростым, поскольку встречал скрытое сопротивление со стороны старших преподавателей и профессоров. Да и подготовка у выходцев из рабоче-крестьянских слоев оставляла желать много лучшего. Такая постепенная «ротация» кадров в нужном направлении имела еще одну важную особенность. Молодые дипломированные специалисты «из низов», наряду со своим карьерным ростом, входили в зону повышенного риска: «красные директора», «красные профессора», да и просто «красные специалисты» были на виду, а иммунитета от ГПУ-НКВД у них, как оказалось, было не больше, чем у выпускников императорских университетов и политехникумов [Андреев, 2008: 260–269]. В книге между делом упоминается ректор Московского университета в 1925–1928 гг. А.Я. Вышинский, впоследствии прокурор СССР и главный обвинитель в политических процессах 1930-х гг., как он, будучи руководителем Главного управления народного образования, возглавлял кампанию по избавлению от неугодных преподавателей университетского сообщества (с. 75).

Дальнейшая история развития советской высшей школы показала, что несмотря на проводимую политику, серьезные неравенства в доступности качественного образования не только сохранялись, но и увеличивались. Как отмечает Д.Л. Константиновский: «В нашей стране в 1960-х годах было начато и вызвало большой резонанс сибирское исследование В.Н. Шубкина [Шубкин, 1970], которое на репрезентативных материалах продемонстрировало, что советское общество отнюдь не свободно от неравенства в системе образования, трансмиссии статусов, прочих явлений такого рода, свойственных и другим обществам. Существенные различия в реальных возможностях выходцев из элиты и из низов получили убедительные научные доказательства. Пропагандистский миф был взорван социологическими исследованиями» [Константиновский, 2008: 18–19].

Тема доступности качественного образования многократно встречается на страницах рецензируемой работы. Дело в том, что образование невысокого качества почти всегда в той или иной степени доступно. Пока запрос на высшее образование в массовом сознании достаточно высок (и не без основания, поскольку премия по заработку выпускника вуза в два-три раза выше, чем у выпускника СПО), «поставщики» образовательной услуги самого разного качества находятся всегда. И здесь мы видим впечатляющее неравенство. Достаточно привести современные данные: стоимость обучения на платном месте в филиале небольшого вуза в городе с населением 100–200 тысяч человек – 30–40 тыс. руб. за семестр, в то время как семестровая плата в ведущих столичных университетах с высокой репутацией и рейтингом 200–300 и более тыс. руб. Разумеется, ситуация несколько смягчается наличием бюджетных мест (их займут менее половины абитуриентов на основании своих результатов ЕГЭ). Но и здесь остается проблема – примерно половина бюджетников происходят из вполне состоятельных семей, которые (скажем, при наличии ГИФО) могли бы оплачивать обучение и освободить места для малоимущих.

Прошедшие два «пандемийных» года показали особые возможности дистанционного и онлайн-обучения для выравнивания шансов на получение качественного образования.

Понятно, что ведущие университеты располагают квалифицированными кадрами, которые могут создать качественные курсы как по учебным дисциплинам, так и в рамках дополнительного образования. Потенциальная опасность для рядовых и провинциальных университетов здесь связана с уменьшением аудиторной нагрузки штатных преподавателей, некоторые из которых смогут в лучшем случае проводить практические занятия вслед за маститыми «столичными» лекторами и учеными. Существующая практика дистанционных занятий на отечественных и мировых платформах (ресурсах) значительно способствует повышению качества занятий, в том числе за счет машинного контроля процесса учебы (machine learning). Такие обучающие программы обеспечивают идентификацию студента, оптимизируют скорость подачи контента, могут проводить пошаговый контроль усвояемости материала. Для малообеспеченных семей, проживающих вне крупных городов, – это серьезный ресурс выравнивания шансов на получение качественного образования.

Обращает внимание читателя глава «Дорога в вузы: из школы и не только», где показано, что многие проблемы, с которыми сталкиваются университеты, возникают уже в начальной и средней школе. Речь идет о соотношении объемов (и, соответственно, учебных часов) общего и специального образования (с. 308–310). Оказывается, что ученики 4–5 классов демонстрируют на международных состязаниях (PIRLS – навыки чтения, TIMSS – математические навыки) очень хорошие, если не наилучшие, результаты. Но к 10–11 классам эти показатели значительно ухудшаются (исследования PISA), а после выпуска (в течение одного года), согласно данным исследования PIAAC, результаты становятся еще хуже. Из этого авторы справедливо делают вывод, что в российских школах плохо учат применять полученные знания на практике. А это, по сути, вопрос овладения компетенциями. Вспомним, например, как обстоит дело со школьным курсом физики. Большинство учеников худо-бедно расскажут теорию, но решать задачи не умеет практически никто. Это в дальнейшем составляет предмет труда репетиторов, которые целеустремленно готовят абитуриентов в технические и инженерные вузы и восполняют эту компетенцию решения задач.

Пренебрежительное отношение к компетенциям как к элементу «подозрительного» Болонского процесса часто встречается среди многих педагогов и методистов средней школы. Вспоминается интервью с успешным томским интеллектуальным стартапером, который на собеседовании спросил выпускников-медалистов 11 класса о том, какой ток течет в ближайшей электрической розетке². Молодые люди задумались, а потом неуверенно сказали, что *поскольку ток в розетке есть всегда, то значит, что он постоянный*. Это выразительный пример отсутствия соответствующей компетенции. Сегодня, в наиболее «продвинутых» школах оборудованы специальные классы компетенций, где дети учатся решению конкретных практических задач, которые требуют специальных знаний. К примеру, умение выживать в дикой природе предполагает практические знания и навыки физики, химии, биологии. А компетентность успешного ведения домохозяйства основана на знании основ педагогики, психологии, физиологии, медицины и т.д.

Ещё из средней школы в университеты перемещается невозможность выбора содержания обучения и его персонификация, малая вариативность изучаемых курсов. Если к этому добавить высокую по объему часов аудиторную (классную) нагрузку, запредельные объемы домашних заданий, то получается, что на самостоятельное и дополнительное образование в соответствии с интересами самих учащихся не остается ни времени, ни сил. Собственно, в такой организации отчетливо просматривается институциональная составляющая – максимально унифицировать учебный процесс, сохраняя его в заданных рамках и объемах.

Кстати, и в вузе переход на новую специальность, например, в магистратуре сегодня практически невозможен. Ценность магистратуры значительно падает, а содержание

---

² Примечание – в бытовых электрических сетях используется исключительно переменный ток напряжением 220 вольт.

обучения напоминает «парафраз» предыдущих четырех лет бакалавриата. Неудивительно, что в такой ситуации большинство студентов предпочитают завершать свое высшее образование получением диплома бакалавра. А для администраций университетов это нежелательный тренд – «утрачивается учебный контингент» и, соответственно, финансирование.

Особая тема, которую авторы скрупулезно анализируют, – это «неправильное поведение» как на уровне студентов, преподавателей, так и на институциональном уровне. Речь идет не только о «безобидных» практиках списывания, заказа на стороне платных курсовых и дипломных работ, использования чужих результатов и других распространенных формах симуляции учебного процесса. Но главная проблема – это устранение коррупции «на входе» при поступлении в университет (за счет введения ЕГЭ) и ее перемещении на региональный уровень, где может сохраняться возможность манипуляции с показателями школьной успеваемости. Кстати, серьезные межрегиональные различия по успеваемости (они не публикуются, чтобы не стимулировать местные органы управления образованием к припискам, но по расчетам авторов они достигают 30%) наводят на мысль, что образовательные пространство в стране сильно неоднородно со всеми вытекающими из этого последствиями (с. 323).

К недобросовестному поведению следует отнести и феномен институциональной коррупции. Суть его в том, что администрации некоторых университетов в погоне за высокими интегральными показателями публикационной активности своих преподавателей прибегают к платным услугам «мусорных» журналов.

Несколько слов надо сказать об эффективности деятельности университетов, которую справедливо соотносят с показателем трудоустройства выпускников, размером премии за полученное образование, да и качеством жизни выпускников в целом. Большинство исследователей сходятся во мнении, что для оценки персонифицированной результативности образования следует использовать понятие «успешность / неуспешность» [Зборовский, Амбарова, 2020]. Причем в отличие от официальных методических рекомендаций, которые понимают успешность на макроуровне как достижение определенных показателей на всей совокупности учащихся, здесь предлагается обращать внимание на микроуровень – насколько каждый конкретный учащийся стал конкурентоспособен на рынке труда, как он адаптировался во взрослую самостоятельную жизнь. Поэтому консультанты по образованию (есть такая профессия) в каждом конкретном случае максимально персонифицируют образовательную траекторию и оценивают, при какой стратегии поведения учащегося (участие в факультативах, дополнительное и самообразование, участие в олимпиадах и научных конференциях, развитие неформальных сетевых связей, членство в организациях и молодежных движениях, ранние контакты с работодателями и др.) можно повысить шансы на достижение успеха.

Вопрос трудоустройства выпускников сохраняет высокую актуальность в сегменте массового (элитное и качественное оставим в стороне) высшего образования. Некоторые вузы при заключении договора (особенно с платными студентами) указывают, что при окончании обучения обязуются предложить выпускнику на выбор несколько рабочих мест по полученной специальности. На старших курсах создаются условия для установления контактов с потенциальными работодателями (например, во время производственной практики или стажировки). Однако ситуация с трудоустройством далека от идеальной. По сути, образовательная услуга оказывается невысокого качества, если большинство выпускников не могут найти работу в соответствии с полученной квалификацией и специализацией. Почти все известные нам исследования трудоустройства молодых специалистов дают примерно одинаковые результаты³ – около половины работают не по специальности. Среди респондентов с высшим образованием, не работающих по специальности, также почти половина пытались работать по специальности, но затем каждый второй бросил это занятие из-за низкой зарплаты, а треть даже не искали работу и жили за счет родителей, доходов от теневой занятости или частного предпринимательства.

³ См., например, <https://ria.ru/20190902/1558146808.html> (дата обращения: 23.04.2022).

Справедливости ради, стоит отметить, что по некоторым специальностям (программирование, технологии наукоемких производств, трудовое право по конкретным отраслям, медицинские и биофизические исследования и диагностика и ряд других) спрос на молодых специалистов весьма высок. Дело доходит до того, что работодатели и рекрутинговые агентства периодически устраивают для старшекурсников ярмарки вакансий и заранее анонсируют привлекательные условия труда для будущих выпускников.

Тем не менее в подавляющем большинстве университетов планирование набора абитуриентов происходит без ориентации на рынок труда. *«Достаточно сказать, что федеральные власти с 1992 года не разработали никакого доказательного механизма прогнозирования рынка труда в региональном и отраслевом разрезе, который мог бы служить основой хотя бы индикативного планирования потребности в подготовке специалистов»* (с. 245). Фактически набор происходит на основе пожеланий самих вузов с учетом потребительской привлекательности той или иной специальности. Такая практика иррациональна и создает порочный круг.

Наиболее успешные студенты могут остаться после окончания на кафедрах или в лабораториях на младших должностях. Это так называемая практика *инбридинга* (сохранение трудовых отношений с выпускниками после окончания учебного заведения), которая позволяет решать потребность вуза в молодых научно-педагогических кадрах. Однако с точки зрения карьерного роста молодого специалиста это далеко не самый оптимальный путь. Высокая загруженность текущими обязанностями, небольшая зарплата и туманные перспективы с защитой диссертации – все эти факторы мало способствуют творческому росту. Напротив, те выпускники, которые устраиваются на производство или в крупные компании, получают существенно более высокую премию за образование и перспективы роста. Кстати, остающиеся на работу в своем вузе сталкиваются с дополнительной нагрузкой от выполнения обязанностей «почетных» членов кафедр из числа бывших региональных элит. В областных центрах и средних по размерам городах заведующие, главным образом, гуманитарными кафедрами хорошо знают, как местные административные руководители после прекращения деятельности по основному месту работу устраиваются в вузы на должности «почетных» доцентов и профессоров. При этом их научный и педагогический потенциал, как правило, находится на очень низком уровне. Поэтому нагрузка дополнительно перераспределяется на более молодых и квалифицированных сотрудников.

* * *

Не случайно в самом начале отзыва упомянут подход, которому следовали авторы на протяжении всей книги, – необходимость постоянных сравнений (сопоставлений) российской системы образования с практиками и политиками других стран, успехи которых в этой сфере хорошо заметны. И сейчас на рабочем столе рядом с рецензируемой книгой лежит не менее внушительная по объему и вполне сопоставимая по качеству и глубине анализа монография известного датского историка образования профессора Ове Корсгарда [Korsgaard, 1997]. Пафос его уникальной работы состоит в том, что своими успехами Дания обязана главным образом системе образования, которая построена снизу, исходя из развивающихся повседневных учебных практик. Эти практики начинаются во дворе, на игровой площадке, в спортивном зале, во время фестиваля народной музыки и датского языка и постепенно перемещаются в университеты для молодежи и высшие народные школы для взрослых. Разумеется, государство во всем этом принимает активное участие, но преимущественно на муниципальном, местном и региональном уровнях. Здесь отработаны практики инвестиций и пожертвований в образование, университетам разрешена и поощряется хоздоговорная (исследования и разработки) и венчурная деятельность, то есть на практике обеспечиваются университетская автономия и академические свободы. Согласимся, что невозможно выстроить эффективную систему образования вне государства по образу Касталии нобелевского лауреата Г. Гессе. Но трудно

построить нормальную систему, когда правительство играет слишком большую роль. Речь идет о том, чтобы в России наладить такое партнерство, когда общество и, в частности, научно-педагогическое сообщество, предприниматели и бизнес станут играть значимую роль в образовательной политике. Социальная политика невозможна без диалога с обществом. Этот путь длиннее, но это единственный разумный путь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреев А.Л. Российское образование: социально-исторические контексты. М.: Наука, 2008.
- Зборовский Г.Е., Амбарова П.А. Образовательная неуспешность учащихся и студентов как социальный феномен: методология исследования // Высшее образование в России. Том 29. 2020. № 5. С. 34–44.
- Константиновский Д.Л. Неравенство и образование. Опыт социологических исследований жизненного старта российской молодежи (1960-е годы – начало 2000-х). М.: ЦСП, 2008.
- Кузьминов Я.И., Юдкевич М.М. Университеты в России: как это работает. М.: Издательский дом НИУ-ВШЭ, 2022.
- Шубкин В.Н. Социологические опыты. М.: Мысль, 1970.
- Korsgaard O. Kampen om Lyset. Dansk voksenoplysning gennem 500 ar. Guldendal, Cobenhavn, 1997.

ABOUT UNIVERSITY AUTONOMY IN INSTITUTIONAL EXECUTION

KLIUCHAREV G.A.

Institute of Sociology of FRCAS RAS, Russia

KLIUCHAREV Grigory A., Dr. Sci. (Philos.), Head of the Center for Sociology of Education and Science, Institute of Sociology of FRCAS RAS, Professor of the Department of Philosophy, Sociology, Political Science named after G.S. Arefieva, National Research University "Moscow Power Engineering Institute", Moscow, Russia (Kliucharev@mail.ru).

Abstract. The principle of university autonomy and academic freedom laid down by Wilhelm von Humboldt, one of the founders of modern higher education in Europe, does not just take root in Russian higher education. The state (federal) administration, which we called "institutional execution", determines the main forms of university activity. Nevertheless, the entry into the Bologna process (USE, GIFO, educational loans, etc.), the successful implementation of the 5-100 and 2030 megaprojects allow us to talk about the sustainable development of higher professional education. The issue of access to quality education and overcoming inequalities is discussed.

Keywords: russian universities, higher professional education, access to quality education, public policy.

REFERENCES

- Andreev A.L. (2008) Russian Education: Socio-Historical Contexts. Moscow: Nauka, 2008. (In Russ.)
- Zborovsky G.E., Ambarova P.A. (2020) Educational failure of pupils and students as a social phenomenon: research methodology. *Vysshee obrazovanie v Rossi* [Higher education in Russia]. Vol. 29. No. 5: 34–44. (In Russ.)
- Konstantinovskiy D.L. (2008) *Inequality and education. The experience of sociological studies of the life start of Russian youth (1960s – early 2000s)*. Moscow: TsSP. (In Russ.)
- Kuzminov Ya.I., Yudkevich M.M. (2022) *Universities in Russia: how it works*. Moscow: NRU-HSE Publishing House. (In Russ.)
- Shubkin V.N. (1970) *Sociological experiments*. Moscow: Thought. (In Russ.)
- Korsgaard O. (1997) *Kampen om Lyset. Dansk voksenoplysning gennem 500 ar. Guldendal, Cobenhavn*. (In Danish).

Книжное обозрение

© 2022 г.

Hanafi S., Yi C.C. (eds) SOCIOLOGIES IN DIALOGUE. SAGE: SAGE Studies in International Sociology, 2020. 392 p.

Дискуссии о «глобальной социологии» ведутся давно, но главной проблемой остается их фрагментарный характер. Книга «Социологии в диалоге» представляет собой новый шаг в решении данной проблемы, предлагая интегрированный интеллектуальный продукт, объединяющий усилия социологов из 20 стран. Это не столько результат «низовой инициативы» индивидуальных исследователей, сколько институционального действия одного из главных социологических объединений в мире – Международной социологической ассоциации (МСА). Одним из ее редакторов выступает С. Ханафи (Sari Hanafi), президент МСА в 2018–2022 гг.; другой редактор, Чин-Чун И (Chin-Chun Yi), также имеет богатый опыт работы в ассоциации.

Книга примечательна как минимум по двум причинам. Во-первых, это одна из первых попыток (наиболее масштабная по количеству участников) не просто обратить внимание на «местную специфику» развития социологического знания в различных частях планеты, но и последовательно рассмотреть конкретные кейсы на локальном, национальном, международном и глобальном уровнях, учитывая их взаимосвязи и размещая полученные результаты в едином концептуальном пространстве. Во-вторых, рецензируемая книга по-новому ставит вопрос о роли как нашей науки, так и профессионального сообщества социологов в социально-экономических изменениях. Авторы не ограничиваются популярными (и широко критикуемыми рядом специалистов в России и за рубежом) призывами к социологам «сделать мир лучше» через прямое практическое (или, другими словами, «публичное») действие. Они также предлагают, пусть в ограниченном объеме, новые подходы, концепции и понятия, которые, преодолевая ограничения упрощенных и отчасти устаревших, но популярных среди многих социологов представлений, могут не только продвигать вперед социальную теорию, но и положительно повлиять на социальную практику.

Центральное значение с этой точки зрения имеет вводная глава, в которой С. Ханафи и Чин-Чун И формулируют и кратко обосновывают три «условия диалога социологий» (с. 2) как концептуальную основу монографии. (1) Авторы предлагают «деконструировать бинарную логику антагонистических категорий, таких как традиция/современность, Восток/Запад, универсализм/контекстуализм...» (с. 2). Доминирующие в социологическом мейнстриме концептуальные рамки действительно зачастую оказываются чрезмерно жесткими и упрощенными, неадекватными для понимания современного сложного социального мира. Однако вопрос в том, какие конкретные новые категориальные системы могут эффективно заменить существующие? В книге предлагается несколько набросков таких новых концептуальных рамок (подробнее ниже). Однако по большей части это остается задачей будущих исследований.

(2) Поиск «универсальных концепций» социологического знания (с. 2). Авторы предлагают оригинальное, хотя и спорное решение. Они рекомендуют решать указанную задачу на уровне «идей», не на уровне привычных для социологического мейнстрима формализованных моделей или механизмов. Разработка теоретически осмысленных, но при этом эмпирически операционализуемых моделей объектов социологического анализа находится

В работе использованы результаты проекта, выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

в ядре современного социологического канона. В XIX и начале XX в. усилиями Э. Дюркгейма, М. Вебера, П. Сорокина и других первопроходцев эмпирической социологии доказательный, основанный на данных характер социологической аргументации и концептуализации стал рассматриваться как обязательный признак «правильной социологии». На первый взгляд призыв отказаться от данного взгляда может казаться «шагом назад». Наверняка найдутся социологи, которые категорически не согласятся с подобными предложениями. Вместе с тем, учитывая растущую турбулентность и разнообразие институциональных контекстов на местном, национальном и глобальном уровнях, этот подход представляется имеющим право на существование; однако проблема в том, как совместить его с требованием методологической согласованности социологии как науки, а не идеологии. К сожалению, в содержании книги представляются лишь первые попытки выстраивания того рода «глобальной социологии идей», которые не позволяют сделать вывод о том, насколько жизнеспособным с научной точки зрения окажется предложенный ход. В частности, сам феномен «глобальности», по нашему мнению, не получил в рассматриваемой книге достаточного внимания. Между тем его целостное осмысление в концептуальной логике социологии (в особенности с учетом событий первой половины 2022 года) может оказаться не менее важным, чем преодоление пространственных барьеров между отдельными географическими блоками внутри «глобального» мира, о которых говорят С. Ханафи и Чин-Чун И.

Например, понятие «социальный класс», которому уделено серьезное критическое внимание авторов, действительно требует пересмотра – но не только потому, что оно ориентировано на западную традицию, на чем делают основной акцент редакторы. Не менее важный аргумент заключается в том, что в своих традиционных интерпретациях (популярных у социологов из стран Востока не менее, чем у их коллег с Запада) с точки зрения имущественных признаков, формального уровня образования или корпоративных трудовых отношений понятие «социальный класс» не позволяет адекватно отразить наблюдаемые сегодня изменения в социально-экономической динамике, в том числе связанные с преобразованием характера работы, формированием новых профессиональных и трудовых общностей, или с ростом нетрадиционных типов занятости, а также неформального образования.

(3) Признать английский язык «Lingua franca» современной социологии (без дискриминации других культур и их родных языков). На фоне широких дискуссий о так называемых «коренных социологиях» и девестернизации¹ специальный акцент руководства МСА на роли английского языка как ведущего (при всём наборе политически необходимых оговорок) представляется важным сигналом международным и национальным социологическим сообществам. Его суть в том, что для полноценного участия в научной жизни необходимым становится владение английским языком. Это не означает навязывания тех или иных содержательных позиций, но означает способность понимать зарубежных коллег, которая не только не снижает свою полезность, но становится особенно важной для представителей социальной науки в текущей международной обстановке.

Книга состоит из пяти частей. В первой рассматриваются наиболее острые проблемы формирующейся глобальной социологии: что на самом деле означает интернационализация и глобализация социологии для социологических сообществ по всему миру? Какие последствия это имеет для теории и методологии нашей науки? П. Борнья (Paola Borgna) на примере итальянской социологии показывает, как происходит структурирование внутренней социологической коммуникации под влиянием международной системы академических рейтингов. Т. Дуайер (Tom Dwyer) и К. Бенедито Мартинс (Carlos Benedito Martins) рассматривают интернационализацию социологии в португалоговорящих странах, показывая важность перехода от традиционной оси анализа Север-Юг в размышлениях об интернационализации социологии к менее изученному измерению Юг-Юг. Д. Вудман (Dan

¹ Therborn G. Knowledge and power: Social science and the social world // *International Sociology*. 2021. 36(5). P. 697–703. См. перевод этой статьи в *СоцИсе*, № 4, 2022 г.

Woodman) пишет о «глобальных поколениях» на примере конкретного явления. На его взгляд, «глобальные поколения» встроены в новый тип реальности, для которой «воображаемое» не менее важно, чем «реально существующее»; это объясняет, почему указанные поколения (то есть вполне конкретную категорию индивидов) можно рассматривать как одновременно и универсальный феномен, и специфичный для контекста. А. Вессели (Anna Wessely) поднимает вопрос: увеличивает ли ценность той или иной социологической теоретической разработки тот факт, что конкретная теория (идея) пришли из конкретной «недостаточно представленной» в социологическом мейнстриме страны или сообщества? Несмотря на максимальное соблюдение пиетета к незападным традициям социологического знания, Вессели дает, по сути, отрицательный ответ.

Вторая часть «Возникающие новые локальные социологии» объединяет работы представителей России, Филиппин, Тайваня, Мексики и ряда других стран Латинской Америки. Особый интерес в этом разделе представляет глава Р. Брисеньо-Леон (Roberto Briceño-León), который предлагает социологическую программу, сочетающую элементы марксизма и функционализма с идеями психоанализа. М.Ф. Черныш демонстрирует особенности постсоциалистических социальных изменений. В центре его внимания – проблема справедливости в ее культурном и структурном измерении.

Часть «Социология в (пост)авторитарном контексте» примечательна главой С. Ханафи о феномене «арабских левых». Он подчеркивает две особенности, недостаточно учитываемые в современных дебатах: антиимпериалистическую и антизападную природу этого явления. Предлагаемое методологическое решение состоит в том, чтобы объединить «постколониальный» подход с «поставторитарным».

Четвертая часть «Когда социология становится публичной» открывается статьей К. Сейямы (Kazuo Seiyama) о сложных взаимоотношениях между нормативной и эмпирической сторонами социологии на примере изучения вопросов социальной политики. Поскольку одной из главных задач социологии является «изучение желательного» (с. 239), автор утверждает необходимость учета нормативной ценности изучаемых явлений, включая такой конструкт, как «общество всеобщего благосостояния». Отметим и статью Т. Уотерспуна (Terry Wotherspoon) о том, что нынешние многочисленные кризисы призывают социологов на практике доказать «ценность своего ремесла и знаний» (с. 241), требуя «продвижения глобального диалога в рамках дисциплины» (с. 262).

Заключительная часть продолжает критический обзор различных путей социологии в неанглосаксонском мире, включая Бангладеш, Португалию и Палестину. Шейх М. Кайс (Shaikh Mohammad Kais) утверждает, что «беспорядочное и неорганизованное развитие программ социологии в университетах и колледжах может привести к девальвации этой науки, практика которой требует критического ума со способностью к независимому мышлению» (с. 339). Он приводит доказательства того, как в Бангладеш «количественный рост» социологического образования сопровождался «критическим качественным вырождением» (с. 355). Такая постановка представляется весьма своевременной не только в отношении азиатских стран, но и мира в целом, включая Россию.

Таким образом, рецензируемая книга пытается отразить растущее разнообразие национальных социологий в XXI в., стимулируя взаимодействие между ними как частями глобальной социологии. В этом ее очевидное достоинство. Вместе с тем, пожалуй, единственное, что придает цельность книге, – это самоидентификация авторов как социологов и их близость к МСА. На наш взгляд, постановочные тезисы редакторов о трех новых «поворотах» в развитии социологии имеют высокую ценность, но они не в полной мере отражены в последующем содержании. Еще одним поводом для беспокойства является то, что мы видим лишь два или три примера явных теоретических или методологических инноваций (например, тезис о «глобальных поколениях»). От столь амбициозного проекта можно было ожидать большего именно в части продвижения социальной теории.

П.С. СОРОКИН

СОРОКИН Павел Сергеевич – кандидат социологических наук, доцент, заведующий лабораторией исследований человеческого потенциала и образования Института образования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия (psorokin@hse.ru).

DOI: 10.31857/S013216250018910-4

Hanafi S., Yi C. C. (eds) SOCIOLOGIES IN DIALOGUE. SAGE: SAGE Studies in International Sociology, 2020. Reviewed by P.S. Sorokin

---

Pavel S. SOROKIN, Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof., Head of the Laboratory for Human Capital and Education Research, Institute of Education, National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russia (psorokin@hse.ru).

© 2022 г.

ОБЩЕСТВО БУДУЩЕГО: ДУХОВНЫЙ ОПЫТ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ПОИСКА РОССИИ И КИТАЯ / Науч. ред. М.Ю. Захаров, И.Е. Старовойтова. М.: ГУУ, 2022

Научное исследование общества будущего – важная и актуальная проблема. Но качество публикуемых по этой тематике работ в условиях наступившей цифровой эпохи значительно отстаёт от потребностей. Несмотря на большое количество отечественных и зарубежных публикаций по аспектам общества будущего, вопросы концептуального поиска особенностей духовного опыта таких ведущих стран мира, как Россия и Китай, специально не рассматриваются. И это объяснимо: такой анализ не только требует углублённого осмысления природы будущего, но и предполагает изучение национальной специфики прогностического знания, особенностей его функционирования в духовной сфере конкретного общества. По мнению ряда специалистов, потенциал прогностической методологии заметно уменьшился; нужны принципиально новые пути к познанию будущего¹.

В связи с этим заслуживает внимания международная гуманитарная программа «Россия – Китай: творческий диалог двух великих культур», осуществляемая по инициативе кафедры философии Государственного университета управления. Этапом реализации данной программы стала коллективная монография, в которой на опыте разных стран раскрывается роль традиционных ценностей и моделей в предвидении общества будущего в условиях нарастающих глобальных изменений, анализируется цифровизация социальной сферы общества в контексте образовательных, психологических и культурных аспектов.

В книге предпринята попытка через призму социально-гуманитарных практик раскрыть уникальность прогностики, проанализировать роль и место явного и неявного прогностического знания, понять механизмы концептуального поиска общества будущего в России и Китае. Важно, что авторы актуализируют уникальность наднационального

---

¹ См., напр.: Балацкий Е.В., Екимова Н.А. Инструменты государственного управления: прогнозирование vs проектирование // Управленец. 2021. Т. 12. № 1. С. 18–31; Селиванов А.И. Методологические платформы и методы стратегического прогнозирования: мировой опыт и российский потенциал // Власть. 2021. Т. 29. № 1. С. 280–290.

образования культурного наследия мирового социума, которое невозможно изучать только посредством традиционных научных категорий, методов и приёмов. По их мнению, необходим более широкий концептуальный и методологический подход к исследованию общества будущего.

С нашей точки зрения, такой подход базируется на применении постнеклассической методологии, интерпретирующей будущее как вариативное, полисценарное образование, к которому предъявляется ряд требований: сценарии должны отражать результаты анализа и диагноза вероятностных параметров развития с целью выбора наиболее приемлемого варианта, а также рационализацию субъективного фактора и учёт ресурсной базы. Последнее приводит к формированию правдоподобного образа будущего конкретного общества с минимальным числом нечётких формулировок. Этот образ должен быть технологичен, причём его технологическая востребованность должна стать опережающей. Сценарное будущее предполагает, таким образом, использование научного инструментария с целью выявления контуров грядущего, изучения альтернатив и возможных последствий их реализации.

Как в монографии решаются обозначенные задачи? Авторы раскрывают важность традиционных ценностей и моделей для построения и предвидения общества будущего России и Китая. Поучительны результаты анализа природы общественного идеала старого Китая и особенностей трёх его классических концептуальных форм: даосской, «колодезных полей», конфуцианской. Последняя объединяет условные, временные циклы развития Поднебесной: общество «Хунь луань», общество «Сяо кан», общество «Да тун». Исторический опыт свидетельствует об управляемой трансформации общественного идеала старого Китая в форсайт-проект национального значения, промежуточным результатом которого был 2020 год (этап практики достижения уровня общества «Сяо кан»), а итоговым будет 2050 год (этап окончания строительства общества «Да тун»).

На примерах обращения к китайскому, российскому и польскому культурному опыту проведен компаративный анализ инструментов прогнозирования общества будущего. Учитывая глубину, масштаб и значимость темы, авторы сосредоточили внимание на изучении типичных примеров применения магического (Лао-Цзы и последователи), научно-философского (А. Зиновьев), интегративного (С. Лем) подходов к предвидению общества будущего в условиях глобальных изменений и кризиса цивилизации, вызванного пандемией COVID-19. В связи с этим важен вывод авторов, обосновывающий необходимость творческого синтеза восточной, евразийской и европейской традиций анализа и диагноза обозримого и отдалённого будущего.

Существенно значима попытка анализа православного принципа соборности как идеологии, обладающей значительным потенциалом интеграции, и как духовной ценности, способствующей сохранению русской культурной идентичности перед вызовами глобализации и цифровизации.

Материалы книги посвящены трендам образования в эпоху цифровизации: виртуализации образовательной среды, смешанному и дистанционному обучению, разработке моделей цифрового университета, продвижению идеологии непрерывного образования и культуры инноваций, использованию Big Data, технологий искусственного интеллекта для персонализации образовательных траекторий, а также расширению сотрудничества научных и образовательных организаций со сферой бизнеса. Авторами раскрывается понятие академической мобильности, на опыте России и Китая анализируются её виды («внутренняя – внешняя», «исходящая – входящая», «реальная – виртуальная»), усиление внутренней и виртуальной академической мобильности. Результаты анализа проблем информационной составляющей культуры современных студентов выявили, что комплексное внимание к этическим вопросам и когнитивному аспекту благополучия обучающихся должно стать частью культуры образовательного пространства, а цифровая грамотность, как одна из главных его составляющих, находится в фокусе внимания участников образовательного процесса.

В монографии рассматриваются проблемы трансформации сознания работников современных организаций в условиях работы в быстро меняющихся условиях, деформации ценностей, изменения отношения работников к труду, к обучению и переквалификации, психологической безопасности. Авторы приходят к выводу о необходимости в управлении организациями целенаправленной трансформации сознания работников для их успешной профессиональной адаптации. Делается вывод, что на деятельность организации оказывают влияние не только очевидные факторы внешней и внутренней среды, но и её ценностные ориентиры, а выявление, формирование и управление ценностями позволяет организациям получать конкурентные преимущества.

Особый акцент авторами сделан на изучении трансформации массовой культуры под воздействием цифровизации. Рассмотрение ведущих направлений массовой культуры в Китае позволило сделать вывод о том, что её развитие регулируется государством и опирается на идею защиты национальной идентичности. Китайское государство активно содействует технологическому прогрессу и использует его достижения в культуре, одновременно подтверждая ценности классического образования и исторического опыта, сохранения традиций и культурного наследия, что преследует цель отстоять ментальное единство китайских граждан в условиях современных вызовов глобализации.

Суммируя вышесказанное, подчеркнем, что рецензируемая книга восполняет пробел в прогностических исследованиях, посвящённых духовному опыту России и Китая в части концептуального поиска горизонтов общества будущего, является существенным вкладом в отечественную теорию и практику научного предвидения. Вместе с тем необходима дальнейшая работа по осмыслению путей развития России и выхода нашей страны в мировые лидеры эры постиндустриальных технологических укладов, первый из которых включает управление (как науку), виртуальные технологии и инновационную экономику, второй – постиндустриальное общество и общественные науки.

Р.В. ЛЕНЬКОВ

ЛЕНЬКОВ Роман Викторович – кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (r_lenkov@mail.ru).

DOI: 10.31857/S013216250019694-6

SOCIETY OF THE FUTURE: SPIRITUAL EXPERIENCE OF THE CONCEPTUAL SEARCH FOR RUSSIA AND CHINA / Ed. by M.Yu. Zakharov, I.E. Starovoitova. Moscow: GUU, 2022. Reviewed by R. V. Len'kov

---

Roman V. LEN'KOV, Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Senior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (r_lenkov@mail.ru).

Коротко о книгах

Петухов В.В. ДЕМОКРАТИЯ ДЛЯ ВСЕХ. М.: ВЦИОМ, 2022. 588 с.

В издании собраны статьи В.В. Петухова (1950–2021), опубликованные в разные годы и объединенные в пять тематических блоков: «Демократия участия», «Трансформация ценностей россиян», «Российская молодежь и ее роль в трансформации общества», «Внешняя политика в фокусе общественного мнения» и «Запрос на стабильность. Запрос на перемены». Написанные легко и доступно, основанные на результатах опросов общественного мнения работы охватывают период с конца 1980-х по 2021 год и отражают социальные изменения и настроения россиян в переходные моменты, которыми изобилует история нашей страны за последние полвека.

Включенные в сборник статьи представляют историческую ценность, а также описывают явления и тенденции, отражающие особенности развития отечественной научной мысли. Издание затрагивает значимые остро актуальные темы и адресовано как специалистам в области общественных наук, так и широкому кругу читателей, интересующихся процессами, происходящими в российском обществе.

Катерный И.В. ПОСТГУМАНИЗМ. ЧЕЛОВЕК В ЭПОХУ НОВОЙ СОЦИАЛЬНОСТИ МЕТАМОРФОЗЫ, НАРРАТИВЫ, ДИЛЕММЫ. М.: ЛЕНАНД, 2021. 352 с.

На смену эпохе гуманитарной модернизации, длившейся последние 400–500 лет, идет новая тенденция социокультурной трансформации, получившая название «постгуманизация». Речь идет о разрывании и легитимации процессов децентрации, субституции и самотрансформации человека и человеческого в социальной онтологии и аксиологии модернизированных обществ, включая процессы социального ускорения, моральной трансгрессии, десекуритизации, внедрения технологий искусственного интеллекта и признания морфологической свободы в сфере телесности. Биополитическая governментальность в условиях пандемии COVID-19 стала еще одним ярким симптомом происходящей постгуманизации. Возникающий вокруг этих процессов дискурс постгуманизма не только отражает новую реальность, но и сам активно формирует концептуальное поле для разработки новых философских, научных, этических и религиозных практик – от геной инженерии до трансфигуризма. В книге автор подводит итоги своего многолетнего исследования этих масштабных трансформаций и впервые в отечественной науке предлагает читателю обобщающий взгляд на актуальные проблемы «постчеловеческого» и перспективы гуманизма в условиях нового «воображаемого установления» общества.

Книга ориентирована на ученых и преподавателей, работающих в области общественных и гуманитарных наук, а также всех, кто интересуется современной социальной теорией.

Енина Л., Граматчикова Н. ПЕРВОСТРОИТЕЛИ УРАЛМАША КАК ПЕРФОРМАТИВНЫЙ ПРОЕКТ: КОНСТРУИРОВАНИЕ ЗАВОДСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ. Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2021. 282 с.

В монографии на основе воспоминаний работников Уралмаша, собранных Музеем истории Уралмаш-завода (г. Екатеринбург) в 1960–1980-е гг., анализируются дискурсивные способы конструирования заводской идентичности. Особое внимание уделено выявлению и описанию значимых идентификаций для «уралмашевца»: идеологических, профессиональных, пространственных и временных. Также в книге содержится обзор художественных и публицистических текстов 1930-х гг., послуживших «дискурсивной фабрикой» для разработки важных смыслов при рассказе об Уралмаше и уральских рабочих. Основную часть исследования сопровождают ранее не публиковавшиеся автобиографические тексты работников завода, что позволит читателю самостоятельно оценить богатую информацию о производственных отношениях и речевой специфике в позднесоветское время.

Монография представляет интерес для специалистов в области гуманитарных наук, исследователей автобиографических текстов и всех интересующихся историей индустриального Урала и советской эпохи.

Хирш М. ПОКОЛЕНИЕ ПОСТПАМЯТИ: ПИСЬМО И ВИЗУАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ПОСЛЕ ХОЛОКОСТА / Пер. Н. Эппле. М.: Новое издательство, 2021. 428 с.

Возможно ли помнить не свое, а чужое прошлое? Как историческая травма влияет на жизнь тех, кто не был современником катастрофических событий? Автор книги исследует глубинные механизмы передачи памяти о Холокосте через поколения, уделяя внимание не только и не столько семейной памяти, сколько материалам послевоенной культуры – искусства, литературы и различных социальных теорий. Она рассматривает средства, механизмы и институции, посредством которых прошлое сопутствует нам

в настоящем и формирует наше будущее; исследует факторы, обуславливающие историческую передачу памяти из поколения в поколение, и влияние на этот процесс политических и идеологических изменений, миграции и расселения.

ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: МЕЖДУ ЕВРОПОЙ И АЗИЕЙ / Отв. ред. Б.П. Гуселетов. М.: ФНИСЦ РАН, 2022. 187 с.

В коллективной монографии описаны результаты междисциплинарного исследования современных политических и социально-экономических процессов на постсоветском пространстве. В работе анализируется актуальное состояние региона в условиях нелинейного развития процессов глобализации и регионализации; даются оценки ведущих российских и зарубежных ученых, касающиеся основных тенденций дальнейшего развития бывших советских республик, включая влияние на них ключевых внешних (таких как ЕС, Китай, США и др.) и внутренних акторов (Россия), а также их истории.

МОДЕРНИЗАЦИЯ КОРЕИ: ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА, ОБЩЕСТВО, КУЛЬТУРА: коллективная монография / Отв. ред. Р.К. Тангалычева. М.: ВЦИОМ, 2022. 372 с.

Коллективная монография посвящена отдельным аспектам модернизации Кореи, начиная со второй половины XIX века и заканчивая современным этапом социокультурных изменений в южнокорейском обществе. Представленные материалы охватывают реформы в Корею в XVIII – начале XX века, модернизацию политических институтов и экономики Республики Корея и КНДР в наши дни, социокультурную динамику южнокорейского общества, а также отражение процессов модернизации в южнокорейской массовой культуре – литературе и кинематографе.

Книга адресована историкам, политологам, социологам, экономистам, литературоведам, специалистам в области международных отношений, а также широкому кругу читателей, интересующихся междисциплинарными исследованиями современной Кореи и различными аспектами ее модернизации.

Ханушек Э., Вёссманн Л. ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ В РАЗНЫХ СТРАНАХ МИРА / Пер. с англ. Ю. Каптуревского; под науч. ред. А. Рябова. М.: Изд. дом ВШЭ, 2022. 352 с.

В данной книге авторы проверяют гипотезу о том, что «интеллектуальный капитал» страны имеет важнейшее значение для ее благосостояния в долгосрочной перспективе. Используя альтернативные спецификации, различные выборки стран и эконометрический анализ причинно-следственных интерпретаций и пр., они находят взаимосвязь между познавательными навыками школьников и экономическим ростом развивающихся и развитых стран. Например, авторы показывают, что «загадка латиноамериканского роста» и «восточноазиатское чудо» объясняются интеллектуальным капиталом этих регионов. Основываясь на результатах своего исследования, они выступают за создание системы образования, которая обеспечивала бы эффективную подотчетность школ, широкий выбор и конкуренцию учебных заведений, а также вознаграждение учителей за высокие результаты обучения школьников.

Книга адресована специалистам, занимающимся сравнительными исследованиями школьного образования, и руководителям разных уровней, определяющим образовательную политику.

Подготовила А. ГОВОРОВА

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

(2022. Т. 28)

- № 1.** *Нарьян С.К., Быков А.В.* Проблема моральной агентности акторов: перспективы социологического подхода в контексте теории «моральной диады»; *Власова О.А.* Методологии Memory Studies и социологии философий в исследованиях истории философии и науки; *Силва М.К. и др.* Методы гражданского участия: показательный случай «острова» Бела Виста в Порто (2013–2017); *Темницкий А.Л.* Роль ценностей самоутверждения в достижении благополучия у российских работников; *Латова Н.В.* Досуговые предпочтения российских специалистов как фактор наращивания человеческого потенциала; *Кученкова А.В.* Прекаризация занятости и субъективное благополучие работников разных возрастных групп; *Зборовский Г.Е.* Социология в регионе как предмет научного исследования; *Малинкин А.Н.* Феноменологическая этимема в марксистской социологии искусства В.Н. Волошинова (на примере статьи «Слово в жизни и слово в поэзии...»).

МИР РОССИИ: СОЦИОЛОГИЯ, ЭТНОЛОГИЯ

(2022. Т. 31)

- № 2.** *Туманова А.С., Сафонов А.А.* Гражданское общество в информационно-цифровую эпоху: проблемы трансформации и адаптации; *Попов Д.С., Стрельникова А.В., Григорьева Е.А.* Цифровизация российской средней школы: отдача и факторы риска; *Варламова Ю.А.* Межпоколенческий цифровой разрыв в России; *Шевцова И.К., Гилев А.В., Завадская М.А.* Когда мэры против: факторы муниципальной автономии в условиях централизации; *Минаева Э.Ю.* Стратегии сохранения и отмены прямых выборов глав муниципальных образований в России; *Вендина О.И., Зиновьев А.С.* Пограничность и периферийность: к вопросу о контексте формирования калининградской идентичности; *Михалева А.А.* «Власть традиций»: неотрайбалистское осмысление политики в республиках Дальнего Востока России; *Барахвостов П.А.* Права наследования в процессе формирования и эволюции институциональных матриц.

ЖУРНАЛ СОЦИОЛОГИИ И СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ

(2022. Т. 25)

- № 1.** *Николс Л.Т.* Сорокин, Парсонс и Гарвард: соперничество, изменение статуса и стратификация в науке; *Шачин С.В., Шачина А.Ю.* Концепция общества социальной свободы Акселя Хоннета; *Скокова Ю.А., Рыбникова М.А.* Размер некоммерческого сектора в регионах России: факторы различий; *Петрова Е.В., Шалонская Е.В.* Сельский читатель в переходный период: традиционные и цифровые практики чтения и отношение к ним; *Пунгина А.П. и др.* «Чтобы не болтался»: внешкольная деятельность как мера профилактики девиантного поведения детей; *Тулаева С.А., Гладун Е.Ф., Захарова О.В.* Молодежь коренных малочисленных народов Севера: стратегии конструирования идентичности; *Костко Н.А.* Показатели городской идентичности как элемента социального пространства города; *Ненько А.Е., Недосека Е.В.* Ценности городской среды в дискурсе соседских онлайн-сообществ.

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

(2022. Т. 21)

- № 1.** Каспэ С. В этом шкафу много скелетов: политическое использование традиции в современной России; Шкель С., Щербак А., Ткачева Т. Анатомия лояльности: механизмы формирования электорального сверхбольшинства в этнических республиках современной России; Карчагин Е. Сколько видов справедливости в «Левиафане» Томаса Гоббса?; Керимов Т. «Онтологический поворот» в социальных науках: возвращение эпистемологии; Мазаева М. Феномен атмосферы как объект междисциплинарного исследования; Шариков Д. Натурализация культуры: когнитивизм против прагматизма; Соколова Н., Михайлова Е. Литература «не для всех» и феномен guilty pleasure: литературные классификации как пространство создания различия; Сафонова М. Медали, барьеры, отцы и карьеры: институциональная инерция и изменения в российском художественном мире конца XIX – начала XX века; Черновская М. Критика марксизма как прототеория культурного капитала и «нового класса»: теория интеллигенции Яна Вацлава Махайского.

СОЦИОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, МЕТОДЫ, МАТЕМАТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ
(СОЦИОЛОГИЯ: 4М)

(2021)

- № 52.** Щеглова Т.Е., Мальцева Д.В., Ким А.В. Блокмоделинг для анализа социальных структур: методологические основания; Ткаченко Е.В. Методологические аспекты дифференциации поколений: на примере определения характерных для российских миллениалов установок по отношению к питанию; Климова А.М., Артамонов Г.А., Чмель К.Ш. Измерение политического знания: разработка и апробация шкалы в России; Бизюков П.В., Бурнышева Т.В. Изучение динамики трудовых протестов: опыт применения линейной аппроксимации; Артемова Е.Л., Максименко А.А., Охрименко Д.А. Применение методов машинного обучения для классификации контента коррупционной тематики в русскоязычных и англоязычных интернет-СМИ.

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА И СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА

(2022. Т. 10)

- № 1.** Чумиков А.Н. Социально-коммуникационные механизмы адаптации населения к условиям пандемии в общероссийском, региональном и отраслевом контекстах; Ефимова Г.З. Карьерный путь преподавателей высшей школы; Винокурова Д.М., Максимов Н.Р., Хуа Ц. Структуры интеракций китайских студентов в вузах ДФО РФ: образовательно-досуговое пространство; Адамьянц Т.З. Виртуальные социокультурные миры на открытых платформах Интернета; Солодников В.В., Солодникова И.В. Социальные представления российских школьниц о семье и раздельное по полу образование: полевое квазиэкспериментальное исследование; Арутюнова Е.М. Анализ представлений о русском языке в российской идентичности: экспертный дискурс; Логунова Л.Ю., Тремблюк Е.Я., Уткина А.Н. Туристический потенциал Кемеровской области: специфика управления; Ростовская Т.К., Золотарева О.А. Профессиональный стандарт «демограф» как ключевой механизм управления развитием кадрового потенциала в области народосбережения; Галкин К.А. Между материальным и социальным: соседские отношения пожилых людей «внутри» инфраструктурного дефицита; Бесчасная А.А. А.И. Блага «Социология детства»: неизвестные страницы истории социологии детства. Часть I.

ВЕСТНИК ИНСТИТУТА СОЦИОЛОГИИ

(2022. Т. 13)

- № 1.** Данилов А.Н. Социологическое воображение в зоне неизвестности (на примере развития социологии в Беларуси); Мысливец Н.Л. Формирование и особенности эволюции исторической памяти белорусской молодежи (из опыта социологических исследований); Лебедева Е.В. «Право на город»: опыт анализа дворовых сообществ с позиции критической теории (на примере Минска); Мартинович В.А. Идентификация новых религиозных движений в практике редакций и журналистов печатных СМИ; Марин Е.Б. Структура протестного мышления и представление о социальном протесте молодежи поколений «Y» и «Z» Дальнего Востока и Москвы; Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю. «Цифровое детство»: протестный потенциал школьников (результаты массового опроса в Ставропольском крае, 2020 г.); Костина Е.Ю., Орлова Н.А. Социальная активность и социальная ответственность в представлениях и практиках современной молодежи; Викторова Е.В. и др. Европейская и национальная идентичность в представлениях современной российской молодежи: кейс Санкт-Петербурга; Григорьев Д.С. Эволюционная социология Дж. Тёрнера: введение в концепцию спенсеровского отбора.

МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ:
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЫНЫ

(2022)

- № 2.** Резаев А.В., Трегубова Н.Д. «Эмоциональный утилитаризм» и пределы развития искусственного интеллекта; Воробьев А.А., Ноздрачева Е.Д. Методика прогнозирования результатов выборов с использованием комбинирования методов аналитического и трендового моделирования; Озорнина Н.Ю., Любицкая К.А., Бочавер А.А. К проблемам понятийного аппарата в исследованиях родительства в образовании; Омельченко Е.Л., Лисовская И.В. Молодежь как барометр будущего? Молодежная повестка в современной России сквозь мнения экспертов по молодежной политике; Малкина М.Ю., Рогачев Д.Ю. Самоуверенность, склонность к риску и склонность к недобросовестным действиям как детерминанты экономического поведения студентов; Кравцова А.Н., Кузинер Е.Н. Быть взрослым и/или уметь им быть: модели взросления ранних миллениалов; Ефимов Д.Б. Студенческое представительство в университетском управлении: факторы вовлеченности; Поплавская А.А. Факторы формирования внутренних и внешних трудовых ценностей студентов российских вузов; Картузова М.В. Конкурентные стратегии фрилансеров старшего возраста на электронных трудовых платформах; Варшавер Е.А., Иванова Н.С., Рочева А.Л. Когда и почему мигранты приобретают жилье в России и как это связано с интеграцией?; Космарская Н.П., Пешкова В.М., Савин И.С. Москва – город контактов? Форматы и масштабы взаимодействия москвичей с мигрантами; Андреевкова А.В., Дмитриева Е.В., Носкова А.В. Восприятие цифровизации школьного образования: исследовательские результаты онлайн-фокус-групп с учителями и родителями учеников; Семенова Т.В. «Когда сидишь просто перед компьютером, он от тебя ничего не требует»: трудности и стратегии студентов при прохождении МООК в вузах; Ефимова Г.З. Профессиональное продвижение преподавателей высшей школы в виртуальных социальных сетях; Забелина О.В. Качество медицинской помощи глазами пациентов: итоги независимого онлайн-опроса. Часть I; Полушкина Т.М., Акимова Ю.А., Коваленко Е.Г. Социальные стандарты и инклюзивная модель развития сельских территорий; Краснопольская И.И. и др. Факторы удовлетворенности эпизодических волонтеров; Цацура Е.А., Клюева Н.Ю. Социально-демографические характеристики, условия жизни и потребности людей в ситуации бездомности в Москве; Бараш Р.Э. Социальные медиа как фактор формирования общественно-политических установок, российский контекст; Островская Е.А. Альтернативный медиадискурс об РПЦ: православные Telegram-каналы.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

(2022. Т. 23)

- № 2.** Рыжова Н.П., Журавская Т.Н. Роль социальных медиа в адаптации россиян, занятых на прекарных рынках труда в Корею и Китае; Дорлинг Д., Гител-Бастен С. Почему важна демография; Галицина К.В., Калиновская П.А., Хворостянова О.Ю. Онлайн-дейтинг: рынок или базар? Процесс поиска брачной пары на православном сайте знакомств; Казун А.Д. Конспирологическое мышление: понятие, измерение и факторы.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

(2022)

- № 2.** Ровинская Т.Л. Свобода слова в условиях цифровой диктатуры IT-корпораций; Тимофеева Л.Н. и др. Цифровая социально-политическая повестка дня и ее осмысление в условиях новой медиаэкологии; Иваненко Е.А. Change.org как форма «случайной политики»: анализ русскоязычных петиций; Назукина М.В. Регионализм в «посланиях» глав субъектов РФ: дискурсивный аспект; Троицкий М.А. Конкурирующие концепции справедливости в мировой политике; Райнхардт Р.О., Панов А.Н. «Дипломатия для науки» в интерпретации российских научных и дипломатических работников; Грэм Т. Россия и США на мировой сцене. Часть II. Идеологический и геополитический путь к непреходящему соперничеству; Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Особый взгляд на великого соседа: восприятие Китая и китайцев на Юге Тихоокеанской России.

ЖУРНАЛ ИССЛЕДОВАНИЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

(2022. Т. 20)

- № 1.** Нартова Н.А. и др. Анализ дискурсивных режимов перехода во взрослость в нормативных документах молодежной политики России; Филипова А.Г., Бухтиярова И.Н. О смысле, барьерах и практиках участия детей: размышления над седьмым разделом Национальной стратегии действий в интересах детей; Рождественская Е.Ю., Воронкова А.И. Достижительная женственность: медийная репрезентация успешной профессиональной карьеры; Таракановская К.С. Гендерный дисбаланс в сфере науки: объективная статистика и субъективные смыслы; Полихина Н.А. и др. О вопросах гендерного баланса в руководстве университетов в России и за рубежом; Басова Е.А. Региональное неравенство в контексте доступности социально значимых благ: компаративная оценка; Попов Е.А. Социальные функции сельского врача (на примере сибирских регионов); Картузова М.В. Электронная самозанятость в старшем возрасте: мечта длиною в жизнь и монетизация деловых связей; Надирова Г., Калиева Ш., Сейтметова Д. Женское лидерство в Казахстане как фактор социальной зрелости; Валибейги М., Серешти М. Социальное пространство и социальная политика в иранских городских сообществах; Прокофьева Л.М., Миронова А.А. Обусловленные социальные трансферты как важное направление развития государственной социальной помощи в России; Сорокин П.С., Попова Т.А. Качество человеческого капитала – ответ на вызовы социальной политики в условиях деструктуризации.

СОЦИОЛОГИЯ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

(2022. Т. 13)

- № 1.** Гвоздецкий В.Л., Будрейко Е.Н. О чем не хотят вспоминать (к 150-летию со дня рождения Г.М. Кржижановского); Соболев В.С. «Труды, на пользу наук предпринимаемые» (первое присуждение Академией наук Демидовских премий в 1832 г.); Дол-

гова Е.А., Малинов А.В. Социология и наука о народном хозяйстве (по материалам рукописи Н.И. Кареева «Общая методология гуманитарных наук»); Кареев Н.И. Глава 6. Теоретические гуманитарные науки (фрагменты); Вершинин И.В. О принципал-агентской проблеме в научной политике; Еркина Д.С., Малахов В.А., Юревич М.А. Программа мегаянтаров: импульс международной мобильности или канал «утечки умов»?; Иванов Д.В. Интернет-коммуникации как социальная рутина в российских мегаполисах; Трофимова И.Н. Национальные исследовательские университеты: статус и результаты деятельности; Ефимова Г.З. Соавторство или соло-авторство: соблюдение традиций или свободный выбор?; Фандо Р.А., Родный А.Н., Лапина И.В. «Если наука живет, у нее будет и история» (интервью с Ю.М. Батуриным).

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

(2022)

- № 1.** Данилов Ю.А. Коалиции за устойчивые финансы и устойчивое развитие; Четыррова Л.Б. Проблема трансформации труда в постсоциалистической перспективе; Авилова А.В. Социально-экономические реформы правительства Марио Драги; Квашнин Ю.Д. Стратегии европейских городов по привлечению высококвалифицированных мигрантов; Клупт М.А. Запад, не-запад и стратегии политической борьбы на демографическом поле; Хайруллин Т.Р. Тенденции в политическом исламе: переход в сторону либерализации; Прокофьев А.В. Автономистское обоснование морали: реконструкция и оценка; Оболонский А.В. Системные деформации в социальных науках как следствие иррациональной бюрократизации управления; Толочнев К.А. Модель влияния цензуры на общественное мнение в социальных медиа.
- № 2.** Иванов В.В. и др. Концептуальные подходы к формированию сотрудничества России и Республики Беларусь; Давыдов А.А., Куприянов А.В. Отношения США и Индии: формирование союза или ситуативное партнерство?; Богданов К.В., Стефанович Д.В. Мировое ракетное распространение: вызовы и решения; Дискин И.Е. Модели легитимации и альтернативы социальной динамики; Воронина Н.С. Социальная справедливость в оценках российской молодежи (на основе данных RLMS за 2019 г.); Иосипенко С.В. Современное состояние и возможные пути развития космической отрасли России; Федотова В.А. Доверие к власти и политическая активность российской молодежи: роль этнической самоидентификации.

ИНТЕРАКЦИЯ. ИНТЕРВЬЮ. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ (INTER)

(2022. Т. 14)

- № 1.** Здравомыслова Е.А. и др. Куда идет качественная методология? Коллективная дискуссия; Михайлова О.Р. Измерение моральной паники на межличностном уровне: случай женщин-про-ана блогеров; Бердышева Е.С. Ценности самозаботы: «энтузиасты здоровья» и хэлсифицированное потребление; Ариф Э.М., Ревякина А.А. Избирательно-мягкая маскулинность: кейс мастеров ногтевого сервиса в Санкт-Петербурге; Логунова О.С., Завгородняя П.М. Конструирование образа микроселебрити в Instagram¹: анализ пользовательского опыта; Ваньке А.В. ИНТЕР-энциклопедия: многофокусная этнография.

¹ Деятельность корпорации Meta, которой принадлежит платформа Instagram, запрещена на территории РФ.

**ЖУРНАЛ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА.
СОЦИОЛОГИЯ (МИНСК)**

(2022)

№ 1. *Шавель С.А.* Современная белорусская стратегия развития общества; *Антонович И.И.* Парадокс Фулбрайта и конец однополярного мира (полемиические заметки); *Данилов А.Н.* Сова Минервы вылетает в сумерки: культура и новая цивилизация; *Смирнов В.Э.* Цифровизация как форма модернизации; *Титаренко Л.Г.* Цифровизация обучения: движущая сила модернизации системы высшего образования или гуманитарная угроза?; *Лебедева Е.В.* Цифровая трансформация большого города как объект социологического анализа; *Павловская О.А.* Специфика морального фактора в обеспечении национальной безопасности Беларуси; *Берков В.Ф.* Замалчивание как способ декоммунизации современного отечественного обществоведения; *Волнистая М.Г.* Организационное проектирование социальной миссии университета: функциональный подход; *Симхович В.А.* Как измерить образовательную среду университета?; *Шкурова Е.В., Новицкий Е.Н., Кудревич М.А.* Характеристики и факторы формирования стратегий социальной адаптации к COVID-19 среди населения Республики Беларусь.

Подготовила А. ГОВОРОВА

CURRENT SOCIOLOGY

(2022. Т. 70)

- № 2.** *Лопес Пелаес А. и др.* Сверхразнообразие: новые пути социальных наук в грядущем будущем; *Агиляр-Таблада М.В. и др.* Сверхразнообразие и социальная политика в сложном обществе: социальные вызовы XXI века; *Кируан Г.* Заново воображая свеохразнообразие: применение теории сверхразнообразия за пределами исследований миграции; *Кастильо де Меса Х., Гомес Джасинто Л.* Цифровые компетенции и навыки как ключевые факторы между связностью и терпимостью к разнообразию в социальных сетях: кейс-стади выпускников факультетов социальной работы в Facebook; *Альварес-Перес П., Харрис В.* Персональные социальные сети как одно из измерений сверхразнообразия; *Лейтано Перейра Х.М.* Жизнь детей в контексте сверхразнообразия: влияние на конструирование гражданства детей – кейс Португалии; *Ди Роза Р.Т., Тумминелли Дж.* Диверсификация разнообразия: миграции, культурный плюрализм и городские трансформации в Палермо (Италия); *Рингс Г.* Сверхразнообразный прекариат высшего образования Британии: еще раз о *Limpiadores* (уборщиках).
- № 3.** *Соляр К.* Доверие военным в поствавторитарных обществах; *Аталэй З.* Взаимное учреждение не-либерального гражданского общества и неавторитаризма: данные Турции; *Ёвер Д.* От самоцензуры к соперничеству: спровоцированные чувством стыда протесты на площади Гези в 2013 г.; *Хладик Р., Дигре Н.* Граница между литературой и наукой в социологических статьях: использование художественной литературы для выявления закономерностей в соавторстве, поле автора и рейтинге цитирования; *Лаллеман М.* К веберовской социологии интенциональных сообществ; *Баккали Ю.* Дорожные капиталы: переосмысление уличного капитала, производства стоимости и обмена в контексте дорожной жизни в Великобритании; *Сяоин Ки.* Социальные сети как контексты контактов и инициатив: опыт эмпирического изучения; *Лим А.* Некоммерческие организации как социально ответственные акторы: неолиберализм, институциональные структуры и расширение прав и возможностей в Глобальном договоре ООН.

AMERICAN SOCIOLOGICAL REVIEW

(2022. Т. 87)

- № 1. *Моррис О.* Альтернативный взгляд на модерн: голоса «низов»; *Прима Дж.* Технологии экспертности: опиоиды и кризис веры в управление болью; *Де Суси М., Ваггонер М.* Несчастье другого: аллергия на арахис, восприятие риска и ответственная социальность; *Триплет Дж.* Голос Pueblo Cubano (народа Кубы): политизация и производительность труда женщин в революционной Кубе, 1959–1969; *Джексон М. и др.* Государственные инвестиции и классовые разрывы в расходах родителей на развитие детей; *Люин Ло.* Разнородные эффекты межпоколенной социальной мобильности: усовершенствованный метод и новые данные.
- № 2. *Найт К. и др.* Под радаром: наблюдаемость и последствия исков о дискриминации в малых и крупных фирмах; *Браун Р.* Кровные связи: пересечение национальных границ и антисемитизм в Веймарской Германии; *Роббинс Б. и др.* Оценка тезиса о деинституционализации брака: экспериментальный тест; *Лон Дуань, Грейс М.* Факторы влияния общественного мнения на отказ в медицинской помощи трансгендерным людям; *Миттельман Дж.* Пересекая гендерный разрыв в науке: образование гомосексуальной и бисексуальной Америки; *Горвиц И. и др.* Религиозные привычки, самооценка и образовательная карьера еврейских и не-еврейских женщин.

AMERICAN JOURNAL OF SOCIOLOGY

(2022. Т. 127)

- № 4. *МакЭлхаттан Д.* Бурный рост законов США о проверке уголовного прошлого; *Сковилл К.* Конструирование исполнения законов об охране окружающей среды: право, наука и охрана животных из Красной книги в дельте Калифорнии; *Шихан П.* Парадокс самостоятельной экспертизы: как безработные становятся профессиональными карьерными тренерами; *Май Тай.* Полиция и символический контроль: процесс валоризации; *Мерриам Б., Пасевич Дж.* Большое расхождение: пристрастные бюрократии в современных США; *Веласко К., Пакстон П.* Деконструированная и конструктивная логики: объяснение инклюзивных перемен в языке некоммерческих организаций ЛГБТК+, 1998–2016; *Эллиот Т. и др.* Мягкое полицейское управление или институционализация протеста? Декомпозиция изменений полицейской деятельности на протестах с течением времени.

EUROPEAN SOCIOLOGICAL REVIEW

(2022. Т. 38)

- № 1. *Эрота Я. и др.* Социально-экономические условия и взаимодействия наследственных факторов в социальной стратификации на раннем этапе жизненного пути; *Дрегер Я.* Роль богатства родителей в образовательных путях детей в Германии; *Нат Ан Тринь, Букоди Э.* Межпоколенная классовая мобильность выходящих на рынок труда в Германии и Англии после 1950-х гг.; *Хельгертц И., Дрибе М.* Важны ли деды для успеха в образовании и заработке? (на примере Шведского регистра данных); *Хамедьерс М., Шмелцер П.* Брак, риск избыточной квалификации и выбор в обоих случаях: данные Германии; *Хогендорн Б. и др.* Почему менее образованные люди чаще расходятся? Жизненные стрессы и градиент распада пар; *Потарка Дж., Россье К.* Действительно ли женщины в гипогамных союзах более подавлены? Опыт кросс-национального сравнения среди высокообразованного населения; *Дотти Сани Дж.М., Каранта М.* Картирование перемен в отношении к геям и лесбиянкам в Европе: опыт применения теории диффузии; *Хартманн Й. и др.* Месть проигравших

от модернизации? Мобильность доходов и поддержка правых и левых популистских партий в Германии; Любке К. Социально-экономические корни отрицания климатических изменений среди населения Европы.

- № 2.** Эгер М. и др. Когда я была маленькой: устойчивое воздействие присутствия иммигрантов на установки урожденных американцев по отношению к иммигрантам и иммиграции; Халиль С., Науманн Э. Снижает ли контакт с иностранцами опасения по поводу иммиграции? Опыт лонгитюдного анализа в Германии; Донналоха В. Предпочтения британцев по поводу получения гражданства: результаты *conjoint*-эксперимента; Дайсс-Хельбиг Э., Ремер У. Влияет ли наличие в районе претендентов на убежище на установки к этой категории людей? Результаты естественного эксперимента; Кристиансен М. и др. Переход беженцев от получения пособий к труду: квазиэкспериментальный подход к изучению влияния контекста микрорайона; Шмидт Р. и др. Выбор образования и показатели работы иммигрантов на рынке труда в Европе; Мудзияма Р., Тойонага К. Роль размера когорты для трендов классового и профессионального возврата к образованию на первой работе – кейс Японии; Пашков М., Вайштаннер Д. Межклассовая интеграция через семейные связи и поддержку перераспределения доходов; Бернбург Й.Г. Коллективные действия и самосбывающееся пророчество: кейс протестов по поводу «панамских документов» в Исландии.

KÖLNER ZEITSCHRIFT FÜR SOZIOLOGIE UND SOZIALPSYCHOLOGIE

(2021. Т. 73)

- № 3.** Арнольд Н., Хассе Р., Морманн Х. Организационное общество переосмыслено: от архетипа к новым формам организации; Джуади О., Рессел Й., Зейферт А. Кто чувствует себя исключенным? Диагностическое использование концепции социальной эксклюзии; Осандер К. и др. Более длительное пособие по безработице в условиях кризиса? COVID-19 и максимальный срок поддержки, адекватный ситуации.
- № 4.** Даллингер У. Воспринимаемое неравенство и политический спрос; Хайдар А., Котичке Э. Как социальное государство формирует разрыв в субъективном благосостоянии между людьми с инвалидностью и без нее; Халл А. Все по-старому? Результаты получения высшего профессионального образования до и после введения Болонской системы; Заверт Т., Бахсляйтнер А. Стандартная дифференциация и проведение свободного времени как стратегии различения.

Подготовил Н. ВИКТОРОВ

ПАМЯТИ ЛЮДМИЛЫ ЯКОВЛЕВНЫ РУБИНОЙ (20.09.1933–20.04.2022)

Ушла из жизни Людмила Яковлевна Рубина – профессор, доктор философских наук, Отличник народного просвещения, Заслуженный работник науки РФ, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, Почетный профессор Уральского государственного педагогического университета (УрГПУ).

Выпускница филологического факультета Уральского государственного университета, она с 1956 г. работала учителем в школе рабочей молодежи, позже училась в аспирантуре и преподавала в вузе, многие годы руководила кафедрой социологии и Институтом социально-гуманитарного образования УрГПУ.

Эрудированность, безупречная грамотность, любовь к языку и поэзии, энциклопедические знания, гибкость ума, умение анализировать и четко формулировать мысли снижали Людмиле Яковлевне высокий авторитет в научном сообществе. Она руководила региональной группой крупных социологических исследований студентов и молодежи. Под ее началом в Свердловской области, наряду с 15 другими регионами страны, выполнен Всесоюзный лонгитюдный проект «Пути поколения». Исследование, начатое в 1983 г., продолжалось более 15 лет и стало международным. Проект отмечен высочайшим профессионализмом его организаторов и на его материалах защищено немало диссертаций.

Научные интересы Людмилы Яковлевны ёмко выражены в названии монографии, написанной вместе с ее учителем Михаилом Николаевичем Руткевичем, – «Общественные потребности, система образования, молодежь». Эти три объекта всегда были в центре ее научных, педагогических и общественных интересов. Ее монографии и научные статьи по социальным проблемам молодежи и студенчества, подготовке современного учителя, учебники по социологии, концептуальные доклады на конференциях востребованы в управлении образованием в региональном и всероссийском масштабе.

Людмила Яковлевна очень любила свою работу. Под ее руководством сформировался высококвалифицированный творческий коллектив опытных ученых-социологов и талантливой научной молодежи, усилия которого всегда были конструктивно направлены на решение актуальных исследовательских задач. Являясь членом коллегии Министерства общего и профессионального образования Свердловской области, членом диссертационных советов и председателем диссертационного совета в УрГПУ, редактором многих научных изданий. Л.Я. Рубина как признанный научный лидер и организатор образования творчески участвовала в разработке и научно-методическом обеспечении новых форм и направлений педагогического образования. Благодаря ее роли и заслугам создано Екатеринбургское отделение Академии социальных наук, члены которого возглавляли важные направления исследований в области социологии, философии, психологии, участвовали в экспертизе управленческих решений органов государственной власти.

Людмилу Яковлевну всегда отличала научная смелость, высокая требовательность к себе и качеству своей работы, мудрость, доброта, отзывчивость, готовность помочь коллегам в любом полезном деле и делиться с молодежью своими знаниями и опытом. Одна из ее последних печатных работ – яркое Послесловие к книге «Школа в бумажной пучине» (2020) заканчивается словами: «Впереди много работы, но цель ясна». И сейчас они звучат как символ ее благородной и деятельной жизни, как напутствие нам, ее коллегам и ученикам.

Добрая память о Людмиле Яковлевне Рубиной сохранится в наших сердцах.

Друзья, коллеги, ученики

SOCIOLOGICAL STUDIES

Monthly

2022 No. 6

CONTENTS

THE 100th ANNIVERSARY OF E. GOFFMAN

- 3 KRAVCHENKO E.I. Erving Goffman's Trite Metaphors
16 SOKOLOV M.M. E. Goffman as We Remember

SOCIAL POLICIES. SOCIAL STRUCTURE

- 23 ANDREENKOVA A.V. Belief in the Just World in European Culture
36 TSYGANOV A. A. Pension Expectations and Strategies of Russian Residents
43 SHCHEKOTUROV A.V. Kaliningrad Oblast' Image in Migrants' Narratives
55 MITINA E.A., YAROSH O.B., REUTOVA E.V. The Relevance Of Modern Municipal Heraldry of the Cities of the Republic of Crimea

SOCIOLOGY OF PROFESSIONS

- 66 TOSHCHENKO Zh.T. Professions: Socio-Technological Dimension
(a Methodological Analysis)

SOCIOLOGY OF RURAL

- 77 LUSHNIKOVA O.L. Ethnic Features of Farming, or Who Has More Livestock?
88 DYACHKOV V.L., KANISHCHEV V.V., OKATOV A.V. Sociological and Historical Aspects of Migration Processes in the Russian Village of the 20th – early 21st centuries (a Case of the Tambov Region)

SOCIOLOGY OF EDUCATION

- 101 OBRAZTSOV I.V., POLOVNYOV A.V. Involvement of School Children in Additional Education and Foreign Language Training Activities

CHAIR. CONSULTATIONS

- 114 RADAEV V.V. Crisis in the Modern University Teaching: What went wrong?

SOCIOLOGICAL JOURNALISM

- 125 PODVOYSKIY D.G., SPIRKINA A.K. In the Quiet..., Between People...: Silence as a Subject of Sociological Study

FACTS. COMMENTS. NOTES

- 136 LITVINOVA T.N., TSETSENBILEG TS., ZHELEZNIKOV A.S. Prospects for Russian-Mongolian Cooperation in the Eyes of the Citizens of the Two Countries
143 CHEVTAEVA N.G. Patrimonialism in Official Relations of Russian Officials: on the Materials of Pre-revolutionary Empirical Studies

ANNIVERSARY

- 148 A.O. Boronoev is 85!
150 G.A. Kliucharev is 65!

REFLECTING ON A NEW BOOK

152 KLIUCHAREV G.A. About University Autonomy in Institutional Execution

158 **BOOK REVIEWS** (reviewed are books: *Hanafi S., Yi C.C. (eds) Sociologies in Dialogue. SAGE: SAGE Studies in International Sociology, 2020. Reviewed by P.S. Sorokin; Society of the Future: Spiritual Experience of the Conceptual Search for Russia and China / Ed. by M.Yu. Zakharov, I.E. Starovoitova. Moscow: GUU, 2022. Reviewed by R.V. Len'kov*)

164 **BOOKS IN BRIEF**

166 **JOURNALS' GUIDE**

IN MEMORIAM

174 L.Ia. Rubina

175 **CONTENTS**

NEW BOOKS IN SOCIAL SCIENCE (inside front cover)

IN THE NEXT ISSUES (back cover)